

Юрий Лавров

Светлой памяти отца нашего
Георгия Ивановича Лаврова
в год его столетия со дня
рождения посвящаю!

*ЗОВ
ПЛЕХ
БОЛОТ*

Томск
Томск 2018

УДК
ББК
Л

Автор: Ю. Лавров

Л --- Зов тех болот. Литературно-художественное издание./Ю. Лавров – Тюмень: изд-во ГАУК ТОНБ, 2018. – 104 с.

Темы, поднятые в этом небольшом сборнике прозы сибиряком Юрием Лавровым, очень важны. Это память! Память о непростых и трагических страницах нашей истории. И эта память кровоточит! Сколько по Сибири великой и не только, погостов безымянных в местах урманно-таёжных, сколько живет потомков тех невинных, кто нашел упокой на просторах студёных. Память о них жива! Правдой жива!

16+

© Ю. Лавров, 2018

ПРИХОДИТ ВРЕМЯ НАЗАД ОГЛЯНУТЬСЯ...

И сказано в Библии (Экклезиаст 3:5) «Всему своё время, и время каждой вещи под небом. Время разбрасывать и время собирать камни...». Вот и автор этого небольшого по объёму, но ёмкого по содержанию и социальной значимости сборника, стремится по крупицам собрать на необъятных просторах студёной и родной Сибири и не только, всё то, что связано с его родословной, историей крепкого рода Лавровых-сибиряков. Поиском своих корней Юрий Лавров в последние годы занимается постоянно и целенаправленно. Интересные встречи с людьми разных поколений, их яркие воспоминания, экскурс в историю отдельных, порой трагических событий и судеб, все это побудило, пылливо-неуёмного и неравнодушного человека, изложить на бумаге, дабы оставить на память своим близким, друзьям и прежде всего внукам. Так и родились его незамысловатые, но душевно-искренние повествования о непростой жизни и буднях сибирской глубинки в разное время, через судьбы его родных и судьбу страны. Автором поднят целый пласт. Сборник серьёзен поднятыми темами. Исторически правдив и доступен. Глубоко убежден – он будет принят читателями разных поколений. В представленных рассказах читатель насладится в полной мере колоритом и богатством языка русского, напевностью, живостью, точностью и образностью говора сибирского. Увидит простоту, красоту, преданность и силу сибиряков, их характера. С большой любовью пишет автор о «братьях наших меньших», о бескорыстной помощи им в трудную минуту. О философии детей и их поразительно точном понимании ситуации и оценке наших действий. Автор правильно пишет о том, как надо всё вовремя понимать сердцем и какое великое счастье радоваться вместе с детьми жизни и красоте окружающего нас мира (Зимовье в зеленой долине).

Подкупает яркостью красок и его воспоминания о детстве, сцены рыбалки и охоты, бытовые описания. И везде красной нитью проходит его трепетное отношение к роди-

не малой, простота и народная мудрость. Громко звучит его голос в защиту окружающей природы, он с болью говорит о давно назревшей необходимости подняться всем миром, чтобы сберечь «чудо Господне» для потомков своих.

Особая тема в рассказах и повести Лаврова – Великое Васюганье, его непростая история. Это место значимо не только тем, что это самые большие по размеру болота в мире, равные по территории отдельным государствам. Но и тем, что по прихоти режима, волны репрессий выбрасывали сюда, в печально знаменитый Нарымский край, тысячи и тысячи ни в чём неповинных людей, ломали их судьбы, лишали их жизни. Волны светлой памяти и скорби, что бушуют на страницах его сборника, это напоминание нам, ныне живущим, о том, что все это надо помнить и жить памятью во благо созидания, а не простого очернительства истории трудной нашей.

Владимир Герасимов – поэт и прозаик,
лауреат премии имени В. И. Муравленко.
Тюмень.

Я СЕГОДНЯ ЗА НИХ ГОВОРЮ...

Вот и подошло наше время подвести итоги своей жизни! Определить свое место и понять свою роль в ней. Безжалостное время напоминает нам все чаще и чаще о том, что ты не вечен, что прожита уже большая её часть! Сколько её ещё осталось, известно только твоему Творцу! Душа начинает напоминать о себе – пора бы подумать о своих деяниях в этом мире, и с чем ты придешь к Нему?

Любого пожилого человека такие мысли посещают в особое время, кого-то во время скорби, другого в благоденствии, а чаще всего в молитвах о своих родных, ныне здравствующих и ушедших.

Уверен в этом, на примере своего отца – Георгия Ивановича Лаврова, прожившего долгую, сложную жизнь, оставившего нам свой завет.

Его духовное наследие, достаточно ярко выражено в его рукописных работах о прожитом, в простом повествовании, присущем его времени. Здесь есть всё! История жизни родителей, своей семьи, его страдания, его наказы потомкам! Вся его жизнь, такой какая получилась!

Считаю своим долгом, во многом пользуясь его воспоминаниями, увековечить память о нем, своей работой о нашем роде Лавровых от Ивана.

Сложная вещь – субстанция памяти! Её траектория постоянно возвращает тебя к прошлому. Любопытство твое о жизни предков постоянно натывается на нужный тебе материал. Не случайно любимыми авторами моими являются наши сибирские писатели: Н.С. Лесков, Георгий Марков, Александр Шелудяков, Владимир Колыхалов, современные писатели Арнаутов В.С. и особенно Владимир Иванович Герасимов – тюменский писатель и прозаик. Это он затянул меня своими произведениями в «мир настоящего прекрасного», это он вдохновил меня на создание собственного труда! Через него я поверил, что, несмотря на свои сомнения, необходимо опубликовать мысли своей памяти широ-

кому кругу читателей. Если уж и не широкому, то хотя бы для родных, близких мне людей и друзей. Он сказал: «Такая книга нужна...»

Воспоминания отца моего, его записи и рассказы, а также архивные документы, добытые мной в Омске и Тобольске, послужили мне материалом для создания этой книги.

Я весь открыт, читатель мой,
 Да, жизнь проходит безвозвратно,
 Ходил по жизни и с сумой...
 Всем было трудно – так понятно.
 Пахал, как вол, бывало я
 И не давал себе покоя,
 Ценило это мать земля,
 Ведь я мужицкого покроя!
 Теперь в квартире городской
 Живу в достатке, внуки есть,
 Но не найдет душа покоя
 И в планах дел не перечесть!
 Как жаль, что сердце вот меня
 Подводит часто. И суставы
 Частенько ломит. И огня,
 В глазах уж прежнего не стало.
 Себя стараюсь я понять.
 Зачем пишу, стихи слагаю?
 И сколько жить? Откуда знать?
 Я всё как в юности летаю!
 Открыт душой, стихи просты.
 Прошу прощенья я у Бога,
 За всё прости меня и ты
 Читатель мой
 И не суди сегодня строго!

Затронул темой правдивый рассказ В. Герасимова «Крепко помнить» из его одноименного сборника. Считаю бы уместным познакомить моего читателя с его стихами, который радушно дал свое согласие на публикацию его

проникновенно-правдивого стихотворения о моём крае, непростой и трагической странице его истории, что я с благодарностью и делаю.

В. Герасимов

Зов тех болот тревожит часто память...

1

Васюганье – болота да топи,
Если спинул, уже не ищи.
Не найти никогда в вязкой плоти
Что поделать – судьба, не взыщи.

Край Нарымский, богом отринутый,
Только чёрт топям этим и рад.
Миром божьим так и непринятый.
Всё считалось – ворота тут в ад.

Староверы когда-то там тропами,
Уходили в туманы весной.
Жили богом, мирскими заботами,
Берегли свой уклад и покой.

Чистоту старой веры хранили,
Своих пастырей помня наказ.
Чужаков у себя не любили,
Божьим людям никто не указ.

2

Век прошёл – встали вышки высокие
У болот, над дремучей тайгой.
Людей гнали в края те далёкие,
Из той жизни, привычной, другой.

Поселения, бараки, колонии,
Рубка леса весь год, ещё сплав.
Рабский труд – его узаконили,
И никто не имел уже прав.

Гнус и голод своё дело делали,
 От болезней не стало житья.
 И валялись в бараках неделями,
 Тут куда повернёт колея.

Сколько сгнуло лиц раскулаченных,
 Сколько в землю чужую легло.
 А порой и волною подхвачены,
 Трупы их по течению несло.

Васюган, Парабель и Чулым -
 Горя сколько их видели воды.
 Люди жили желанием одним,
 Чтоб проклятые кончились годы.

3

Душу рвёт обнажённая память,
 Спать порой не дают голоса.
 Помнит стужу, февральскую замать
 И потухшие в страхе глаза.

Память слышит тот ветер колючий,
 В баржах душных плач женщин, детей.
 Презирает СИБЛАГ всемогущий,
 Что ломал беспощадно людей.

И сейчас там уходят в туманы
 Тени прошлого, тени «теней».
 Стонут всё как живые урманы,
 Сердце рвёт плач ворот лагерей.

Да, то прошлое судим мы строго
 И об этом не надо молчать.
 Помнить надо ГУЛАГ и дороги,
 Не вернулось чтоб это опять.

Июнь 2016, Тюмень.

ЛАВРОВСКИЙ КРАЙ

Истоки нашего рода в Тобольской губернии, во времена Великого переселения в Сибирь. Открытый Ермаком путь за Урал, дал возможность свободным людям тогдашней России искать новые земли в Сибири. Основной поток людей двинулся из Европы по речной воде. Река Обь и Иртыш были основными путями переселения.

Речными и морскими путями русские люди пробирались все дальше на север и на восток, к Уралу. Густые еловые и сосновые леса – тайга – вставали на их пути.

За Уралом лежит Сибирь. В XVI веке русские люди ступили на ее землю. Бескрайняя тайга открылась перед ними.

Вот типичная картина жизни только, что возникшей здесь деревни первых поселенцев

«Стояло серое деревенское утро. Туч на небе не было, но и солнце не выглядывало, воздух едва колебался тихими несмелыми порывами чрезмерно теплого ветерка.

Как бы то ни было, а весна уже в своих правах! С восходом солнца закипала жизнь деревенская. Пост кончился, была Страстная неделя. Погода стояла прекрасная: дни светлые, тихие и теплые, Снег весь подернулся черным тюлем, и местами показались большие прогалины, особенно по взлобочкам. Проходные дорожки, с которых зимой изредка сгребали лишний снег, совсем почернели и лежали черными лентами. Но, зато, шаг со двора – и окунешься в воду, которою взялся снег. Ездить можно было только по шоссе. Мужики копались во дворах, ладя бороны да сохи, ребятишки пропускали ручейки. Запах навоза стоял над деревнями. Среди дня казалось, что дворы топятся, так густы были поднимающиеся с них испарения. Но это никому не вредило, ни людям, ни животным, а петухи, стоя на самом верху куч теплого, дымящегося навоза, воображали себя какими то жрецами. Они важно топорщили свои перья, потряхивая красными гребнями, и важно закинув головы, возвещали: «Да здравствует весна, да здравствуют куры!»

Так описывает русскую деревню Николай Семенович Лесков выдающийся писатель Российский, художник слова о русской земле.

Такая ассоциация у меня сложилась в голове, когда я начал работать над этим своим повествованием, копаясь в архивах своих предков. После долгих и упорных поисков и борьбы с архивистами, мне удалось установить место зарождения нашего рода в деревне Большая Песчановка Тюкалинского уезда, Тюменской волости. Первыми новоселами селения Бабье были три брата Лавровы: Пимен, Василий и Иван в 1789 году.

По преданиям и архивным данным они вместе с сопровождающими их стрельцами переправились на правый берег реки Ишим и направились на восток. Пройдя 104 версты, облюбовали местечко и обосновали жильё. Озеро Бабье, вскоре обмелело, и отдельные люди стали переселяться к другому глубокому озеру на берегу, которого рос осиновый лес.

Поселившись здесь, назвали озеро и свою деревню Осиново. В Осиново не все оставались и шли дальше, к другому ещё большему озеру песчаному. Старики говорили, что имеющиеся сейчас два озера сливались в одно большое озеро. В числе прибывших к большому песчаному озеру был один из братьев Лавровых, пожилой Иван со своими многочисленными сыновьями, зятьями, внуками и правнуками. Деревню назвали Большепесчанка.

В 1795 году по переписи населения в Большепесчанке было учтено 103 души мужского населения. В 1812 году деревня включена в Чернолучинскую волость, Омского уезда. В 1847 году село Большепесчанка отмечена как волость Тюкалинского уезда.

В 1861 году в Большепесчанской волости учтено уже 809 душ крестьян и ссыльных.

Село Большепесчанка расположено в северо-западной части Называевского района Омской области, в 34 км от районного центра г. Называевска и Транссибирской магистрали – железной дороги Екатеринбург-Тюмень-Омск, в 280 км от областного центра г. Омска.

В селе Большепесчанке была богатая церковь с большим приходом сёла: Редкое, Котино, Михайловка, Никулино входили в этот приход. Служили два попа Миронов и Скворцов. Был церковный староста Лавров Михаил Андреевич.

Вот в этой церкви 6 февраля 1880 года и венчался наш прадед крестьянин села Большепесчанка Мартемьян Егорович Лавров 18 лет отроду с крестьянской девицей из деревни Котино Марфой Никитичной Скоробогатовой 19 лет отроду, оба православные, первым браком.

Поручителям по жениху – крестьяне села Большепесчанка Василий Домидонтович Чернобровин и Павлин Михайлович Лавров, по невесте – Матвей Федорович Скоробогатов и Андрей Кузьмич Красовских.

Невеста Марфа Никитична Скоробагова родилась 2 июля 1861 года в селе Котино, в семье крестьянина Никиты Платоновича Скоробогатова и его жены Прасковьи Федоровны, оба православные. Крестные её были крестьянин Андрей Кузьмич Красовских и солдатская дочь Мария Александровна Быструшкина из села Большепесчанка.

Вот так, крестный отец Марфы, Андрей Кузьмич Красовских, выдал замуж свою крестницу за Мартемьяна. Выходит, что фамилии Красовские, Скоробогатовы, Быструшкины, Чернобровины, все являются родственниками Лавровых!

Некоторая сложность имеется по Мартемьяну! Есть актовая запись №36 о рождении 9 апреля и крещении 10 апреля 1861 года Мартина (незаконный). Мать: с. Большепесчанка солдатка Екатерина Романовна Лаврова, православная. Восприемники того же села поселенец Терентий Иванов и крестьянская жена Дарья Васильевна Решетникова. В архивах именуются трое жителей деревни под фамилией Лавровы и с именем Егор.

Это – Егор Иванович 1829 года рождения, Егор Петрович 1826/27 года рождения и Егор Фатеевич 1832 года рождения. Кто из них отец Мартемьяна предстоит еще выяснить?

Есть актовая запись о браке за 1854 год Егора Фотиевича Лаврова и Чернобровиной Екатерины (отчество ее не

указано). Если Екатерина Романовна Лаврова и Екатерина Чернобровина одно и то же лицо, то Мартемьян родился у Екатерины Романовны, когда она жила без мужа.

Через восемь лет после брака с Егором Фотиевичем Лавровым, в 1861 году на момент рождения Мартемьяна, Екатерина Романовна была солдаткой и поэтому отцом Егор Фотеевич Лавров, её законный муж, не мог быть. Видимо, биологический отец Мартемьяна был кто-то другой, но отчество ему было дано по законному мужу Екатерины - Егорович. Тайна Екатерины Романовны об отце Мартемьяна осталась неразгаданной мной.

Ну, а в 1883 году 2 апреля, через три года после венчания, в семье Мартемьяна и Марфы родился наш дед Иван Мартемьянович.

Иван крещен был в Михайло-Архангельской церкви 6 апреля 1883 года. Родители его села Большепесчанка крестьянин Мартемьян Егорович и его законная жена Марфа Никитична, оба православные.

Восприемники того же села крестьянин Николай Федорович Лавров и д. Котиной – крестьянская девица Варвара Евменьевна Скоробогатова.

Иван Мартемьянович в своих воспоминаниях говорит, что остался сиротой в 11 месяцев, и возрастал у тетки (тоже неизвестно какой, возможно у Варвары Евменьевны, его крестная мать).

Можно предполагать, что у него рано ушла в мир иной мама Марфа Никитична, так как Мартемьян Егорович был жив. Есть подлинные копии переписного листа Первой всеобщей переписи Российской империи 1897 года (с. Большепесчанка) на семью Лаврова Ефима Федоровича 32 лет о роду, в которой имеется запись о Лаврове Мартемьяне, где он числится работником у хозяина.

У хозяина Ефима Федоровича имеется свой двор из четырех строений, одно из которых является жилым. Три строения имеют крышу покрытой дерном (земляными пластами), а одно имеет крышу из соломы.

В семье два сына Илья и Степан, жена Фекла Дмитриевна, а так же работник Мартемьян Егорович 28 лет от роду со своей дочерью Евдокией, 7 лет от роду.

Получается, что Мартемьян в 1897 году жив, а сыну его Ивану в это время было уже 14 лет.

Это тоже подтверждается переписным листом 1897 года по д. Котино Большепесчанской волости Тюкалинского уезда. Иван Мартемьянович 14 лет от роду, числится в работниках у хозяина Скоробогатова Никиты Платоновича 63 лет от роду. Жена Никиты Платоновича - Парасковья Федоровна 62 лет от роду, слепая на левый глаз 10 лет. Вот и вся семья. Иван записан как работник-земледелец, из государевых.

Надо сказать, что фамилия Лавров на тот период в Котина была единственная только у Ивана.

Видимо, после смерти матери Иван воспитывался у тетки Варвары Евменьевны с 11 месяцев, а потом ушел в Котино к деду – Скоробогатову Никите Платоновичу в возрасте 14 лет.

Вот и всё, что мог я собрать про истоки нашей фамилии в Большепесчанке! Действительно всё начиналось здесь. Всё начиналось от Ивана Лаврова, который поселился здесь в 1789 году со своим многочисленным семейством.

От него пошли: Егор 1829 г, Мартемьян 1862 г, еще один Иван 1883 г. рождения мой дед.

В Большепесчанке по переписи 1897 года значится более 20 семей Лавровых.

Заслуживает изучения семья Федора Лаврова, у которого имеются, по всей видимости, сыновья; Лавров Ефим Федорович, у которого проживал Мартемьян со своей дочерью Евдокией. Николай Федорович Лавров, который был крестным отцом Ивана, а так же дочь - Прасковья Федоровна Скоробогатова, (возможно девичья фамилия Лаврова), жена Никиты Платоновича Скоробогатова.

Родственные связи позволяли Мартемьяну жить у своего дяди, Ивану у своего деда в трудные годы их жизни.

Принципы родовой общины глубокой старины, жили и живут у русского народа в веках.

В настоящее время в Большепесчанке есть улица, называемая в народе «Лавровский край». До сих пор там живут Лавровы, все они, так или иначе, являются родственниками по линии первопроходцев, поселившись здесь в далеком 1789 году. Ольга Яковлевна Лаврова, учительница школы в Большепесчанке, до сих пор живет там. Много она знает о роде Лавровых, но это отдельный рассказ.

Ну, а продолжение жизни нашего рода нашло в с. Котино, что недалеко от с. Большепесчанка, в том селе, где жил дед Ивана по материнской линии – Скоробогатов Никита Платонович. Это он вырастил Ивана и дал ему путевку в жизнь! Сам Иван, про Большепесчанку ничего не знал, и считал себя рожденным в с. Котино.

КОТИНО

«Шумел камыш, деревья гнулись...»

Шумит и шумит камыш на озере «Сухое». День шумит, ночь шумит, годы и века!

Вся человеческая жизнь проходит перед ним. Вся она у него в памяти, и как будто застряла в его зарослях. Всякая жизнь недолговечна. Недолговечна она и у камыша. Его жизнь зависит от озера по краям, которого он растет. Недаром зовется озеро сухое. Бывают годы здесь такие, что летом оно высыхает. И ходят люди тропинкой, проложенной по его дну, со станции Мангут в село Грязное. Камыш, пригнувшись, в такое время, лежит безобразной кучей и не шумит. Как будто его жизнь закончилась!

Сейчас камыш шумит, спешит передать что-то недосказанное, известное только ему!

Сюда вот я и приехал в гости к своей тетке. Отец, как всегда посадил меня на «товарняк» со станции Называевская и сказал где выпрыгнуть с тормозной площадки вагона.

В этот год озеро не пересыхало, поэтому пришлось обходить его берегом.

И вот, я оказался в гостях у тети Марины во второй раз. В первый раз я приезжал к ней зимой и переходил озеро по льду.

Тетка встретила, накормила меня и занялась своей работой по хозяйству. Я вышел на улицу и уселся на лавочке у палисадника. Сажу на лавочке, возле дома, люблюсь озером и зарослями камыша.

Небольшой ветерок колышет их, заставляя кланяться, создавая шум его веток. По небу плывут обрывки облака, бывшего недавно грозовым. Солнышко редко проглядывает из-за клочков облака. Однако к вечеру, озерная гладь успокоилась, и на закате превратилось в настоящее зеркало. На фоне заката в озере причудливо отразились избышки деревни, продутые вековыми ветрами, с глазницами небольших окон расположенные дугой вдоль полого берега озера. Налюбовавшись новым зрелищем, раньше я никогда не видел таких больших водоемов, отправился спать. Тетка постелила мне у окна. Лег, смотрю в потолок, а через окно доносится шум камыша. Опять что-то новое для меня. Этот постоянный шум камыша звучал в ушах, как что-то осязаемое и неотвратимое в моей, еще недолгой жизни.

И так понравился мне этот шум, что начал я различать в нем что-то! Не знаю, детская это фантазия, или что-то запредельное моему пониманию, но звуки эти походили на людские! Они смутно пробивались сквозь шум камыша. Я слышал ясно; - звуки лязга металла, шум поезда, гудки паровозов, еще какой-то грохот. Потом, когда я, наверное, уснул, были крики людей, плачь детей. Какие-то голоса, мне что-то объясняли, а я никак понять не мог, о чем они говорили. Вот пробился голос отца, появились какие-то родные и в тоже время незнакомые голоса. И все это было каким-то

объёмным, космически далеким прошлым. Чем-то таким, что было моим, и я должен был понять это! Наверное, человеческое сознание, способно в определенное время, и в определенном месте воспроизвести прошлое и заглянуть в будущее!

С этим я и проснулся. Выглянул в окно. Все тоже озеро и тот же шум камыша. У озера тетка Марина чем-то занята около кромки воды. Я быстренько соскочил и побежал к ней. Тётя граблями вытаскивала из воды тину и водоросли. Все это складывала в небольшие деревянные корытца. Моё, детское любопытство, не вынесло и я начал спрашивать, зачем всё это?

- Уток кормить, был короткий ответ тетки Марины!

Я в изумлении спросил:

- Неужели они будут, есть эту грязь?

- А ты посмотри внимательней, что там есть!

Я пригляделся и увидел, что все водоросли в корытце кишат букашками крупными и мелкими. Тетка посыпала все это несколькими пригоршнями отрубей и пошла, выпускать уток из сарая. Открыв небольшие воротца, она начала выгонять оттуда уток хворостинкой. Они неохотно стали выходить, вперевалку направляясь к озеру. Пройдя половину пути и увидев корытце, оживились и кинулись бегом. Кто быстрее успеет, вперед!

Добежав до корытца, начали жадно поедать его содержимое. Я, наблюдая, как они глотают этих букашек, и невольно вспомнил рассуждения отца, когда-то услышанные во взрослых разговорах, в то время непонятных мне:

- Вот так и в жизни бывает! Люди, как букашки, которых глотает ненасытное время жизни. Они меняют свой облик, и дорвавшись до кормушки, забывают, что когда-то были в общем корытце питательной среды истории. Так же жадно и безжалостно глотают то, что в недавнем прошлом было их условием обитания». Такие рассуждения звучали у отца в обсуждениях дел политиков тех времен.

Сегодня же увидев это, своим детским умом, понял слова отца, что он имел в виду.

Вскоре, насытившись, утки расположившись на берегу, стали приводить себя в порядок.

Некоторые отправились к воде, другие, подгребая под себя песок, приседали и клювами чистили свои перышки. Я, про себя отметил, что теперь они далеко от дома никуда не уйдут. Не так как мои утки, которые с утра разбредаются по всему болоту в поисках пищи.

У себя дома, я отвечал за уток, и пас их в болоте рядом с деревней. Вечером приходилось мне бродить по щиколотку в воде и искать их среди оставшихся старых штабелей торфа. Со слезами на глазах находил их, в густых камышах, с израненными утятами. Причиной этого было то что, днем на них нападал коршун, и нескольких утят утащил. Поэтому они и прятались в густых камышах, спасая остальных, израненных, но живых. Отметив это преимущество теткинских уток, я машинально посмотрел на небо, и не увидал ни одного коршуна. Это успокоило меня и мысли мои опять вернулись к ночному шуму камыша...

Он стоял перед глазами наяву и в голове, стелящийся волнами по ветру своей серой массой пушистых верхушек.

Ветер, пробегая по зарослям, создавал длинные впадины, и наоборот собирал верхушки в высокие гребни на большие расстояния. Длительное созерцание этого, перенесло меня в какой-то иной мир фантазий.

Почему-то мне, на один миг показалось, что эта серая масса камыша, похожа на всех людей, которые тоже живут и склоняются, по воле чего-то, похожего на ветер.

Детская фантазия, особенно, моя вольная, начала, рисовать сказочные картинки! Картины менялись в моём сознании одна за другой, одна другой краше!

Постепенно, я стал понимать, что все это связано с рассказами моего отца о его прошлой жизни в этих местах. Я был еще маленьким, но жадно слушал его немногословные рассказы, про то, как они жили здесь в большой семье деда Ивана.

И вдруг, я понял, что нахожусь в том месте, где начинался мой род!

Мне жутко захотелось, увидеть это, место где все это происходило! Я спросил у тетки: - «В какой стороне село Котино?» - она, неопределенно махнула рукой в конец сел, и ничего не сказала.

Я вышел за деревню, прошел немного по грязной, от недавно прошедшего дождя, и еле заметной дороге, и остановился! На горизонте ничего не указывала на признаки села. Не было ничего приметного, что бы говорило о присутствии, какого-то бы ни было жилья. Унылая, серая степь, да заросли камыша на вероятных озерах вдали! Какое то чувство моего причастия к этой земле, беспокоило мою душу, которая стремилась познать историю моих предков здесь!

Я постоял немного, вернулся и снова сел на лавочку около дома, погружившись в свои мысли и вопросы о жизни наших предков. Так и закончилось моё ознакомление с родиной отца. До сих пор жалею, что плохо расспрашивал тётю об этом!

Однако, уже в зрелом возрасте я помня, о своей оплошности, решил исправить это, и обратился в архивы Омска, и Тобольска. Документы тех лет поразили меня! Оказывается, что мои предки, дед Иван Мартемьянович родился не в Котино, а в селе Большепесчанка Тюкалинского уезда, Тобольской губернии 2 апреля 1883 года в семье крестьянина Мартемьяна Егоровича Лаврова и законной его жены Марфы Никитичны, оба православные. Иван был крещен в Михайло-Архангельской церкви с. Большепесчанка. Воспреемники села Большепесчанка крестьянин Николай Федорович Лавров и д. Котино крестьянская девица Варвара Евменьевна. Скоробогатова. Отец мой Георгий Иванович об этом не знал, да видимо, и сам дед Иван не знал об этом, так как по всем документам советского периода у него была запись о рождении в с. Котино.

После того как умерла его мама Марфа, он возрастал до 12 лет у тетки, а какой неизвестно. После 12 лет, дед говорит что пошел батрачить.

В документах переписи 1897 года по Котино имеется переписной лист с информацией о семье Скоробогатова

Никиты Платоновича. В составе его семьи значится работник Лавров Иван Мартемьянович – 14 лет. Это единственный житель д. Котино на то время с фамилией Лавров, других семей с такой фамилией в этой деревне нет. По моим расчетам дед Иван после того, как стал сиротой, был забран из Большепесчанки своим дедом Никитой Платоновичем Скоробогатовым, отцом его матери Скоробогатовой (Лавровой) Марфы Никитичны. В таком возрасте он, естественно, не знал о своем месте рождения.

Теперь, по прошествии более чем полвека моего пребывания на родине деда Ивана, используя все доступные средства, я начал восстанавливать память о моих предках, с тем, что бы не быть «Иванами непомнящими родства», и не предать забвению того, как они гнулись в шуме людской жизни, но не сломались, как бы она их не ломала. Такая возможность у меня появилась. Как-то раз, перебирая старые книги и архивы отца, я наткнулся на общую тетрадь, в которой была рукопись отца под названием

«В ненастный день» Вот из этого источника я и почерпнул знания о начале нашего рода. Много я нашел в Интернете. Прочитал статью В.И. Герасимова

«Надо крепко помнить...», о восстании в Сибири, в котором участвовал и мой дед, много помню сам, что мне рассказывал отец. События ниже изложенные происходят затерявшемся среди болот селе Львовка, по имени его основателя Льва Ивановича Вяткина.

Итак, мой дед Иван Лавров, в рассказах отца и моего понимания: С 12 лет и до 16 лет Иван проживал в семье престарелых своих деда и бабушки Скоробогатовых. После того, как они скончались, Иван был единственным наследником Никиты Платоновича.

Через два года он заработал – коня, телегу и корову. В 1903 году женился на батрачке Домне Ефимовне Рачевой, и пошло у них дело. Через три года стал настоящим хозяином. В 1914 году у него уже было три коровы, два коня, десятка два овец, поставил свой дом. Пошли дети, старший

был Павел 1904 года рождения, потом родились Марина, Константин, Александра, Максим, и только что родившийся Михаил.

Все хорошо, но началась первая мировая война, и, несмотря на то, что у него было пятеро несовершеннолетних детей, его забрали в солдаты. Служил он в Петрограде в морской пехоте в запасном полку, но недолго.

Как-то раз, он проходил со своим товарищем мимо царского дворца и увидел там ящик для жалоб, которые читал сам государь. Он решил подать челобитную ему с просьбой об освобождении от службы, так как у него остались дома пятеро несовершеннолетних детей. Нашел грамотного человека и написал все это, а через две недели пришел ответ от государя в полк, и по высочайшему указу его освободили от службы и направили домой. Вернулся дед домой, а тут вскоре и Октябрьская революция началась. Власть переменилась, но крестьянам было не до перемен. Росли дети, рождались новые. 14 марта 1915 года родился Федот. 19 ноября 1918 года родился еще один ребенок Георгий, будущий мой отец.

Надо было все больше и больше развивать хозяйство для содержания такой семьи. Однако буря перемен не миновала село, которое кормило не только свои семьи, но и всю Россию матушку. Еще не закончилась «Первая мировая война», а уже началась «Гражданская». Надо было кормить и солдат.

По Сибири прокатился мятеж Чехословацкого корпуса, который оживил, контрреволюционные силы и к лету 1918 года, и снова власть в Сибири переменилась.

В августе 1919 года создан чрезвычайный орган – Сибирский революционный комитет от Челябинска до Иркутска.

В 1920 году завершился разгром армии Колчака, и в Сибири власть перешла в Сибревкомы, которые осуществляли чрезвычайные меры.

Были введены продразверстка, всеобщая трудовая повинность, созданы продотряды.

Вся эта буря прошла по крестьянству, которое, несмотря на лояльное отношение к Советской власти, начали проявлять недовольства бесчинствам местных властей. Стараясь, выслужится они отбирали у крестьянина всё до последнего зернышка, не оставляя даже зерна на семена. Обстановка накалилась до предела, и в 1920 года вспыхнуло восстание, которое получило название «Ишимским». Далее его назовут «Сибирской Вандеей». События развивались так, что дед Иван не мог оставаться в стороне. По селам ходили разные слухи, призывы, и воззвания. В их село Котино попало письмо с позолоченными буквами, в котором говорилось о том, что пришел на землю русскую антихрист. Веру православную порушит, храмы Божьи разрушит, христиан из домов изгонит. И призывались в письме все крещеные восстать на антихриста. Ну и пошел он вместе с деревенскими мужиками на этого антихриста, кто с чем. Кто с дробовиком, кто с вилами и топорами. В первом же бою, который состоялся у них в деревне Колодцы, отряд красноармейцев развеял их пулеметными очередями, и они все разбежались по домам. На этом и закончились их подвиги. Многие покинули собственные семьи, в страхе быть расстрелянными, а другие прятались у себя по домам. Дома был и дед Иван, когда пришли за ним. В руках у командира отряда был список участников этого сражения, в котором была и его фамилия. Да и он сам сразу же сознался, что участвовал в этом. Вот тут то, чуть и не оборвалась его жизнь! Командир отряда уже выгасил наган, что бы расстрелять его на месте, но случайно зашел к ним некий Лопехин, какой-то начальник большего ранга командира отряда, который и остановил расправу над дедом! Он хорошо знал деда Ивана и приказал отпустить его, по причине того, что он был «большим трудягой, и безграмотным элементом, которого втянули в эту кашу враги революции». Так и остался, дед жив!

Время было очень тяжелое, мятеж продолжался! Станция Мангут и Называевская были, продолжительное время заняты повстанцами, и постоянные бои держали в напряжении все население.

На этот период в семье деда было уже восемь детей. В 1920 году родилась Мария, в 1921 году родился Василий, в 1923 году Анастасия, в 1928 году Николай и в 1930 году Клавдия. К 1930 году у него было 13 детей.

Село Котино, где жила семья деда Ивана, находится рядом со станцией Мангут, которая возникла во время строительства Транссибирской магистрали в 1910 году. До 1919 года она относилась к Тобольской области, с 13 апреля 1920 года Тюменской области. В 1924 году организован Называевский район, до этого был Тарский округ. В таких условиях дед Иван, борясь за выживание своей семьи, вел большое единоличное крестьянское хозяйство. В его хозяйстве были лошади, коровы и земля. Много было сенокосных угодий с собственной заимкой. Сенокосные угодья его были огорожены, и была на них избушка, в которой он оставался ночевать во время сенокоса. Обширность его владений была велика. Однажды, Федотко угнав лошадей в ночное, обратную дорогу к избушке нашел при помощи изгороди. Наткнувшись в тумане и ночной темноте на изгородь, пошел вдоль неё и таким образом добрался до заимки, где и ночевал. Надо сказать, что дед Иван был сильный человек физически. Наверное, это сила у него накопилась за время его батрачества в молодости. Он рос без отца, и его часто обижали сверстники как сироту. Однако он всегда давал достойный ответ. Однажды, он своему обидчику, прищемил картуз между бревен амбара, приподняв его за выступающий угол. Девяти пудовые мешки таскал играючи. Во время службы в Петербурге положил в борьбе на лопатки 50 солдат, за что получил 50 рублей от штабс-капитана, на которые купил себе икону меднолитую – складень «Царь Славы Иисус Христос». Складень трехстворчатый, в центре Иисус Христос Господь Вседержитель, на левой части Мария Дева, справа Святой Иоан Креститель. С этой иконой он не расставался всю свою жизнь.

В 1927 году дед взял кредит на покупку лобогрейки и веялки, которые были так необходимы в хозяйстве. Эти кредиты выделяли для крестьян специальным Постановлением правительства для развития крестьянских хозяйств.

Подрастали дети, которые были помощниками ему в сельхозработах. Таким образом, семья деда своими трудами обеспечивала собственное пропитание, да еще расплачивалась за кредит и платила государству все продналоги.

- Началась спокойная жизнь, - рассказывал дед, - сыновья подросли, помощниками стали! Скот развел, сенокосилку купил, и пошло дело колесом. На радостях погуливать начал. Зимой в праздники у нас здорово гуляли. Гулять то гуляли, а дело знали. Штобы с чем ни будь в своё время не управились, ни разу такого не было! Правда, от пьянки этой, добра было мало. Как то раз, поехал я на станцию по делу на своей Воронухе, а там с дружкой встретился. Затащил он меня к себе, ну и нахлестался там как следоват. В полночь поехал домой. Еду, да и запел свою «Шумел камыш...»

Доезжаю до озера своего, а тут догоняет меня тройка. Кони огонь, кошева разрисована! Кричат мне «Садись к нам, споем вместе, а Воронуху свою опусти, сама домой придет!» Ну и захотелось мне на ихней тройке прокатиться. Останавливаемся, сажусь и поехали, дух захватило! Разум мой помутился от песни что ли, или от быстрой езды, гляжу – незнакомая деревня!? Остановилась тройка у большущего дома. Мне и говорят «Слазь, заходи в дом, только ворота у нас не открываются, лез под ворота! Вижу я, что можно под ворота пролезти, становлюсь на колени и говорю – Господи, благослави меня грешного! После этой молитвы, вдруг не стало, ни ворот, ни дома, ни тройки! А стою я на коленях у проруби конской на озере, а башку туда свою не успел запехать, потому что Бога вспомянул! Куда только дурь из башки подевалась, вот тебе, и спел бы свою песенку! Прочитал сразу же «Отче наш» и «Живый в помощи», огляделся..., озеро наше, а оно рядом с моей деревней! Прихожу домой, Воронуха у ворот стоит. Завожу в ограду, распрягаю, ставлю на место, захожу в дом, и на колени в передний угол под образа. Прочитал благодарственную молитву Господу, и спать! Долго не мог уснуть, и дал я себе зарок не гулять больше. Вот тебе и... «шумел камыш, деревья гнулись»...

В 1929 году старшему сыну Павлу исполнилось 25 лет, и решил дед женить и отделить его. В соседнем селе купил ему дом. Однако свой план он не смог осуществить, Павел отказался от дома по причине того, что его могли за это раскулачить. Он ушел из дома деда на станцию Мангут, устроился на работу в сельпо, да там и женился. В доме, что купил дед Павлу, поселилась его дочь Марина, которая вскоре тоже вышла замуж за Соловьева Петра Никитовича.

Действительно, угроза раскулачивания, висела в воздухе. Уже в начале 1930 года, точнее 1 февраля, вышло постановление ЦИК И СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

Пункт 2 этого постановления предоставлял областным, исполнительным комитетам право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов районов и областей. Вот тут и припомнилось деду его участие в «Ишимском восстании». Несмотря на то, что дед не брал к себе батраков, обходился собственными руками, и помощниками были сыновья, его все-таки подвели под кулака второй категории.

Если в январе 1930 года он значился как крестьянин середняк, то в феврале он стал кулаком. Он долго не мог поверить, что его могли раскулачить. По простоте душевной он рассуждал, что всё нажитое у него не могут забрать, так как он всё это заработал собственными руками. Кроме этого такая многодетная семья всегда в селе считалась малодостаточной. На это он, в основном, и надеялся, что такую семью как его, не посмеют разорить. Однако, видя, что творится, он принимает решение, обезопасить себя на тот случай если такое случится. Раздают на хранение продукты соседям, делают тайники в огородах, в которых прячут одежду и обувь.

На это время у него в семье уже не жили старшие дети. Это Павел, Михаил, Федот, Александра и Максим. Домна Ефимовна, моя бабушка, в то время носила под сердцем последнюю свою дочь Клавдию.

И вот наступил день, когда заявили во двор сельсоветские начальники, 12 декабря 1931 года и объявили приговор (кулаки) согласно Постановлению СНК и ЦИК СССР от 01.02.1930 г.

ВЕЛИКОЕ ВАСЮГАНЬЕ

Глава I. В ненастный день.

Место, где раньше шумела глухая тайга, да бродили медведи, вдруг оказалось краем, где собрались люди разных сословий, совершенно противоположных политических взглядов на жизнь. Кто-то здесь оказался по своей воле, а кого-то сюда привезли насильно. Несмотря на противоположность, люди объединились и организовали артели для собственного выживания. Таким местом, было, село Львовка, что стояло на краю Великого Васюганского болота. Это место стало местом ссылки врагов революции, а в последствии, сюда на перевоспитание ссылали московских и ленинградских тунеядцев.

В последние годы существования этого села ссылали еще сюда на поселение зеков, отсидевших в тюрьмах по двадцать, двадцать пять лет. Как бы там ни было, село жило, развивалось. На раскорчеванных от тайги полях, выращивался хлеб, развивалось животноводство. Постепенно артели превратились в колхозы, которые в дальнейшем были объединены в совхоз. После этого начали все деревни постепенно распадаться. Не хватало рабочих рук обрабатывать поля, ухаживать за скотом. Для улучшения ситуации руководство Томской области приняло решение о шефстве над селами предприятиями областного центра.

Вот в одном из таких дней и здесь, состоялась встреча двух противоположных типов людей, которые обогатили себя познанием истории в общении друг с другом.

Каких только контрастов не бывает в жизни.

Представьте: неграмотный старик командует учеными мужами. Так и случилось, когда сотрудники Томского НИИ Оптики и атмосферы, приехали во Львовку на заготовку кормов; и бригадиром над ними был назначен местный житель дед Иван. Эта мера была предпринята для того, чтобы не повторить прошлогодней ошибки. Тогда с группой студентов отправили в поле молодого механизатора Генку Захарова, и получилась не польза, а вред. Генка на следующий день рассказывал:

- Я всю полосу сгреб, а они всё сидят, я у них спрашиваю, что вы сидите? А они говорят. Мы не знаем, что делать!

Но выход из такого положения все же был найден. У кого-то нашлись карты и двадцать четыре молотца до вечера с ними продурачились, а сено, сгребенное в валки, с четырнадцати гектаров всё погнило, потому что вечером заморосил дождь, и потом ещё два дня шел.

Да и от ученых мужей никакой пользы не получилось. Вместо копен, начали класть из сена кучи. Если бы в старое время, дед Иван быстренько бы научил «как на покосе рубить». Вилами по башке, и вмиг бы понял, что к чему.

Возможно, и на этот раз дед провел бы «лекцию» об атмосферных осадках, в каких случаях они приносят пользу, а в каких вред. Но, по причине последних, и пришлось прекратить работу.

Ученые мужи дружно направились к избушке, а дед поспешно завершил четыре кучи, приговаривая: «на кой черт только, таких присылают!», выпрыг коня из граблей, спутав его, и пошел туда же.

Молодые ученые сетовали на то, что вынуждены сидеть без дела, и просили своего шефа дать им коня съездить за книгами в деревню. На это дед им ответил:

- Я прожил всю жисть без книжек, и вы полдня проживете.

- Неужто за жизнь не прочли ни одной книги? - поинтересовался один из ученых.

- А зачем барану библия - отвечивал дед.

- Если я правильно понял, Вы неграмотны?

- Ни в зуб ногой!

- А что если мы попросим вас рассказать о том, как сложилась ваша жизнь, что вам не удалось получить даже начального образования, не говоря уже о среднем, как вы на это реагируете?

- Да какая моя была жизнь, я вот почитай с тридцатого года не жил, а только переживал.

- Вот и расскажите нам об этом периоде.

- Нет, нет, - возразил ученый в очках - расскажите всё, что бы нам сопоставить монархический период с новейшим временем, не по источникам историков, а услышать этот материал из уст современника, хотя бы в общих чертах.

- А в общих чертах оно так и вышло, сперва я жил сам под собой, а потом попал к ним в шоры, вот и весь мой сказ - заключил дед Иван.

Ученые мужи от души смеялись.

- Забавный старикашка, - шепнул очкастый соседу, и, обратившись к деду сказал:

- Папаша, Вы в хронологическом порядке изложите свои биографические данные, - но, видя, что дед не понимает, его слов продолжал:

- Ну, когда Вы родились, в каких условиях прошла Ваша молодость, и так далее и так далее...

- А молодость моя была такая, - начал своё повествование дед Иван: - Одиннадцати месяцев остался сиротой, и до шестнадцати лет возрастал у тетки, а потом пошел батрачить.

- Два года пробатрачил, заработал коня, телегу, корову. Женился на батрачке, и пошло дело. Через три года стал настоящим хозяином.

- К четырнадцатому году у меня уже было три коровы, два коня, десятка два овец.

- Домишко поставил, живи да радуйся, а тут, откуда ни возьмись германская началась!

- Ну и забрали меня в солдаты, и прямо в Петроград в морскую пехоту в запасной полк.

- А какая солдатская жись, «Становись! Равняйся! На первый, второй распытайся», а то ротный борьбу устроит. А бороться не заставляли, хош – борись, ни хош – смотри.

- Я, правда, не охотник был на это дело, да товариш подтолкнул меня на эту дурь, выйди, да выйди, ну и вышел. Пятьдесят солдат положил, а на другой день штабс-капитан пятьдесят рублей мне премию вручил.

- Но полностью я срок службы не отслужил. А получилось вот как. Идем мы с товаришом как-то мимо сарского двора, и я там какой – то яшшик заприметил, спрашиваю у товарища, «это чё такое?», а он отвечает, «как чё?», яшшик для жалоб, хочешь – ты пиши Государю, ключь от яшшика только у ево, твоя жалоба никому в руки не попадет.

- С той поры и запала мне в башку думка, подать челобитную царю-батюшке.

- Нашел грамотного человека, рассказал ему своё дело, о том, што у меня осталось пятеро несовершеннолетних детей. Он все это описал, а я эту писанину отнес и опустил в этот яшшычек.

- Через две недели вызывают меня к самому командиру полка, а он мне говорит: «По высочайшему указанию можешь ехать домой», и подал мне документы и проездной литер. Вот моя служба и кончилась.

- Приехал домой и опять чертомелить, пахать, косить, молотить, а зимой сено да глызы возить, только в праздник и отдохнешь.

- А тут власть переменилась, но у нас у крестьян перемены не было, мантулили зиму и лето. Да иначе и нельзя, семья растет, стало быть, и хозяйство надо больше. Все бы ничё, да откуда нивозьмись начало по деревням ходить письмо с позолоченными буквами, и стали мужиков тайно собирать да письмо это читать.

- Написано там было складно, мне так не сказать, но смысл его и до сегодняшнего дня в башке остался. Говорилось в нем о том, что пришел на землю русскую антихрист, веру порушить, храмы Божии разрушить, христиан из домов изгонит. Ну и призывал всех крещеных восстать на

антихриста. Кто верил, кто сумелвался. Ну, как этому поверить, што из своих домов будут изгонять? А што веру Христову попираць будут, об этом говорили задолго до письма.

- Долго-ли, коротко-ли толковали, и решили идти на антихриста. А с чем идти?

- Хорошо если у кого бердана была, а то больше с топором да с вилами.

- Ну, он нам и задал жару. Дело это было у деревни Колодцы.

- Как начал с пулеметов пшарить, мы и разбежались все как бараны по кустам, а потом по одному по двое стали пробираться к своей деревне. Я угадал с Кузьмой Крайновым, а он художником был, и рассказывает мне: «А я штрилял, штрилял, а у меня жатвор жасло...» Но мне было не до смеху.

- Это штриляние даром нам не прошло. Заявились красные со списком в руках участников Ишимского восстания. Которые успели убежать, а иных дома захватили.

- Дома и меня захватили. Командир ихний спрашивает: «Вы Лавров Иван Мартемьянович?» Так точно - отвечаю. «В вооруженном восстании участвовали?»

- А куда попрешь. Участвовал - говорю. А он мне: «Вы подлежите расстрелу на месте, и достает из кабуры револьвер, а другой говорит: «Товариш командир, а не лучше ли сделать это в ограде? Здесь детей перепугаем». «В ограде так в ограде - говорит – вот ты этим и займись». Только вывели меня в сенки, а на встречу нам Лопатин, он тоже у красных каким то начальником служил, а меня он хорошо знал.

«Вы куда ево? – спрашивают, а он ему «К стенке! «Отставить!» - командоват.

- А, который хотел меня прихлопнуть, спрашивает: «А в чем дело?», а Лопатин ему: «Да за што убивать эту тупису? Он кроме как робить, вообще в жизни ничего не знат».

- А я про себя думаю: хоть бы ишшо бараном назвал, только бы не убили!

- Вот так пуля и меня миновала.

- А Егора, соседа, баба спасла! Они к нему в ограду заходят, а она белье с веревки собирает. На вопрос дома ли хозяин говорит, ушел куда то. Они в пригон, а она в избу и

скомандовала мужику: «Ложись на кровать, если хошь жить. Он лег, а она бельё на ево, да вторую охапку успела принести, пока они в избу не зашли. Когда зашли, начали искать под кроватью, под полом, на печке, за печкой, а он поляживат на кровати, и сам не знат, толи он живой, толи мертвой. Так и остался.

- А Петька Лучко, дак тот, ишо лутьче номер устроил. Вывели ево на расстрел, а он говорит: «Разрешите мне с конем проститься, два раза по ограде проехать». Разрешили. Вывел он жеребца, сел верхом, проехал рас по ограде, второй рас поехал, да как даст коню по бокам, а он через забор и Митькой звали.

- Че творилось, не приведи Господь! Красны, идут, красный флак вешают.

- Белы, идут – белый флак вешают. А тут чехи пошли, черт бы их знал какие оне, какой флак вешать?

- Ну вот, семь бед прошли, восьмая началась. В двадцать первом году хлеб не родился. Пришлось скотину сбывать, да хлеб покупать, а ездить за сто верст в Исилькуль, а все равно не хватило. На другое лето корни камышовы доставали из озера, сушили, толкли, и в муку примешивали. Вот так и пробились до нового урожая.

- Постепенно всё ушомколося и началась спокойная жись. Сыновья подросли, помощниками стали. Скот развел, сенокосилку купил, и пошло дело колесом.

На этом рассказе дед Иван замолк надолго. И общая тишина в избешке расположила всех к обдумыванию его монолога.

- Ну, вот вам и картина жизни крестьянина в революционном периоде нашей истории – прервал молчание один из слушателей.

- Да, - продолжил – другой, таких фактов в учебниках современной истории России не найдешь. Оказывается, Вы Иван Мартемьянович, ровесник Владимира Ильича?

- Такая же историческая личность, как и он, только по другую сторону баррикады?

Дед Иван продолжал молчать, обдумывая, что-то своё.

- Я что-то слышал про Ишимское восстание, но не знал, что это было вооруженным восстанием - продолжил ученый в очках.

- Что вы, что вы, это было серьезное сопротивление Советской власти в 1919-21 годах! - добавил предыдущий участник разговора. Его ещё называют

«Эсоро-кулацким мятежом», что-то наподобие Вандейского восстания, только в Сибири.

- Только, давай те, поговорим об этом какнибудь в другой раз. Давайте послушаем Ивана Мартемьяновича, ведь другой такой возможности у нас вряд ли будет когда.

- Да, конечно! Иван Мартемьянович, а как же Вы жили дальше? Только не надо нам рассказывать о небылицах - попросил очкарик.

При этих словах дед Иван встрепенулся, и несколько эмоционально начал:

- Да, есть и сейчас такие дураки, начнешь им про старужись рассказывать, не верят!

- Раньше я за семнадцать голов скота платил налог три рубля восемьдесят копеек, а теперь? Давно ли было, когда по семь шкур с одной коровенки, сдирали?

- Ну ладно, это я маленько вперед заскочил, а вы говорите надо... в хромогическом порядке рассказывать?

- Так вот и пошла опять житуха. Сеем, пашем, а мясоед придет, поём да пляшем.

- Да и в пост не шибко бедствовали. Набьем рыжикова масл а боченочек, да конопляного, да рыбы наловишь, кулаги наладят, ниче можно было постовать.

- А вскоре и школу открыли. Малыши в школу пошли, а переростки в Ликбес.

- Хотя грамота эта не всем дается, а учиться всех молодых заставляли. А к чему барана учить? Ему говорят – «А», а он своё «Ба-а».

- Раз как-то приходят робята с Ликбеса, закатываются, хохочут.

- Спрашиваю, чё там такое у вас случилось? Ну и рассказывают: Егорка-Турка (это прозвищно такое).

- Училка заставляет читать, ну он и читает: «У-ты-кы-а» - И что же получилось?- спрашивает она. Турок молчит. Так, что же получилось, Георгий Елизарович? второй раз спрашивает училка. А он смотрел, смотрел на потолок, да и скуковал: «Ковшик!»

Громкий хохот дедовых слушателей прервал его рассказ, утирая слёзы от смеха, слушатели просили деда:

- Продолжайте, пожалуйста, у вас так хорошо получается...

- Да нет, - ответил дед, - надо посмотреть, што там атмосферные осадки делают, не пора ли нам делом заняться? И вышел из избушки.

Оставшись одни, ученые комментировали рассказ деда. Один говорил: «У него трагизм удачно гармонирует с юмором, хотя повесть его не лишённая абстракции».

- Так то оно так, - говорил другой, - но память человеческая не пишущая машина времени. За долгие годы может из нее кое-что повыветриться и рассказ получится до некоторой степени абстрактным.

В это время в избушку вошел дед Иван и объявил, что дождь продолжается. - Так что, буду вам книжку моей жизни рассказывать, если хотите.

- Конечно, конечно, очень хотим, - наперебой ответили ученые.

- Ну, так вот, а теперь мой рассказ, - начал дед, - не шибко смешной будет, а в пору хоть плачь. И не хотелось бы душу треложить, да раз уж так получилось...

- Правильно говорят: «век живи, век учишься, а дураком умрешь».

- В двадцать девятом году, ни спросясь, ни благословясь, купил второй дом в соседней деревне.

- Старшего сына надумал женить да отделить.

- А он ни такой дурак как я, и говорит: Зачем ты ево купил? Все равно нас раскулачивать будут. Как так раскулачивать? - спрашиваю, потому, што первый раз слышу такое слово. А он мне говорит: - А вот так, отберут всё хозяйство, а самих на ссылку сошлют. Да как же могут у меня хозяйство отобрать?- спрашиваю.

- Што я грабил, али воровал, што у меня ево отбирать? Ни с тобой - ли да с братьями твоими ли мы его нажили, да по семи потов проливали?

- Дале-шире, дале-шире и поругалися. Он понял, што лоб мой не прошибить, и ушел на станцию. Поступил на работу в сельпо, да там и женился. И стал жить у жаны.

- Хоть и не соглашался я с сыном, а все же побаивать-ся стал. Восемнадцать больших чашек топлена сала к соседу бедняку унесли, да быка продал, из одежды кое-што припрятали.

- Вот тебе и тридцатый год!

- Принес он нам невиданную и неслышанную до этого беду.

- В январе я был крестьянином середняком, как тогда называли, а в феврале стал нишшим. Все до нитки отобрали. Оставили по лопатине на душу и пуд муки, да и тот жана отстояла. Выставила свой живот перед супостатом и говорит: «Коли, но мешок не дам, все равно без муки пропадем». Ну и бросил он ево.

- Робята, которы постарше были, как ласточата из родного гнезда разлетелись кто куда.

- А которы поменьше, побросали их в короб, лохмотьями прикрыли, и на ссылку повезли.

- День везут, два везут, а куда – неизвестно. Вот и неделя в дороге прошла и прибыли мы в город Тару. Поселили нас, в какой то подвал и живем мы тут припеваючи. Жана потихонечку: «Ох,ох», а ребятишки во все горло: «Ись хочу!» А где это «Ись» взять, не ихнее это дело.

- Два дня спевку проводили, на третий жана пошла по городу, но с другой уже песней: «Подайте милостинку Христа ради» Каменное серсо, и то бы разорвалось, а как моё выдюжило, понятия не имею. Раз сходила, другой, а потом и ребятишек, которые побольше, стала приглашать на этот промысел, а они не идут. На что лутьше готовые булочки, да шанежки ись. А по миру идти? Да это только сказать легко. А ну, попробуй, сходи.

- Не раз я вспоминал двадцатый год. Не могли же меня тогда прихлопнуть, лежал бы спокойно в могиле, и семью без меня, может быть, не тронули бы.

- Вот сидим мы неделю, другую, ни везут нас, ни вперед, ни назад и ничё не говорят, хош живи, ни хош умирай, никому до нас никакого дела нет. Но слух идет.

- Хотят нас везти за какое то Васюганское болото, а мужики здешние, коней не дают и сами не едут, потому что раз съездили и узнали «где раки зимуют».

- То место, куда спецпереселенцев увозили, было необжитое, и их сваливали прямо в снег под елку. Да и сами ездовые возвращались домой еле- еле душа в теле.

- Раз населения нет, а где корму лошадям брать? Ну, тогда стали отпраивать туда активистов да комсомольцев, а переселенцы эти озверели совсем и прежде чем самим умереть, давай этих комсомольцев убивать. Вот и отпала охотка туда ездить.

- Бывало, привезут его (активиста), митинг устроят, оратор орет: «Погиб от классового врага!» А сколько нашего брата там погибло, один Господь только знает.

- И назывались то мы – «спецпереселенцы», то есть переселялись специально для гибели.

- Ну, пусть мы кулаки, враги, а малы дети кто таки? А погибать пришлось всем, которых туда успели завести.

- Об этом я после узнал от одного человека. «Сперва, - говорит, - коней дохлых поели, а потом начали кору на березах глодать, а затем умирать».

Тут один из слушателей не выдержал и прервал снова деда Ивана.

- Да, действительно, рассказ ваш уже несмешной.

- Как же выжили вы? Что было с вами дальше?

- А что, было? - продолжил дед Иван – руки ноги есть, башка кумекать начала.

- Я вижу, что дело табак и тоже пошел по миру.

- Только не куски просить, а работать.

- Захожу к одному хозяину, рассказал ему про своё положение и спрашиваю, нет ли у тебя какой работенки, а он говорить: «Работы не будет, когда на три аршина в земле будем». Короче говоря, напилили мы с ним двенадцать сажен дров, а колот и клал я один. Во время работы кормежка хозяйская. А он как знал мой характер, что не могу просить, накормит досыта, а ишшо калач робетёшкам даст.

- И пошла у нас, нижись, а малина. Жана с полной сумкой, а я с калачем. А когда кончил работу, он мне пудовку ржи насыпал, стариньки бродни дал и три рубля.

- А самое главное надоумил: «Ты,- говорит - сходи-ка в амбулаторию, им много дров надо, и они каждый годнимают людей».

- На другой день пошел и договорился на сто саженей по два рубля. А с кем пилить?

- Старшему, двенадцатый год, да ишшо семь ран на ноге; болеть она у ево ишшо дома начала, а тут простудил дорогой пока везли. Лежит теперь как шпаненок в углу и воеет день и ночь. Самую меньшую девочку, Клавдию, здесь прибрал Господь, а этому нет ни смерти и ни живота. Хотели, было в больницу положить, да где там, сын кулака леченью не подлежит. Ну, как бы там ни было, а нишшевать мы уж не стали. Напарим чугун ржи и чамкам как свиньи.

- Напарника я нашел, дали нам лошаденку, пилу, топор. «И пилим, колем, мы складаем, всех легавых проклинаем...», это песня такая у блатяков есть, я слышал, её как в лагерь попал.

- Вы еще и в лагере были? – спросил очкастый

- Какая же у Вас трагическая судьба!

- Ладно, не буду забегать вперед, - продолжил дед Иван - потом расскажу и про лагерь.

- Ну вот, выполнили мы свой подряд, а тут директор школы просит к себе на работу.

- Тут уж мы ему и условия ставим: «Если дашь нам коня в лес ездить, возьмемся, а он нам: «Да у меня два коня, а вот конюх заболел». Короче говоря, договорились, дрова пилит и за конями ходить.

- Поставили мы ему сто двадцать сажен, а тут и распутица началась ни проехать, ни пройти. Ну вот, расчитался с нами директор, и появились у меня деньжонки.

- А тут и пасха началась.

- Расскажу ешшо, про случай, который случился там в это время.

- Хоть и не верите вы в такое. Правда, своими глазами я это не видел, но об этом весь город говорил. Тогда с кулаками, да с попами страшная борьба шла. Идешь по городу, а на заборах попы с кадилами, да с долгушшими волосами нарисованы и чёто написано. Мне все хотелось узнать, што там написано, и вот как-то иду, а ребятишки стоят, рассматривают эту картину. Ну, я и попросил одного прочитать, а он мне и прочитал: «Долой мракобесов!». Долой, дак долой.

- Ну, дак вот, решили в одной деревне за Иртышом серковь изломать, а вот как деревня называлась, не могу вспомнить, толи Самановка, толи Самсоновка, ну да ладно, она и теперь, поди, никуда не девалась.

- Ну и поехали туда семнадцать комсомольцев, на большой лодке, на это дело. С ними была одна женщина с ребенком. Вот выплыли они посередь Иртыша, и пошла ихняя лодка ко дну вместе с гребцами. А на воде остался ребенок, завернутый в одеяло, и бьет его волной. Било, било, да и к берегу прибило. Достали ево, а он живой!

- Хотели и в городе изломать серковь, но охотников на это дело не нашлось, после этого случая, а она и до сего дня там стоит.

В это время на улице послышался шум автомашины. Это Егор Ребенков приехал за работниками на своем «ЗИС-5». Дело шло к вечеру, и бригадир послал его забрать помощников домой, так как работать уже было нельзя из-за того, что сено было мокрым. Пришлось деду Ивану закончить свой рассказ, и все вышли из избушки.

Все стали грузиться в кузов машины, а дед Иван сел с Егором в кабину. В этот ненастный день, шефы ничего полезного не сделали, но получили большой информационный материал о периоде коллективизации из уст современника.

Вечером, в школе, где были размещены шефы, разгорелись у них дебаты по рассказу деда Ивана. Разговор начал ученый, который говорил об «Эсерово-кулацком восстании».

- Слушайте, а ведь Иван Мартемьянович по сути своего рассказа, нарисовал нам картину типичного крестьянина того периода. В такой заварухе исторических событий в России вся надежда была на него. А что происходит? Вместо того, что бы усиливать сельское хозяйство, начали планомерно его разрушать. Ну, как можно понять, что бы лишит крестьянина семенного материала? В тот период это конец не только жизни на селе, но и проблема всей страны. Это же истребление народа.

- Конечно, а вы знаете, почему прокатилось восстание по Сибири, в котором участвовал наш дед? Я уже говорил, что это было серьезное сопротивление Советской власти. Как-то, раз, нам профессор на кафедре истории СССР, рассказал о секретных документах, которые ему попались при подготовке к диссертации. Это было воззвание командования повстанцев, в котором говорилось, что они идут не против советской власти, а против коммунистов, которые выгребли всё до последнего зерна и гноят его в амбарах. Если не хватало хлеба, для выполнения наложенной на крестьян развёрстки, конфисковали всё имущество. Они против тех коммунистов, которые при непосильной шерстяной развёрстке заставляли стричь шубы и овец в зимнее время, отчего овцы гибли от мороза. Если крестьянин защищался, то имущество его приказывали сжечь, не считаясь с целыми селениями.

- Правда, вскоре потерялся, куда то этот профессор, и до сего дня не знаем где он.

- А, знаете – продолжил разговор другой сотрудник института – ведь дед Иван, не напрасно нам рассказывал про свои чудеса. Хоть и говорит, он что неграмотный, а библию, он знает. Он, что хочет нам сказать?

- Что потеряна вера в Бога! Настушила пора демона бездны! Я читал в Откровении святого Иоанна Богослова, что демон, ведущий полчища саранчи, уничтожающей все на своем пути. Губитель от греческого переводится как – Аполлион.

- Наверное, удачное сравнение, - заметил сотрудник в очках, но чтобы судить об этом по судьбе одного человека, мне кажется этого недостаточно.

- Интересно, а что же было с ним дальше? Как он выбрался из той истории, когда все забыли о них в Таре? - продолжил кто-то из участников разговора.

- Давайте, завтра попросим Ивана Мартемьяновича, рассказать нам о дальнейшей его судьбе. Времени у нас мало, через день поедем домой, - с сожалением закончил он.

- Утро, вечера мудренее, может завтра такая же погода будет, опять будем сидеть без дела. Другой-то работы у них нет.

При этих словах лампочка, что освещала комнату, начала медленно угасать и погасла вовсе. В деревне электрический свет после 12 часов ночи выключали. Электричество в деревни получали от своей гидроэлектростанции, устроенной на реке Чузик. В летний период было мало воды в реке и необходимо было её экономить.

На этом дискуссия закончилась, и все участники разошлись по своим местам до утра.

Глава 2. Марусин стан.

Рано утром, на другой день в конторе, состоялся разговор между председателем колхоза Капрановым С.И. и бригадиром Пасажениковым А.Т.

- Ну что, там, на Марусином, вчера не закончили? - спросил Капранов.

- Да нет, - ответил - Алексей Тимофеевич – ты же видел, целый день моросил дождь.

- Надо сегодня там заканчивать, да переезжать на Верх-чузик, там уже готово сено.

- Сегодня должны закончить, там немного осталось, да и погода, похоже, устанавливается - утвердительно ответил бригадир.

- Да! Завтра же, шефов надо домой отправлять! Ставь Егора на ремонт, пусть готовит машину в Пудино. Будем с ним их отправлять!

- Кого же будем на Верхчузик посылать?

- Собирай дедов по деревне, да ребяташек. Кого же больше? На Венере еще силосную яму не закончили. Всех мужиков посылай туда, а то не дай Бог, загорит яма.

В это время стали подходить на разнарядку колхозники. Подошли и шефы из города.

- Ну что дорогие, помощники? – начал Алексей Тимофеевич – вся страна смотрит на вас! Надо сегодня закончить убирать сено на Марусином стане, а завтра вас поздравим с победой и повезем домой!

- А кто у нас будет сегодня звеньевым? - спросил старший из шефов.

- Дед Иван, кто же еще, я уже послал техничку за ним.

- Да я уже здесь, - ответил дед Иван, выглядывая из-за косяка двери.

- Ну, тогда садитесь и езжайте. Сегодня вас повезет Кутусенко, - ответил Пасаженников.

Утро, действительно, выдалось неплохим. Хотя солнце и не пробивалось сквозь облака, но дождя не было. Небольшой ветерок, давал надежду на то, что разгонит облака и будет солнечный день, так необходимый для уборки сена.

По приезду на место, все расположились под летней крышкой на культстане, а дед Иван пошел запрягать коня в грабли. Через некоторое время он подъехал на граблях, привязал коня к столбу и присоединился к шефам.

- Немного подождем, пока росу сдует, - сказал дед Иван - да и начнем благословясь.

- Иван Мартемьянович, пока есть немного времени, давайте продолжим вчерашний разговор. Завтра мы уезжаем домой, а хотелось бы узнать о дальнейшей вашей судьбе – попросил старший из шефов.

- Дак, дальнейшая моя судьба, ишшо длинная была - начал дед, успеть ли за утро то рассказать?

- Ну, хоть, сколько успеете, расскажите, и если помните, с того момента, когда вас бросили в городе Тара.

- Ну, ладно, сколь успею, расскажу. Не охоч, я лясы точить, да растреложили вы душу мою своими расспросами. Видать задело и ваши?

- Ну вот, в тех деревнях кулаченья этого пока небыло. Которы, подурне мужики, вроде меня не верят, што такое может с ними случится, а которы посмекалисте, скот да коней давай продавать. А кому они надо? Ни сѣдни, завтра крах прийдет, заберут всё в колхоз. Я, ни долго думая, купил пару коней, телегу, склал свой скарб, храмова парнишку за кучера посадил и дуй ни стой домой. В деревнях не останавливались, ночевали в поле. Распрягу коней, а оглобли поворачиваю на Тару, в случае что, дак сказать, будто еду туда. Но ничего дорогой не случилось, и через неделю мы оказались дома.

- Заходим в свой дом; а дальше чѣ делать? Думаю, черт с ним, пойду в эту вешнюю каторгу, так тогда колхоз называли. А не тут то было. Не принимают... А Никитка Романюк, председатель сельсовета говорит: «Кто тебя со ссылки отпустил? Ну-ка покажи документы, - и добавил, - мы сошлем тебя вторично!». Ну, што тут поделаеш!

- А тут ишо новость, Костюшко умер! Это сын, он уже большой был, но урод.

- Когда нас увозили, он спрятался, где-то, а потом никуда его не приняли, так и умер с голода. Што тогда творилось – ужась!

- Из колхозов давай образовывать коммуны, видно «коммунизму» за два года решили построить. Никакой частной собственности! Огороды садить не дают, и што бы ни одной скотины во дворе не было. Всё должно быть общественное. Хлеб дают по едокам. А коммунары хлеб едят, а робить не хочут.

- Ефимко-бродяга прямо так и говорит: «Што я дурак, што буду робить, когда мне хлеб даром дают».

- Хлеб кулацкий съели, а своего намолотили только на семена. А чѣ делать? Давай разбегаться, хто куда. Хто в город, хто на железну дорогу; да и там нешибко сладко.

- Мужик разорен, а хто городу хлеб дас? А коммунары те не токмо государству, сами себя прокормит не можут! Но и эта лазейка была вскоре закрыта.

- Вышел указ, без пачпортов на производство не принимать. Нечего бегать взад-вперед, где родился, там и здыхай. Вот это я понимаю, была настоящая революция. За два года уничтожили всё! Сплошной голод на основе сплошной коллективизации!

- А ваша-то судьба как сложилась в дальнейшем? - спросил ученый с бородкой.

Дед, глубоко вздохнув, продолжал – а потом, я свою судьбу, на Божью волю отдал.

- В первую очередь сало у Евдохи забрали, но не восемнадцать чашек, а чашечек.

- Она объяснила тем, что боялась хранить чужое добро, а что б его не опознали и не отобрали, перетопила и застудила в своей собственной посуде.

- Барахлишка немного было зарыто, коней сыганам продал, и скрыл свои глаза от семьи.

- Думаю, может без меня, её не тронут, а уж умирать, дак хоть в своём доме.

- И что, Вы уехали от своей семьи?- с удивление спросил тот же собеседник.

- Ну да - ответил дед - а что было делать, ждать, когда за тобой придут с наганом?

При этих словах, он встал, махнул рукой, и пошел к коню.

- Давайте начнем работать, вроде, маленько, подсохло - сказал он.

- Я буду поднимать сено в валки, быстрее просохнет, а вы раскидайте вчерашние копешки.

Все взяли вилы и начали работать. Погода немного улучшилась, но солнце всё ещё не могло пробиться сквозь облака. Вчерашних копен было немного, и вскоре со всех их были сняты мокрые макушки и раскиданы на земле для просушки. У последней копны все присели в кружок и снова заговорили про деда.

- Наверное, он разумное принял решение. Какой резон раскулачивать вторично семью без хозяина, без имущества, да ещё и с малолетними детьми? Да и, правильно он, опасался за свою жизнь. Конечно, там помнили, что был он еще и участником восстания?

- Да, всего можно было ожидать в то время.

- Ревтрибуналы скоры были на расправу.

- И все же, непростое, было решение...

Вдалеке, дед заканчивал ворошить сено, и вскоре подъехал на граблях к отдыхающей компании.

- Ну вот, немного подождем, да и будем начинать скирду - сказал он – развязывая чересседельник у коня.

- Присаживайтесь к нам Иван Мартемьянович, мы с нетерпением ждем продолжения вашего рассказа.

- Продолжение будет ишшо длинным – опускаясь, на колени у копыны, сказал он, только когда его рассказывать, работа то, ждать не будет.

- Да всё сделаем, была бы погода, не волнуйтесь.

- Ну ладно коли так - ответил дед и продолжил свой рассказ.

- С тяжелой душой, уходил я из дома. Ушел ночью на стансию...

После этих слов дед Иван сделал паузу, отвернувшись в сторону, смахнул слезу и продолжил.

- Сел я на товарняк, доехал до Новосибирска, а потом вниз по матушке Оби и до самого Сургута.

- Устроился на лесопилку, и пошло дело, как блотяки говорят – и тебе, и мне, и начальнику, это обозначает: «на пиле работать». Ни много, ни мало, а поиграл я на этом гардионе чуть ли ни год. Хотел, было весточку домой подать, да отсоветовали мужики. Говорят, узнают адрес, арестуют, и в тюрьму. К этому времени, я кое-што, узнал.

- Оказывается, только в нашем районе, ссылали вместе с семьей хозяина. - А в других было по-другому:

- Хозяину - десять лет заключения, а семью на бессрочную ссылку.

- Дак вот, знаю, что они там бедствуют. Может, и послал бы, каку копейку, а боюсь!

- Могут найти меня! А кому от этого будет лучше?

- Ну, а потом колесо моей судьбы крутануло так, что я чуть ли не оказался в ледовитом окияне.

- Нужны были плотники на постройку фактории, вот и отобрали нас четверых мужиков и повезли ишшо дальше на север. День плывем, два плывем, вот и неделя проходит, а потом глядь в окно, чё тако? Ни видать берега, ни справа, ни слева.

- Спрашиваю у соседа, это чё, окиян уже пошел? А он говорит – да какой тебе окиян, это Обская губа пошла, а до окияна ишшо тыщу верст. Вот это, думаю, попался, дак попался, прошел все беды, воды, медны трубы, а не завезут ли нас к черту в зубы?

- А потом поворотил наш пароход в другую губу, а называется она Газовской. Из этой губы вошли в реку и стоп машина. А река та поменьше, чем Обь, а названиее у ней Пур.

- А место то, где мы высадились, заселено двумя домами, один дом – фактория, а в другом заведующий этой фактории жил. На первое время он нас к себе пустил, а потом мы срубили себе избушку. Лес там был уже завезен.

- Вот мы и строим эту факторию, но не таку какая там, а намного больше. Заработки хорошие, снабжение продуктами и товарами – што душа пожелат! А летом там ночи нету, все время день. После работы отдохнешь маленько, отойдешь на десяток шагов, ягоду бери, хош клюкву, хош бруснику и тут же её сдашь, опять же копейка. А тут нас Иван Иванович – это заведующий – научил птицу ловить сетями.

- Ну и пошло дело! А рыба у нас была круглый год.

- Вот так и живем. Ну, как бы то ни было, а душа болит. Как там семья, то ли жива, то ли погибла? Вот я и надумал написать письмо на родину дружку своему и просил ево сообщить всё. А через полгода получаю письмо от дочери, она хоть и тоже грамотей, не лутше меня, но я узнал, что семью мою сослали неизвестно куда.

- Дочь, которая писала письмо, вышла замуж в соседнюю деревню. Я ей написал, если она узнает, куда выслали, пускай напишет мне. Вот тут я и понял, что такое грамота!

- Хошь ни хошь, а приходится просить людей. Через год мы закончили строительство, а работы там хватало. Тут я и бондарному ремеслу научился.

- А коренные, тамошние жители, остяки, да самоеды первое время боялись нас русских. Бывало, что они на своих собаках, не доезжая фактории, остановятся и стоят, подходить, али не подходить? Потом идет к ним заведующий фактории, и объяснят им, что мы их не съедем, и тогда они осторожно подъезжат с пушшиной к фактории.

- А в деньгах, никакого понятия не имеют!

- Один раз, мне пришлось случайно, быть свидетелем.

- Один самоед сдал пушнину, набрал разного товара, пошел к оленям, а потом вернулся в факторию, подает десятку Ивану Ивановичу и говорит по-своему: «спички забыл купить», а он ему бросил на прилавок коробков десяток, а самоед ему говорит: «хватит, хватит, зачем так много». А коробок спичек там стоил две копейки.

- Вот и живу, поживаю - добра наживаю, а тоска гложет денно и ночью.

- Два года уж прошло. Однажды приходит пароход, и приносят мне письмо от замужней дочери, а в нем, адрес моей семьи.

- И стало мне на душе веселее, сам здесь, а душа там.

- Написал по указанному адресу письмо, спросил, как к ним проехать и жду ответ, а сам сысподтишка начал готовиться в дорогу. Мешки добром набиваю, увязываю, да зашиваю. В те годы на широком месте за деньги ничего нельзя было купить, потому, што ничево нигде не было.

- Вот поэтому, я и решил, побольше везти всякой всячины.

Тут дед Иван умолк задумчиво глядя вдаль, потом встрепенулся и сказал:

- Однако, не пора ли нам, за работу приниматься, пойду, посмотрю сено.

Дед Иван прошел немного по покосу, наклонился, поднял, пучок сена покрутил его двумя руками, и пошел к коню запряженного в грабли.

- Всё! Давайте будем начинать скирду, сено просохло - сказал дед Иван, подъезжая к своей недавней аудитории.

Все поднялись, и на Марусином стане закипела работа. Сначала дед Иван повозил сено граблями из валков, потом выпряг коня из граблей и стал возить на нем вчерашние копны сена при помощи веревки. Через некоторое время выросла большая скирда сена. Дед Иван снова запряг коня в грабли и аккуратно сгреб остатки сена вокруг скирды.

На этом работа была закончена, и все сели отдыхать под крышей кульстана.

До вечера еще оставалось много времени, и надо было ждать, когда за работниками приедет транспорт. Дед Иван подошел и тоже присел под крышкой.

- Ну что, Иван Мартемьянович? Похоже, у нас снова появилась возможность, услышать от Вас продолжение рассказа. Что же было дальше? - спросил кто-то из компании.

- Ладно, работу мы сделали, можно отдохнуть и поговорить - сказал дед Иван, и продолжил свой прерванный рассказ, как ни в чем не бывало.

Глава 3. Крутой поворот.

- Да, вот и пришло время, когда надо было покидать этой край, фабрику, которая как этот вот Марусин стан, почти три года защищала меня от «Губителя».

- Через некоторое время, получаю письмо от семьи, а в нем написано: Лодки до нас не доходят, а только до Пудинной, и говорят, что лодошники людей убивают, а деньги и добро забирают. К, нам можно проехать через Барабинск, Северное, и Горемычку.

- А потом, через болото шестьдесят километров. Вот и задали мне загадку!

- Не лучше, как в той сказке: «Прямо пойдешь – убит, будешь, через Горемычку пойдешь – горе на болоте мыкать будешь». А где эта Пудина? Тоже не известно!

- Думал, думал, и решил через Горемычку, да и не «ошибся», потому, что в такое горе попал, которое до этого ишло не видывал! Но не сразу! Сперва, на родине побывал!

- Двух сынов, да двух дочерей повидал, а потом уж к чертям в зубы попал. Хотя и долга эта песня, как да што, но коротенько расскажу. Выбрался я из губы в Обь, из Оби в Иртыш, из Иртыша в Тобол и оказался в Тюмени.

- Сажусь на поезд и еду в домашнюю сторону, а багаж сдал в багажную, для отправки да станции Мангут, это наша станция.

- А езды там полсутки. И вот заметил одного мужика на верхней полке в вагоне с рыжей бородой, который все на меня поглядывает. Ну, думаю, это ни кто иной, как шарманч, приглядывается к моим манаткам. А их тогда развелось страсть сколько!

- Доезжаем до Мангута, я схожу и он следом за мной, ну я приготовился дать отпор в любую минуту. Захожу в вокзал, мешок кладу на диван, и сам рядом сажусь, а этот шарманч прямо на меня идет, я руку на мешок положил, а он подходит ко мне, протянул правую руку и говорит: «Здравствуй, тятя» А я глаза выпучил, и не знаю, что ему сказать, а потом как будто кто меня из нутра подтолкнул, да и говорю: «Макся, дак это ты?»

- Он самый и есть - ответил сын. Нашто уж я крепкий, а всё равно слеза прошибла.

- В вагоне, то я не разглядел, а тут он представился во всей красе: грязный, оборванный, обросший и голодный.

- Спрашиваю, где живешь?- он отвечает, «напротив неба на земле».

- Приходим мы с ним в деревню, к дочери, а та тоже не ждала гостей, растерялась и не зная чё говорить, и што делать. А муж ей попался деловой; и рыбак, и охотник, а на это дело тогда запрету небыло. Ну, вот они и пробивались как ни как, но всё же не голодны.

- Спрашиваю, какое ваше хозяйство в коммуне? А зять говорит, у нас теперь не коммуна, а колхоз. А в хозяйстве нашем одиннадцать коров и три лошади, и те скоро слохнут. Как так три лошади, а на чем вы землю папшете? А он говорит, землю нам МТЕС тракторами папшет. Вот это новость, дак новость, думаю! А куда вы хлеб теперь деваете?- спрашиваю, а он мне на ответ. Да мы ево и в глаза не видим, наше дело работай, а ись не проси. Что родится, часть на хлебопоставку идет, а остальная на натурплату в МТЕС.

- Колхознику мешок, два дадут отходов, и больше не спрашивай. А если хочешь жить, дак умей вертеться. Я вот рыбу ловлю, а Марина жарит, на станцию носит, продает у поездов, а на деньги в магазине хлеб берет.

- Это хорошо, что Сенька продавец, Павлов друг, а иначе наелись бы мы хлебushка.

- Таких охотников как мы, много находится, а ево продают только железнодорожникам.

- На другой день пришла вторая дочь, она не знала, что мы приехали, а шла на станцию с ягодами, да и зашла отдохнуть. У неё, я и узнал, адрес старшего сына Павла.

- Дождался багаж, переформил его до станции Абакан, да и сами с Максей туда поехали.

- Он, сперва не хотел, говорит стыдно мне к брату заявляться в звании бродяги. А я ему говорю, какой может быть тут стыд, если жизнь такая пошла. Ты же сам говоришь, что без пачпорта на работу тебя не принимают. Да он теперь и на бродягу не похож. Бороду сбрил, дал я ему новую рубаху, шаровары, хромовые сапоги, а картуза не было, да и без картуза можно, волосы у него кучерявы как у барана.

- Доезжаем до Абакана, а потом нашли подводу и приехали в совхоз «Овцевод».

- Опять встреча, волнения, переживанья. Павел сразу нас предупредил, что бы мы ни слова, о том кто мы такие, а то всем будет беда. У меня была справка кто я такой, выданная факторией, а у Макси ничего не было. В случае если кто спросит, договорились говорить, что обокрали доро-

гой. Старший сын работал управляющим отделения совхоза, а если бы узнали, кто он такой, не только управлять, но и овец пасти бы не допустили, а могли и посадить за укрывательство. А когда я спросил, как ему такую должность дали, ведь грамота у него не шибко большая, две зимы только в школу ходил.

- Он и рассказал свою историю. Сначала он работал просто рабочим, а потом у них такой случай произошел. Из больницы у них сбежал больной. Врач приходит больного смотреть, а его нет. Короче говоря, медсестра его проспала. Дома его тоже не оказалось, он спрятался, где-то на первое время. Получился переполох, по всему поселку, только и разговоров об этом. А Павел взял да и сочинил стишок про это дело. Стишок этот в газете пропечатали.

- Вот тогда начальство и взяло его на заметку. Вскоре и управляющий потребовался, вот его и поставили на эту должность.

- Потом он учился в Барнауле на курсах, а через два года работал уже главным бухгалтером в райпотребсоюзе. Это у него произошло повышение, а я опять скатился в пропасть, и как считаю опять же из-за своей дури.

- Второй раз не послушал сына! Он говорил мне, не бери ты с собой багаж! Оставь его у меня, а потом посылками вам постепенно его перешлю. А я по-своему думал.

- Ну что я приеду к семье с голыми руками, они там, поди, оборваны, а я ничего не привезу? Вобщем, прогостил я у него две недели, и поехал в Барабинск. А сынов оставил жить вместе. Максим там, на работу устроился с помощью своего брата.

- Прибываю я на станцию назначения и добираюсь до базара, для той цели, что бы узнать, нет ли там подвод с той стороны, куда мне надо. Не успел я расположиться, а мильтошка, вот он! «Пойдемте со мной!» - а я ему говорю - я тебе не товарищ, что бы с тобой вместе ходить, а он меня под ручку берет. Ну, тут я его и шаханул. Ушел он, а через некоторое время, приходят двое. Один с винтовкой, другой с наганом.

«Следуй вперед!», а я говорю, как я последую, когда у меня багажу восемь пудов. А один мне в ответ: «Это не Ваша забота!». Вот это, думаю, здорово сказанул: «Не Ваша забота!» А кто же будет заботиться о моём добре?

- Вот так меня и взяли, и добро своё с той минуты и до сегодняшнего дня я больше не видал. Вместо его дали мне три года лишения свободы, а за что? Я и сейчас не знаю.

- В приговоре было написано за спекуляцию. А какой я спекулянт, когда нажил всё своим горбом, и ни одной тряпки, ни кому не продал? Вот что, мироеды, делали!

- Так вот и оказался я преступником. Меня же ограбили, и я же преступник! А раз преступник, то искупай свою вину честным трудом - строй железную дорогу от Волочаевки до Комсомольска на Амуре через болота да сопки за кусок хлеба. Мне ещё завидовали мужики, говорят, какой это срок три года, а вот мы когда червонец свой отбудем! Большинство там были долгосрочники. Разговоришься, спросишь, за что попал, а он говорит: «А я почему знаю?»

- Приехали, посадили в черный ворон и в тюрьму, а когда на этап отправляют, объявили статью и срок. Придумали, какую то статью СВЭ и от седьмого восьмого. Я всё не понимал, что это за статья, потом мне растолковали. СВЭ означает социально вредный элемент, а от седьмого восьмого - это постановление правительства от седьмого августа 1936 года «О хищении колхозной собственности». Срок по этому постановлению давали от 3 до 10 лет. Один сыган там сидел, если кто спросит, за что сидишь, а у ево один ответ: «За халатность. Кобылу украл, а жеребенка оставил. Да и посадили-то от седьмого до восьмого, а держат вот уж два года, и ещё неизвестно когда отпустят».

- Срок у ево был десять лет, но он это не признавал.

- Жулики сидели за кражу, мошенники за мошенничество, а мы за что? Ну, кулаки, это само собой, а кроме их ещё милёны людей страдало в лагерях и не только русских, а всяких других национальностей.

- Когда перегоняют из лагеря в лагерь, то на вахте обязательно проверяют. Вахтер вызывает по фамилии, а зэк должен назвать свое имя, отчество, статью и срок, если всё

совпадает – проходи. И вот пригнали нас в зону, а мороз был страшный. Вахтер вызывает, эки отвечают и проходят. Вахтеру тоже не сладко на морозе стоять с делами нашими, да еще с голыми руками, поэтому он торопится. Вот подошла очередь каргыза. Вахтер кричит: - «Утепбергенов! Тот подходит к вахте и говорит: «Саду».

- Вахтер орет: «Статья, срок!» а он ему «Свая бесьжил». Вахтер ничего не понимает, второй раз спрашивает, а каргыз ему своё: «Свая бесьжил». Вахтер видит, что ничего не добиться и говорит: «Ну, черт с тобой! Раз свой проходи, а с жилами потом разберемся.

- Вот такие у нас были развлечения. А жулики свою статью называли «сто шестьдесят родная», вместо сто шестьдесят вторая. А закон, тогда какой был? Украл в колхозе пуд зерна - десять лет. Обокрал квартиру-один год. Жульё похотыват. Говорят: «Да один год можно у начальника на х.. пересидеть. Всяких людей там пришлось повидать.

- Один там такой был, что тыщи лет, что было тому назад, и что будет, наперед-всё знал. - И что он тогда говорил, в последствии все так и получилось. Вот такая была башка.

- Фамилия его Карагальцев. Мы как-то сидим в бараке и толкуем што да пошто. Да неужели советскую власть завоевывали для того, что бы народ губить, и про Сталина упомянули. А он услышал наш разговор, подошел да и говорит: «Это не Сталин, а «Сулла». А мы рты разинули и спрашивам, как так «Сулла»? Что это за слово такое?

-Ну, он и начал нам объяснять, что это было ещё до рождения Иисуса Христа.

-Римский полководец перебил всех своих суперников и взял власть в свои руки.

- На гумаге - высшая власть - сенат, а на деле властвует он один. Сенаторы дрожат перед ним и выносят решения такие, какие захочет «Сулла». Вот такую позицию занял и Сталин. Объявлено всему миру, что власть в России советская, а фактически властвует один человек. И он действует так, что неугодные ему люди объявляются врагами народа и

уничтожаются. Первым помощником по этому делу у него Берия. Несмотря на то, что он шпиён буржуазных держав, делают одно дело. Тут мужики засумлевались.

- Как это может быть? Вождь мирового пролетариата, как его тогда называли, может быть в одной упряжке с врагом пролетариата? Это одно, а второе, кто доказал, что Берия шпиён, а если это так, то почему не расстрелян?

- Карагальцев и на это дал ответ. По его словам дело было так. Дзержинский заподозрил Берия в шпионаже и много лет за ним тайно следил и собирал, какие мог улики.

- За десять лет он собрал всё необходимое.

- Составил протокол на арест, и подал Сталину на подпись. А Сталин ему сказал: «Нас два грузина в ЦК.

- Сегодня ты принес протокол на Берия, а завтра составишь на меня», и не подписал. Дзержинский зашел в свой кабинет и застрелился. Это я по своему рассказал, как понял, а он долго говорил, но мне по его не сказать.

- Говорили мужики, что в его личном деле записано, будто бы он восьми языками владеет. А тут на своём родном, не знаешь, как слово правильно сказать. Да он и по-русски то говорит, што примешиват какие то непонятные слова. Я только два слова запомнил: «Узурпатор, диктатор». А с чем их едят, понятия не имею.

- Но как бы он ни говорил, а что сказал, то всё сбылось. Кирова убили, Максимку Горемышного отравили, военных маршалов всех расстреляли.

- А Крупчиха, чё-то там пикнула, дак он её посадил как то там гумажки перебирать, и не слышно её было до самой смерти. Вот какие люди есть!

- Им бы только государством управлять, а их заставили управлять тачкой с одним колесом.

- Ну и вот, дали ему год, а он двенадцать месяцев отсидел, и досрочно освобожден. Это поговорка лагерная.

- А со мной получилось иначе. Я вместо трех лет отбывал только двадцать один месяц. Тогда были зачеты за хорошую работу, освобождали досрочно.

- А мне робить не привыкать, какие бы там ни были нормы, всегда перевыполнял. И пайку получал кило сто, а за норму давали девятьсот грамм хлеба. Начальник нашей фаланги не обижал работяг. Зато шармачей этих держал в ежёвых рукавицах. Насадит их полный изолятор, а они подкупят вахтера, и им туда всё передадут и хлеб и табак, и карты. Они там, в карты поигрываю, поют да поплясывают.

- Но сколь веревочке ни виться - всё равно конец найдется. Как-то оставил он меня в зоне; чан в бане надо была подремонтировать. А днем в зоне почти, что никого нет. Штрафники в изоляторе под замком, да вахтер у дверей кимарит сидит. И вот какой случай произошел:

- Только он ушел в сартир, а Пивоваров и Власов как тут и были. Это начальник фаланги и начальник отделения БамЛага. В изоляторе гитара звучит, и чечетку бьют на все тридцать шесть колен. Вахтер бежит сам ни свой, подбежал, хотел рапортовать, а Власов махнул рукой: «Отставить! Открой изолятор!» Тут и вся компания притихла.

- А спрашивать у них бесполезно, что да где взяли. У них такого закона нет, что бы кого-то предать. А если найдется такой, то наказание одно «перо в орла».

- Начальство само догадалось. После этого вахтера того не видно стало. Ну, так вот. Построили мы дорогу до Амура, а потом и новый городок начали строить, который называют Комсомольск. Это за то, что как будто бы его строили комсомольцы, но это враки. Там нашего брата было только десять тысяч.

Прорабы, анжинеры и те были заключенные. Комсомольцы были там, когда ещё города не было. Недаром блоктяки песню пели:

Я живу близь Охотского моря,
Где кончается дальний восток.
Я живу без нужды и без горя,
Строю новый стране городок.

- А потом там поется об окончании срока, прощании с горами с тайгой. И мне пришлось время распрощаться. И покинул я тот «Мир, где вечно пляшут и поют».

- Что я там повидал за свой срок, не токмо за день, за неделю не рассказать.

После этого дед Иван замолчал, видимо, не было у него желания «треложить душу».

Тогда тот, что в очках спросил: «Вы после отбытия срока попали сюда?»

- Да - ответил дед – освободился, в чем душа, денег нету ни гроша.

- Надо ехать к семье, а как? Гол как сокол! Чё им скажу? Где был, где пропадал?

- Думай, не думай, а всё уж передумано! Раз живой, дорога одна - к своим, которых столь лет не видал и не слышал.

Глава 4. Возвращение в семью.

- Теперь дорога моя была легкой, не только руки, но и желудок были пустыми.

- Дали денег на дорогу из расчета до той станции, где был сужден. А мне от того места, до места ссылки семьи, ещё вести пятьдесят километров топать. Вот и пришлось протягать ножки по одежке. Но мне повезло в том, что в Каинске попался попутчик, который тоже шел за это чертово болото. Вдвоем куда веселей, да и деньжонок у него немного было. Одним словом, мы на шестой день путешествия, оказались в Горемычке.

- Видно, какой то умный человек дал ей такое название.

- Из-за одних только комаров она заслуживает его.

- Дальше нам предстояло преодолеть болото шириной в шестьдесят верст. В летнее время через него ходил только один почтальон раз в месяц. Вот тут опять выбирай, что хочешь? Почтальона ждать – двадцать ден пройдет, идти – рискованно, как бы не сбиться с тропы?

- Думали, гадали, у людей спрашивали, а они по-разному говорят, которы говорят, что ничего страшного нет, а которы наоборот, что, мол без проводника ходить не стоит, что

в этом болоте погибло много переселенцев, которые убегали из ссылки. Проводника нанимать нам не на что, а ждать не хватит терпенья. Да и как верить людям, когда своими глазами не видал?

- Решили идти, а в случае чего по своим вещкам вернуться. Верст пять прошли лесом, а потом началось, то самое Васюганское болото, за которым, и в котором, как я потом узнал – погибло множество людей. Но не так страшен черт, как его малюют. Идти, правда, по нему, не то, что по твердой земле, но раз уж взялся за гуж, то не говори что недуж!

- Заблудиться может только невнимательный человек.

- Идешь, идешь – стоп! Тропы нет!

- Перед тобой топь, тут уже надо соображать, где-то должен быть обход! Присмотришься, а вон и вешка, - мох на карагайнике, и берешь курс на этот маяк, а там опять тропу заметно! Это место, от топи до вешки, никакого следа не оставляет. Пройдешь как по пружинному матрасу, да ещё водичка выступит, и как будто тебя там не бывало. Вот так и пробивались до самого Оленьего острова. На острове этом среди болота, твердая земля. Лес растет. Ну, вот и устроили мы тут привал. Топоришко у нас с собой был. Натаскали сухостою, развели костер. Хотя и не холодно было, но без огня невозможно, съели бы комары. Вроде бы, намучились за день, спать бы надо, а не спится. И не столько из-за комаров, сколько из-за волнения. Всякие мысли лезут в голову. И на что только не способен человек? Какие только он, способен причинять страдания, такому же человеку, как и он сам.

- И вот никак эти мысли не можешь выгнать из башки. Одна проходит, другая появляется. Кое - как мы перекоротали ночь, я как будто немного, сдремнул перед рассветом. Только солнышко взошло – и в поход!

- Погода хорошая! Внимательно следим за тропой, назад ворочаться далеко, так что глядим в оба.

- По такой деревне шагаем, что в случае чего, спросить не у кого. К полудню и кромка болота засинела вдалеке.

- Тут как то на душе стало полегче, а то всё казалось, что болоту этому конца не будет, а конец нам придет.

- Долго мы ещё брели, пока оказались в лесу на твердой земле. Тут уж не страшно, что заблудимся. Справа стена, слева стена, а между ними тропа. Отдохнули, перекусили поползли по этой трубе дальше. Сколько нам еще идти, неизвестно, и спросить в Горемычке не догадались, далеко ли Львовка от болота? Знаем, что шестьдесят верст а, сколько мы прошли? Ни одна сосна нам не скажет! Вот уже и солнышко скоро за вершины леса начнет цепляться, а деревни всё нет!

- Шаг пошире, как бы успеть засветло! Тут смотрим, у дороги пень стоит, второй! Ага, думаем, это что- то значит! Не поедет же мужик за лесом, за десять верст от деревни. Не прошло и полчаса, как перед нами вдруг оказалась как в сказке деревня. Это у нас в степной местности видно деревню за пять верст, а тут как будто из-за куста она сама вынырнула. В первой же избенке спрашиваю: «где такая-то живет?», а мне говорят: «у нас такой нету». У меня душа в пятки заскочила! Туда-ли мы пришли, куда надо? Спрашиваю, как ваша деревня называется, а она говорит, «Верхчужик». Тут я остолбенел совсем, ни токмо што, слова не могу сказать. Из письма я знал, что Львовка самая первая деревня от болота, а тут на тебе! Так и есть, думаю, не той дорогой пошли!

- А потом как- то у меня механически слово вылетело.

«А Львовка?» А баба эта говорит: «У-у-у, до Львивки, ще пгять вэрст!» Думаю, ну что бы сразу, не спросить?

- Из-за пяти «вэрст», чуть было душа не вылетела. Хоть и не далеко, а сил осталось ишшо меньше. Решили ночевать.

- Тут я разгадал эту загадку. Письмо то получал я из Львовки, три года тому назад, и где стоит сейчас этот Верхчужик - шумел один лес!

- Переночевали и дальше. Через час оказались в обетованной земле. Тут у меня такие чувства были, што и не рассказать. И радость, и горе всё вместе смешалось.

- Через шесть лет встретил семью! Вроде как бы надо радоваться, а посмотрю на них, какие они оборваны, да истошщенные – серсо разрываетса!

- На первый мой вопрос: «Где Егорка и Василко?»

- Жана ответила, да как то складно у ней вышло: «Егорка на прополке, а Василко – в могилке». Вот тут и радуйся сколь хош.

- А што за болесь, спрашиваю? А она, «тут болесь у всех одинаковая: сперва, ноги, руки пухнут, а как лисо опухнет - копай могилу, не ошибешься».

- Да неужели, здесь хлеб не родится, спрашиваю? Она мне на ответ: «Хоть зароди-роди, всё государству сдают, а самим ладно и так». Да чё, у них креста на шее нету, нишпешего грабят? Да какой же может быть крест у антихриста?- спрашивает она у меня. Вот так мы и поговорили с ей по душам. И странствия мои закончились. Больше меня никуда не гоняли, если не считать лесозаготовки, но тут недалеко, да итто на два месяца.

Дед, охо-хо-кнул, и вышел из избушки. Вернувшись, сказал: «До вечера ишпо долго, если хотите, идите домой. Кутусенко за нами поздно приедет, его послали на Венеру, а до деревни не так уж и далеко, можно и пешком».

Аудитория дедова категорически отвергла его предложение, и просили его продолжить рассказ.

- Ох, робята, робята - сказал дед- песня эта шибко долга. Я вот здесь двадцать лет живу, да если всё рассказывать, не токмо до вечера, а и ночи не хватит.

- А вы в сжатой форме - просили ученые.

- Да, хоть как, сжимай - всё равно останется – парировал рассказчик, и добавил - хоть суть то в не многословии, а суть в сути. - Вот, именно - сказал ученый в очках, и продолжил - Вы, такому принципу и следуйте. Берите из многого не многое, но так, чтобы в немногом было многое. Иначе, говоря, что бы словам было тесно, а мыслям просторно.

- Вы поняли меня?

- Понять- то, понял - сказал дед - да уж, как сумею.

- Теперь сказ пойдет не о том, что я пережил, а о том, что пережила моя семья в годы разлуки со мной.

- Што, сам пережил,- то из башки ни чем не выпибешь, а если кто-то рассказал, то можешь кое, что и забыть. А по их рассказу вот что было:

- Когда, я уехал из дома осенью тридцатого года то, семью в другой раз, повезли на ссылку в январе тридцать первого года. Теперь уже не на лошадях, а поездом в телячьих вагонах. Везли, везли в одну сторону, потом повезли в другую. Бабы промеж себя говорят, наверно нас до тех пор будут катать, пока все мы тут не околечеем.

- Потому они так думали, что дров или угля на отопление вагонов не дали, а печки в вагонах были. Но предположение ихнее не сбылось, потому, что с того дня как поезд пошел обратно, на следующий день их выгрузили в Томске. Поселили их, в какой-то, «Басандайке». Дома там двухэтажные, а которые стоят на столбах высоко, это, видно, для того чтоб ветер с подпола поддувал. Вот они в такой дом и попали на нижний этаж.

- Комендант им и говорит, если не хотите замерзнуть, идите в лес за дровами, а лес там рядом. Рубить лес нельзя, а только собирать сучки. А где ты их найдешь, под снегом? Ну, а если не найдешь,- замерзнешь! Человек так уж привыкший за жизнь держаться, тем более за своих детей, не токмо из-под снега, а из-под земли всё достанет, только бы не сдохнуть. Принесут сучьков, затопят печи, в верхних этажах тепло, а в нижних как было, так и есть. А тут морозы, как назло, такие жмут, аж сучья с сосен отлетают! Вот этими то дровами они и пользовались, а где и сами отломают, а на мороз вино свалят. Хлеба им давали на пятерых, (Домна, Анастасия, Василка, Георгий, Николай) одну булку на неделю. Да, каку-то баланду, на общей кухне варили. Уж, как только ни экономят, а все равно булку за два дня съедят. А пять дней, чем жить? Хош опыт и есть, как спасать детей и свою жись, а куда пойдешь? Здесь все такие же, как и она, а на выходе в город часовой с винтовкой стоит. Но не такой человек, что бы сразу сдаться.

- Пробились в одну деревню, потом в другую, и попробуй, умори их голодной смертью.

- Через несколько дней повезли их на лошадях, на станцию, для того, что бы погрузить в вагоны, и как предполагали отправить в Архангельск, на Соловецкие острова.

- До станции они не доехали. Встретил их, какой то в военной форме начальник и спрашивает у старшего обоза: «Кто такие?», а он ему отвечает, что в основном сибиряки. Тогда начальник скомандовал поворачивать обратно. Когда вернулись в свои двухэтажки, вот тут то и проявила супруга моя геройство, и заняла высоту!

- Бабы ругаются, не хотят её пускать наверх. А она им говорит. Не всё вам одним царствовать, мои дети тоже жить хотят, как и ваши. Комендант пришел и разрешил, находится всем вместе. Вот так они и царствовали, кто под нарами, а кто посреди полу, прямо в проходе, до тех пор, пока их не перевезли в какой то поселок, в трех верстах от города. Самое главное, нет никакой охраны.

- Спустился по лестнице, перешел реку и город рядом.

- Промышляй, сколько можешь! Один раз как- то удалось все таки уговорить её старшего сынишка пойти на этот промысел. Зайдем, говорит, а он за меня спрячется. Хозяйка подаст мне кусочек, а ему нет. Он, видно, сам понял, что не доводит своего дела до конца, и в другом доме становился с матерью рядом. Шибко он стыдливый был, а что поделаешь, если жить охота есть?

- С такой жизнью он решил покончить. Ушел в город один, и начал искать детский дом. Только к вечеру нашел. Из начальства там никого не было, одни ребятишки. Переночевал там, а утром пришел заведующий. Спросил его, откуда ты и как фамилия, а он там чёто соврал, а фамилию назвал свою, потому что шибко страшно ему показалось стать сразу другим человеком. Заведующий говорит, выйди пока, а потом, я тебя позову. Когда, вызвал снова, то говорит, что ты мол, спецпереселенец, у тебя есть мать, вот и иди в городок. А он только и спросил, что у меня рукавички сохли на печке, а сейчас их нету. Заведующий спросил у ребятишек, но они сказали. «Мы не брали». Вот так у него и вышло, «пошел за шерсть, а вернулся стриженным». Это его не остановило, и стал разрабатывать он новый план райской жизни. Через некоторое время, когда закончились большие морозы, их снова

погрузили в вагоны и повезли опять в домашнюю сторону. Доехали до станции Барабинск, потом перевезли в пересылку г. Каинск, который находится недалеко от станции.

- Здесь им сказали, что будут отправлять за болото, на лошадях.

- Вот тут то он и решил, повторить свой номер, но теперь уже согласно разработанного им плана. План у него был такой: Так как в Каинске нет детдома, то он перед отправкой этапа за болото, должен попасть в больницу, а отказать ему в этом не имеют права, так как он скажет кто он такой. Если спросят, он ответит: «Сняли с поезда как безбилетника, поэтому и оказался здесь. Здесь родителей нет, а фамилия Орлов». Матери не говорить куда пошел, что бы ни нашли. План составлен, надо действовать. Как, только, объявили собираться для отправки, он незамеченным улизнул из пересылки.

- Приходит в амбулаторию и сидит на лавочке.

- Амбулаторные работники ходят мимо его и никакого внимания. Потом одна все-таки спросила, а ты зачем пришел, мальчик? Он ответил, что болит нога. «Ну, заходи сюда, что же ты в коридоре сидишь. Посмотрела ногу, да и говорит: «Вот, что! Приходи завтра сюда с родителями, я с ними посоветуюсь, а тебе пока ничего не скажу, иди домой. У меня нет дома и родителей - ответил больной. И сказал ей то, что было запланировано. Врачиха сказала, что бы он надел валенок и вышел в коридор. Он вышел, сидел, сидел, а потом и врачиха вышла, закрыла кабинет и ушла домой. Потом уборщица попросила его освободить амбулаторию, так как время рабочее кончилось, и она помещение закрывает. Походил, он по городу, походил, голодный и ничего не мог придумать.

- Вернулся на пересылку, а его там мужик с запряженной лошастью поджидат. Поругал его немного, посадил в сани и поехал догонять обоз. Через двадцать километров в деревне Ургуль догнал обоз и вручил беглеца матери. Так и не осуществился его план!

- На шестой день привезли их во Львовку. Распределили по квартирам, сказали хозяевам, что на одну только ночь. Потом повезут дальше, но вышло по-другому. Извозчики договорились, и ночью удрали обратно. Ну а потом, видимо, начальство решило, что какая разница им, где подыхать, да так, и остались они в этой деревне. Такую массу народа высылали, а о том, что человек без пищи не может жить, видимо «забывали». То дадут паёк шесть килограмм овса, то совсем ничего не дадут, вот и поживи. А промышлять где? Здесь старожилов было дворов десять, а остальные все спецы, на год раньше привезенные. Короче говоря, у меня пропал антирес слушать рассказ супруги после того момента, когда она стала предлагать этому сынишке-беглецу, идти по миру, а он ответил: « Меня можешь больше не кормить, я лучше умру». Залез на крышу пригона и двое суток пролежал в ожидании смерти.

- Тут, я сказал: Хватит! И она замолчала. Баба она и есть баба. Хоть бы че нибудь умалчивала, а то как да - чё было, так и расписыват как по книжке.

- Как они жили, с тридцать первого по тридцать шестой год, так я и не узнал, и боле не спрашивал.

- Опося, уж люди сказывали, что она кожурки картофельные собирала по помойкам, и кормила детей, но одного не смогла спасти. Промышлять тут негде, все такие же спецы, только привезенные на год раньше, а из старожилов было тут дворов десять. Да и всем бы им был каюк, если бы не старший сын. Он списался с ними, и нет, нет, да и пошлет им деньжонок, вот тем и выжили! В лагере, я знал: выполнил норму - получай девятьсот граммов хлеба, перевыполнил - кило сто, а тут положение иное. Робить можешь день и ночь, а ись не проси. Это не присказка, а сущая, правда.

- Корчуют спецы лес, копают землю лопатами, папшут на быках, сеют хлеб, жнут его серпами, молотят цепом, веют на ветру, что отдуло, получай, а зернышко в казну.

- Спасенье было одно – картошка да колба! Выручала выдумка. Насушат, натокут опилок, вот тебе мука! Потом смешают её с колбой, да с картошкой, испекут – вот тебе и хлеб! Вот так и жили, и даже в школу робята ходили!

- Узнал я и то, что Егорку выгнали из школы за фулиганство. Это тот, который умереть хотел. Ну и упрекнул я его в этом, говорю, был бы грамотным, дак ходил бы с портфельчиком и денежки бы получал. А он мне на ответ: А если бы тебя заставили написать плакат. «Спасибо, товарищу Сталину - за наше счастливое детство!», ты бы написал? А я спрашиваю, какой дурак это заставлял тебя писать? А он мне, не дурак, а учительница. Я не отказался и написал, только по-своему. «Спасибо Сталину отцу, что мы живем на ссылке, летом мы едим колбу, а зимой опилки!». Плакат сам прибил под портретом Сталина, у которого в добавок ишшо, глаза выколол. Вот и поговори с таким.

- На другой же день заведующий школой издал приказ об исключении. Это еще хорошо, что не доложили в комендатуру, а то загнали бы «где Макар телят не пас!»

- А ещё чего вытворял он, как рассказывали мужики! Тогда во всех делах хозяином был комендант.

- Привезут что-либо для спецов, но без распоряжения коменданта никто, ничего не получит. Однажды привозят ботинки, кому их дадут, - распорядится комендант. Ну, мой афирис, не долго думая, пишет распоряжение. Сам себе от имени коменданта, и получает новенькие ботинки. Что это распоряжение подделка, у зав складом на это не было малейшего подозрения. Все его дружки, кто босиком, кто в лаптях, а он в новеньких ботинках! Такие проделки еще не раз у него были.

- Я пришел к ним летом, а зимой он удрал все-таки за болото со Львовским обозом, который повез мясопоставку в Каинск. В то время, без пропуска не выпускали за болото, так он там, что-то подделал! В Горемычке, все-таки, попался с поличным. На заездем дворе, встретился с комендантом, который и выписывал пропуска.

- Комендант говорит: А ты, друг любезный, как здесь оказался? Кто тебе разрешил уезжать? А он ему на ответ, разве Вы забыли? И подает ему пропуск. Тот посмотрел на гумажку, плечами жмет и говорит: Ну, когда я его тебе да-

вал – убей, не помню? А афирис мой видит, что Храмцов сумлеватса, да и говорит, дак не я же у Вас, его получал, а дядя Никифор - старший обоза! Это дело другое, так могло быть - сказал Храмцов и еще спросил, а по какому же ты делу едешь в Куйбышев?

- Мужики ездовые, а ты кто? Тут на вырубку пришел этот дядя Никифор, который сказал. Да лошаденку тут одну, большую, ведем на базар, вот и закрепили за ним, что бы дорогой за ней ухаживал. Так, так – сказал Храмцов - ну ладно, давайте чай пить!

- Это всё мне рассказали мужики, когда приехали обратно. Вот так и сбежал он со своей ссылке. Сперва он на родину заехал, получил пачпорт, а потом умахал аж в Казахстан на станцию Уштоба к своему старшему брату Павлу! Там опять подделал все, какие надо документы, и поступил в железнодорожную школу в городе Джамбуле.

- Кажись, это на другой год уж было, как он ушел.

- Пилили мы дрова с Никишкой Саньковым, а он и спросил: «Егор пишет письма?»- ну я сказал, что пишет, и у него спросил, а что правда, что он такой то плакат писал? Никишка упал на сучья, и заливатса, хохочет.

- Нахохотался, утер слёзы, да и говорит. Дядя Иван, если бы ты знал, что он писал. У него вся тетрадь была исписана стихами. Как начнет нам читать - мы со смеху надсажались. Говорит, я его стихи все на память знаю, и начал мне читать.

- Я до этого и не знал, какая у него башка. Написано всё так складно, но самое главное - ведь всё, правда. Один стишок, я попросил прочить его второй раз. Он прочитал, да и говорит, дядя Иван, давай я тебя научу, хоть один стишок. Учи, говорю.

- Вот мы три дня и талдычили. Я и сейчас его помню.

- Не только от Никишки, а от многих я слышал про этого Исакова. Это участковый комендант был, придурковатый, да к тому же и заикатый. Для того, что бы отличиться как-то от поселковых комендантов, носил два нагана. Два нагана ему носить, не полагалось, так он один сделал из дерева. Кто его там видит в кабуре, какой он там? Мишка Останин,

это парнишко хозяйки, у которой он на квартире стоял, обнаружил этот секрет и рассказал своим друзьям. Исаков хоть и не мог, но любил поговорить. Однажды приехал он во Львовку, приказал собрать народ в школу. На этот раз он надумал рассказать спецпереселенцам, что такое клопы и блохи и, что с ними делать. Мыкал, мыкал чёто там, и домыкался, до того, что у него получилось так, что не клопов и тараканов надо уничтожать, а граждан, которые перед ним сидели. Вот про это Егорка и написал стих:

«Заикатый, злой Исаак,
 Читал лекцию, да как?
 Про тараканов и клопов
 Не мог связать он и двух слов.
 Всё перепутал, все смешал,
 Но голос свой все повышал.
 Блохи и клопы! -
 Это граждане таки,
 А таракан? Паразит он тоже?
 Всех вас надо уничтожить!
 Вот голова! Что у барана,
 Но зато ведь два нагана!
 Один, правда, деревяшка!
 Но сойдет для Исакашки.
 Ими он спецов пугал,
 Случилось так, не тот достал.
 Оробел, куда деваться?
 И с тех пор, стал больше заикаться.»

- Вот какие болваны управляли нашим братом! И после Исакашки не лучше были. Белоусов, Вяткин, Зазваткин, Мильшин – все были дураки! Белоусову, чем-то жана не угодила, он выхватывает наган, бах, и готова баба!

- В каком году уж... нипомлю, толи в сорок восьмым, совпало первое мая в субботу, а второе мая, паска. Бабы топят бани, а Мильшин бегат по дворам, и заливаает каменки водой. Вот, празднуйте первое мая, а не паску. Черепушка не варит, а властвовать надо!

- Доносился он со своим наганом, что мужики устроили ему фокус. Приехал он в Таволгу, а там его хорошенько подпоили самогонкой. Поехал в Пудино, а по дороге встретили его мужички. Один за руки, другой за наган, а потом пулю в лоб, а наган ему в руку, возжки намотнули, и поезжай! Но об этом стало известно, только через несколько лет, а до этого все говорили, что Мильшин застрелился.

- Ишшо антиресный случай был. Хоть и в не нашем поселке это было, а знали об этом все по всему району. По Чижапке, в поселке Вольжа, жили всего два мужика Чичиков и Фофанов. Хлеб они сроду не сеяли, а занимались охотой. И вот, когда выбереться Чичиков из Вольжи в Пудино за продуктами, да пушнину сдавать, а у него и спрашивают.

- Ну, как вы там двое живете в тайге? – а он, отвечает: «Неровно ясфи ево живем. Клеп есть, соль нет, соль есть, клеп нет!»

- Так вот! Какой то, дурак и заставил их хлеб сеять!

- Дали им план, дали семян, гороху и ячменя.

- Лошаденка у них была. Остяк, он остяк и есть, ему лишь бы собака была накормлена, а лошаденку заморили, она у них и сдохла. Лошади нет, на кем пахать? Семена съели, и занимаются своим делом. А начальство уже подсчитало, сколько Вольжа должна хлеба сдать. Зимой приезжают к ним за хлебом, а у них не токмо хлеба, а и соли нет.

- Мужик этот, который ездил к ним за хлебом рассказывал. Захожу к Василию Фадеевичу, говорю, здравствуйте, ну как поживаете? Он отвечает.

-Ровно теперь, паря, стал шить – клеп нет, соль нет!

- Коня нет, на кем поедешь за хлебом? Боялись они показываться на глаза начальству. Но наказанья не миновать! Привозят их в Пудино на суд. Судья задает вопрос Чичикову, почему вы не посеяли хлеб согласно доведенного вам плана, и куда вы девали государственные семена, гороха два центнера, ячменя три с половиной центнера? Василий Фадеевич отвечает. «Карох сеять-прухо пушит, яшмен сеять – пурка пропал». Посмеялись, посмеялись, а все же по два года им дали.

Дедова аудитория тоже смеялась, а затем один слушатель сказал:

- Иван Мартемьянович, Вы опять уклонились от драматизма к юмору, а нам бы хотелось узнать последовательно шаг за шагом о вашей жизни, после того как вы соединились с семьей?

- Да жись, она и есть жись - сказал дед - юнмор с несчастьем как ведро с ненастьем!

- Всяко бывает! Как сказала жана, так оно и было. Хоть в оглоблю роди, всё государству! А тут ешшо злые люди нашлись! В этот год поорешничал я в Фадихином острову, восемнадцать мешков ореха набил. Ссыпал в сайво, ну думаю, теперь заживу!

- Зимой приехал за орехом, а сайво пустое! Тут как хош сшитай, хош юнмором, а хош дранмантисьмой.

- Думал, думал-жить нельзя, а раздумал – можно! Решил третий раз наживать хозяйство. Ну а, если в третий раз разорят, тогда уж лутьше живым в могилу лечь.

- Подглядел место для поселения, и давай лес рубить на избу, да на санках таскать на усадьбу, но силенка то уже не та! Семи аршину осину тапшишь, а глаза на лоб вылазят! Раньше, бывало, девяти пудовые мешки таскал, и хоть бы что. Натаскал лесу по мелкому снегу, давай избу рубить. Избу срубил, а банно тоже надо! Тут уж лес полегче пошел. За лето поставил и то и другое, а тут еще из артели телочку дали.

- Выросла, стала коровой! Все эти дела делались в неурочное время, основная то работа была в артели, так раньше назывались колхозы.

- Одним словом, через три года я опять стал хозяином, и корову завел и двор построил, и кабанчиков стал выращивать. Картошка хорошая родилась. Но антихристам-людоедам видимо не пондравилось это, что люди картошку едят до сыта, да ишшо и мясо. Да ж они чё устроили? Приказали строить крахмальный завод. А когда завод пустили в ход, и давай оне бегать по огородам.

- Ишшо не успеешь посадить, а оне уже подсчитали, сколько соток, и сколько сентеров, ты должен сдать картошки. Вот и покорми поросеночка! Если и оставишь, то только до Рождества прокормишь, и приходится забивать! Но и тут, я их всех все- таки, переплюнул.

- Как-то шарился по лесу, кажись, смородину брал, и наткнулся на поляночку. Мне как будто кто сказал, вот где надо картошку то садить!

- Я так и сделал! Пять соток раскопал, да с полоски этой, сто двадцать ведер в первый год картошки собрал.

- Какая бы ни была широкая глотка у дьявола, а все равно он не мог её насытить человеческими телами.

- Казалось бы, все сделает для того што бы человек сдох, а он уцепиться за землю, робит день и ночь, а все равно живет. Но не тот он дьявол, штобы человек его перехитрил и выжил.

- Ни с того ни с сего! Давай, он людей хватать! Да в тюрьмы садить! За что пошто, ни хто не знает? Только из нашего поселка пятнадцать мужиков забрали!

- А в Намеченной, там украинсы, да молдоване жили, дак их всех подряд без разбору забрали! Вот уж двадцать лет прошло, а ни один человек не вернулся! Если бы живы, остались, разве не пришли бы оне к своим семьям?

- Лонись, у меня Колмагоров ночевал, дак сказывал, какое то секретное письмо им читали. Там сказано, што по линии ЕНКВД третья часть погибла народа от того количества, которое погибло на войне. Я спросил его, за что оне все-таки погибли, а он говорит – «по ошибке».

- Ничего себе, говорю «ошибочка». Вот тому, хто допустил эту «ошибку», стукнуть бы промежду рог по башке, так штобы она раскололась пополам, а потом сказать ево детям, извините, это маленькая «ошибка» получилась!. Антиресно знать, што бы оне на это ответили? Все это творилось до войны, в мирное время.

- Война началась тут им и карты в руки. Обдирали людей до чиста. Што в колхозе робишь год даром, это ни в счет. Ну и хватит, бы этого. Хлеб растим, а не едим!

- Што, ишшо, надо? Человек для того и доржит хозяйство, штобы кормиться, а оне делают так, што и от этого ничего не остаётся. Молоко сдай, картошку сдай, мясо сдай, налог заплати, а тут ишшо какой то заём придумали. Толи нас богачами спитали? Дак у богачей, бедны просят... А эти просят так, если не дашь, ребра пересчитают, а все

равно возьмут и не столько, сколько ты дашь, а сколько им надо! Но меня не били! Чужали, видимо, варнаки, што у меня было такое решенье! Если только тронут – одного, двух пришибить, а третий може и меня пристрелит! А зачем така жись? Сспитай разорили в третий раз! Только што избу, да баню не отобрала! Вот скажи вам, дак ни поверите, а это же истинная, правда! Вот, например, овечку доржишь, дак ты должен сдать: мясо, шерсть и полторы овчины. Ну ладно, мясо и шерсть я сдам, а где я возьму полторы овчины, если у меня одна овечка? А уполномоченных по налогам разве-лось, больше чем собак нерезаных, Окромья приезжих, и в поселке двое работали, - Нетесов с бабой.

- Он собирает вешши по домам для фронта, а она нало-ги. Один раз заходит он к Нюре Колченковой, а у ей ничего нет, окромья двух ребятишек, дак он, штоты с окошек сорвал и унес. Потом Нюра как-то случайно зашла к ним, а штоты её висят у них на окнах. А Нитесиха, дак та ишшо лутьче устроила! Две тыщи взяла с Филиппа Никонова налогу, и дала ему, какую-то гумажку из газеты вырезанную. Филипп неграмотный и прибрал эту гумажку подальше, штотб не потерялась, и ходит козырем. Налог заплачен! Душа спокойна! Через немного время получает повестку из нарсуда, явится к такому то числу в суд как обвиняемому за неуплату налога. Он гумажку в карман и в Пудину. Вот и суд. Судья и спрашиват. Может у тебя, какие справки есь, в твою зашшиту? Он и подает ему эти гумажки. Судья посмотрел, посмотрел на них и подает ему обратно, да и говорит, что когда пойдете в тувалет, они вам пригодятся. Нам нужны форменные квитанции! Два года дали мужику! Поизгалялись над людьми, сколько только хотели.

- Вот эта избушка, где мы сидим, называется Марусин стан, дак вот отсюда бабы на коромыслах молоко в деревню носили на молоканку.

Это одно, а второе – попробуй подой корову среди дня на паутах. Зачем это было делать? Если корову не накормишь как следоват, дак ты её хоть десять раз в сутки дои, все равно она больше не даст молока.

- Попробуй, только скажи слово, сразу заметут и следов не оставят.

- Пахали на коровах, и не на колхозных, а на членских. Миколай Долгополов, да Мишка Миронов, взяли раз, да и распрягли своих коров. Одним словом, не дали на них пахать.

- Да, Миколаю полтора, а Мишке пять лет заключения дали! Вот и поговори с ними?

- У них один был лозунг: «Все для фронта!» Ну, пусть будет так! Но не таким же способом добывать хлеб! Чё на корове напашешь? А коней забрали! Опосля рассказывали мужики, что пока до Томска догнали, половина их подохла! Да так оно и должно быть, конь не машина! Робишь ты на нем или нет, а корм дай ему каждый день, а где его было взять при такой суматохе, да с такими хозяевами, да ишшо с нашими дорогами, из трешшобы в болото, из болота в ложок, из ложка в речку!

- В обшшем сказать, то колхоз разорили и фронту пользы не дали! На конях пахали, все же по мешку отходов за год получали на трудодни, а как на коровах начали пахать, тут уж, извините! - Тут ешшо, кто- то догадался, крахмальный завод поджег. Но, от этого легче не стало, а ишшо, хуже. Заставили картошку сушить и сдавать! Но засекреченная полоска хорошо меня выручала! А нельзя ли ишшо чёнибудь придумать? И придумал! Занялся рыбалкой.

- И удивительное дело, сколько добыл - всё твоё! Ажно не веритья! Канители хватало.

- Люди ишшо спят, а я уж с рыбой приплыл. Ловилась, правда, временами, но нам хватало на круглый год, да ишшо и людям давал! Осенями приспособились с самым младшим сыном птицу ловить ловушками. Один раз антиресный случай был! Пошли мы с ним поздней осенью сухостою покострить на дрова, а ловушка немного не по пути стояла.

- Я спрашиваю, чё, зайдем? Он говорит, давай зайдем.

- Подходим..., батюшки мои, их там как есть до половины ловушки! Мы подходим ближе, а птица тоже не хочет умирать, да как начала биться, да так что ловушка упала! Колька упал на них, четырех косачей придавил, а остальные только сшибарчали! Сколько их там было, никто не считал,

но, во всяком случае, полсотни не меньше! Даже заплакал сынишко, что такое счастье улетело. Сибпушнина то, принимала их по три рубля за штуку. С тех пор, стали глубже ловушку, втыкать в землю.

- Да и на широких местах в войну, не лутьше нашего, было. Тут, один единоличник Чубыкин Савостей жил, дак он за болотом, в одной деревне бабу за семь пудов ржи купил. Тут ученые мужи зашевелились, посмеиваются, а один с бородкой спросил: Как это случилось? - Я сперва, и сам не верил, несмотря, что вся деревня об этом говорила. Савостей похаживал ко мне, табак в деревянной ступе толкчи. Ну, я и спросил у ево об этом деле.

- Спрашиваю, ну чё, с законным браком поздравить тебя? Он и говорит мне, что вот именно что с браком, мол. Да, маху дал я, паря. Купил и обратно увез. По его рассказу дело было так. Когда ехал он, домой из Каинска, то остановился на ночевку у одного хозяина в деревне Питюканово. У этих хозяев, не было даже, чем поужинать. Он и спросил их, как же они думают жить дальше, а хозяин говорит, а мы и не собираемся жить, будем умирать! Зачем вам умирать? - говорит Чубыкин.

- Ты, отдай мне бабу, а я тебе семь пудов ржи привезу, и оба останетесь живы. Они согласились, когда привез домой, разглядел хорошенько, а у бабы одна нога оказалась короче. Он, долго не раздумывая, увез мужику и рожь, и бабу. Вот тут сразу всё вышло и юнмор и трангизма. А трагизма та настушила, скоро такая, что было не до юнмора.

Глава 5. Времечко нашей доли.

- Началась война опять! Год прошел, второй пошел, не берут кулацких сынков на фронт! Потом, видимо, завидно стало. Советских людей убивают, а классовые враги не все ишшо сдохли. В августе сорок второго - пошли кулацкие сыны в бой за Родину, и за Сталина. Вот и получилось, што трое детей моих погубло от голода как враги советской власти, а двое за советскую власть.

- Это я не знаю, как и назвать. Которые на войне погибли, не были в ссылке. Это, старший – Павел, и средний Михаил.

- Ишшо двое воевали, но вернулись живы.

- Максим четыре года воевал и живой остался, дак его на десять лет в лагерь уекли, там он и умом помешался. Федотко, тот в плен, было, попал, но потом как-то вывернулся, не угодил в тюрьму.

- Вот какое времечко на нашу долю выпало.

- Идут, да идут похоронки, кладут, да кладут свои головы сыночки, за счастливую долю свою. Ждут люди, не дождутся, когда кончится эта бойня, а что там творится ни кто толком не знат. В те годы, связи с широким местом не было. У кого было радиво, отобрали, а телефона не было. Почту привезут в месяц раз и всё. Кому што придет в голову, тот то и говорит. Тут, откуда ни возьмись, живой человек пришел, да прямо с фронта! Это был Ельшин Иван отпущшен после ранения. Как есть, вся деревня сбежалась к нему! Завалили его вопросами, да расспросами. А Мекин дед, спрашивает:

- Ну, а Сталина бачив? А как жа,- отвечал Иван - по ручке здаровкалси. Выстроили нас на Красной площади в Маскве, а Сталин подошел ко мне и говорит: «Ну, как дела, товариш Ельшин? - а я говорю, - Хорошо, товариш Сталин! Он мне руку подал и говорит: « Маладец! Бей фашистов!

- А у Калинина на фатере был? Ну и шо тамочки, як воны живут? – спросил Мека.

- А-а,- махнул рукой Иван,- што там, анны живут! В избе халадушша, дров нету!

- Старушенка его, залезла на печку, согнулась в три погибели и лежит. Што на холодной печи согреешси?

- Ну, а с сеном, як у, его?- спросил опять Мекка.

- Да, зачем ему сено? У его не токмо, што коровы, а и дажа парасенка нету - сказал Иван.

- Е-е-е!– протянул Мекка и погрозил пальцем - им тожа, там не дюже, сладко достается!

- А как-жа, - развел руки Иван – война и есть война!

- Вот до чего народ дикой, темной, да забитой был.

- Ведь всё Ванькино враньё принимали за сушшую правду. Даже были такие, которые не верили, што есть железная дорога, и што поезда по ней ходят. Как это говорят, деревня может ходить на колесах взад, вперед?

- Тут, такая Анна Чубычиха жила, дак ей крайню надо было увидеть уборшису клубную, а заходить в дьявольское помещшение боится - грешно. Отворила двери, кричит её, а та на козлах стоит, потолок белит и не хочет слезать, кричит, заходи, кто там?

- Ну и пришлось Чубычихе зайти. Когда зашла, огляделася, да и спрашивает, а пошто это дыра то в стене?

- Уборшиса и объясняет ей, што из этой дыры кино кажут, Вон она чё! - говорит Чубычиха, а я то думала, што на этой полотине чертей рисуют, да двух мужиков садят по бокам. Мужики то за полотно дергают, а черти то скачут, а люди то смотрют и хохочут.

- Вот така публика была! Вообще то, из старожилов, в основном были тут кержаки. Забрались подальше в тайгу от нечистой силы, но все равно она и тут их настигла.

- Самый первый сюда заехал по Чузику - Лев Иванович Вяткин со своими сыновьями. Вот поэтому и название этой деревне – Львовка. До колхозов-то не обижались они на жизнь. Зверь и птица вся ихня была, да и рожь родилась по пятьдесят пудов с загона. В урожайны годы, на орехе хорошо зарабатывали. Их тут трясти начали только в тридцать четвертом году.

- Льва Ивановича, как только разорили, он сразу и помер. Микулкина Миколая раскулачили за то, што у ево дом был не пятистенник, а крестовый. Из скотины была одна корова. Так он бедняжка и не дождался, когда приведут ему корову обратно. Лежит на печи, бурчит и бурчит -«ввяли, так привядут, ввяли так привядут.»

- Ево спрашивают, што ты там бурчишь? - он отвечает, - я, гаварю, ввяли карову, так привядут. Емериканец вазьмет Рассею и привядут, куда анны денутся. Так и не дождался. Нынче весной помер, а речка, возле которой была его паш-

ня, так и стала называться «Микулкина речка». Буркина речка по Буркину. А Коргу это ишшо давно назвали остяки. Карга- это значит по ихнему медведь. По ту сторону Корги есть полоса, которую называют Еврейкиной полосой. Назвали её потому так, что еврейка на том месте повесилась на березе. Жила она в поселке Венера, и всё ходила во Львовку менять на картошку да на хлеб кольца да серьги золотые, а как нечего стало менять, она не захотела умирать долгой голодной смертью. Вот какой был человек не приспособленный к труду, к земле, што не нашел выхода кроме петли!

- А вот, дед Окунев Устин, дак тот четыре года в лесу жил один, и живой остался. Кормился ружьем, да ножом. - Да ишшо и сестре с ребятами потаскивал мяса.

- Сколь ни искали, а найти не могли. Война кончилась, и указ вышел об освобождении тех, которы уклонялись от фронта. И получилось, што он живой, и здоровый остался. - Сам никого не убивал, кроме зверя, да птицы.

- Вот и война кончилась, кто радовался, кто плакал, у каждого было своё и горе и счастье.

- Только нашему брату и после войны никакой пошпашды не было. Как драли по три шкуры, так и дерут.

- Вырастишь, какую скотину, продашь государству, и деньги ему же отдашь в займы на сорок лет. Только в том было облегчение, што картошку не сдавали, и рыбачь, сколько хочешь. Венерские, дак те умно жили. Скроют полосу, две хлеба, от комендатуры, а потом этот хлебешек разделят промеж себя. Так и с лосями делали!

- Добудут и разделят всем. А наше дурачье по- другому делали! Один идет на охоту, а другой к коменданту заявлять. Попался с мясом - пять тысяч штрафа. Вот так и жили, девятый хрен без соли доедали.

- В сорок седьмом году всех лишенцев восстановили в правах голоса. Можешь ехать куда хошь! Разбегайся кто куда! Ни какие мы теперь, ни кулаки ни дураки.

- Венерские разбежались все! Это поселок был за Буркиной речкой. Один Железняк с сыном остался. Они все с побережья Черного моря. Нам сибирякам куда ехать?

- Да и чё нам делать, на Родине, на солонцах. Тут земля, как земля, своим потом политая. Лес хоть за огородом руби. Денег ни гроша, да и четвертый раз наживать хозяйство было уже поздно. Вот так и остались здесь!

- Вот Петька Мандрыкин погреб тогда денег, ужась!

- Объявили слаботу летом, а дорога то через болото, будет только в январе. Ждать, терпенья нет! И без проводника идти боятся. В этом болоте погубло людей не весть конца. Уйдет человек и с концом!

- Потом, бывало, косточки найдут.

- Петько то, раньше водил спецов - беглецов, у него какой-то компас был, дак он по тропе не ходил, а прямо.

- Иван Квачев ходил с ним так рассказывал: Идешь, идешь, конца краю нет этим карагайникам, думаешь, наверно, заблудились. Вдруг перед тобой ворота. Што, откуда взялось? Оказывается это Горемычинская поскотина. Во, какие люди есть!

- Ну, а с Венерских он брал по двести рублей, и меньше десяти человек не водил.

- Это, что бы каждая ходка была две тысячи рублей.

- Ну, вот остались мы здесь, сидим, держимся своего нажитого, в который раз хозяйства.

- Оно бы и здесь можно жить, если бы этими займами, да налогами не душили. Ну, а куда от них денешься, разве, што на тот свет! Да и свои ишшо начальники не давали жить! Придет сенокосная пора, а косить для своей коровы не разрешают. Разрешат, когда уж трава на корню почернеет, а што от её толку? А масло сдай!

- Один раз я, все-таки не утерпел, и пошел косить сразу после Петрова дня. Дак мне за это тыщю рублей на счет поставили, как будто я семенной клевер выкосил, и сено отобрали. Но я и тут не сдался дьяволу. На другой год пошел косить по берегам речки. Смотрю, молчат! С тех пор так и стали берега моими покосами. Шепелиха, соседка, всё удивлялась, што корова наша хорошо доится и летом и зимой, а у ихней коровы ничё молока нет!

- Я ей говорю, если бы вы начинали косить с Петрова дня, а не с Успенья, то и ваша доилась бы так, же как моя.

- Как -то зимой вызывают меня в контору, председатель колхоза Полугородний и спрашивают. На лесозаготовку поедешь? А, я его спрашиваю, а совесть у тебя есть? А он мне, што это за вопрос? А такой, говорю вопрос такой, мне шестьдесят восемь лет, и шел я сюда и думал, може ты спросишь, не нужно ли мне какой нибудь помощи, скажешь, хватит тебе робить, отдыхай.

Мы тебе и так мешок охвостьев дадим, а ты меня обрадовал - «на лесозаготовку поедешь?» Дошли видно слова мои до нутра его. С тех пор заставили меня веревки вить, и в этой должности я и до сегодняшнего дня. Бывает, когда в страду на день два, как вот с вами, куда попросят, дак не отказываюсь! Ну вот! Всяко было! «Красна изба не углами, а пирогами!» Так и человек, не лисом, а умом!

- Что только не устраивали подлесы. Колхозный жеребец у нас был Чалко. Дак вот, наденут, ему красны носки на передни ноги, дугу лентами обовьют, да ишшо флак красный прибьют, и пустят его впереди обоза с хлебом, который государству повезли.

- Вот сколько ликованья! Хлеб государству, а сами голодны! Нюрка Усенкова сидит на возу и запекает песню. «Советская влась на куриных ножках, всю пшенису за гранису, сами на картошках». – Митька Морозов подхватывает- «Когда Ленин умирал, Сталину наказывал, што бы хлеба не давал, а мяса не показывал.» Поют, а сами поглядывают, штобы Осовляк не услышал. Это председатель колхоза был. Так вот и жили-поживали, да песенки попевали!

- Кажись, в пятьдесят третьем годе это было. Через дорогу от меня жил Агарин Сергей.

- Послали его за болото в Каинск за чем-то. Я ему наказал, штобы купил мне чигун и два литра динатурату.

- Хоть когда кости попоркать, изможенные.

- Недели через две, он приехал. Ну, я и пошел к нему за покупкой. Спросил у его, выполнил ли он мой наказ? Он

сказал, што выполнил, да ишло спросил, а новось ты никакую не слыхивал? А што мы услышим, когда живем в лесу, молимся колесу.

- Нет, говорю, не слыхивал, можа ты знашь, дак скажи.

- А он и говорит: «Сталин, то сдох!» - А я: «Да ты, чё?» - а он, - «Вот тебе и чё, вот как снимут с тебя все налоги-тогда, узнашь-чё!»

- Я, про себя, думаю, сказал бы ты, што на той неделе будет преставление «Белова света», може и поверил бы, но штобы налоги отменили? В это невозможно поверить!

- Спрашиваю, а откуда ты всё это взял? А он мне на ответ, - «Да весь мир об этом говорит, это мы только за этим болотом ничё не знаем.» Ну раз так дело - говорю - тогда я этот динатурат домой не понесу. Давай, ево выпьем, в честь не виданного, и не слышанного такого праздника. Мысленно ли дело налог не платить. Нет! Не вериться! Верь, не верь, а проснулся я в своей избе. А как я в ней оказался, вот хошь убей, не помню. Старуха спрашивает, где чигун, а у меня башка как чигун. Пошел к соседу узнавать про свою покупу, куда она девалась?

- Захожу в избу, поздоровался. А Серега заливается хохочет! Я говорю, вроде бы и смешного ничё тут нет? Ну, как нет? Помнишь, как песни ты пел? Да каки таки песни, я их и в доброе время с роду не пел, а теперь с чего ради бы, запел. Не знаю, - говорит - што в добро ли в худо ли время пел, ты или нет, а што вчера пел уж это точно, а не веришь, спроси у Дуни. Дуня тоже хохочет и говорит:

- Пел, пел, да ишло любовные: «Охо-хо, моя махоня как я высох о тебе, на лисе переменился будто год сидел в тюрьме».

- Вот кака драмантизма в жизни бывает.

- Жизнь, она брат, мудреная штука. Вот и свестник мой, двадцать три года яму мне копал, а сам вперед меня, в её попал. Да, видно, не принимает, его земля-матушка, в манзалеи положили сохнуть, Вот и разберися здесь!

- Ну, а как Серега сказал, так оно и вышло. На другой год все налоги отменили, а с колхозов все задолженности

за прошедшие годы списали. Стало уж не хлебопоставка, а закуп. За хлеб стали деньги платить. Да в этом же году и тракторы появились. В общем дело дошло до того, што хлеб стали до сыта ись. Вот и пришли мне на ум слова Каргальцева. Про себя всё думаю, хоть бы ишло один вражина – Берия сдох, тогда может быть, и заем отменили бы! Но он, ишло три года, пожирал ни чем не повинных людей. Только тогда, когда самых заглавных правителей начали брать за глотку, тогда узнали кто он такой. Восемь человек тогда их расстреляли, как сообщалось по радиу.

- Да вы и сами это знаете, недавно это было. Вот и сбылась моя мещта! Берия не стало, и займа не стало, живи да радуйся, да только жизнь уже прошла!

- Лонись, я сидючи, три сентера хлеба заробил, да ишло на трудодень по двадцать семь копеек дали.

- Бычка на семьсот рублей сдал, а кабана себе забил, а чё не жить? За тот год расщитались за всё, а в пятьдесят четвертом платили одну штраховку и самооблажение, которое с меня сняли как с престарелого. Недоимки списали. Кабы снова родиться! Это ишло руководители таки пошли, то пьянися, то дурак, лишь ба партийный. В прошлом годе триста гектар хлеба под снег ушло. Всё ждали хорошу погоду, вот и дождались. Я говорил им, раз тонет комбайн в земле, пушшайте конные жатки, а потом комбайном измолотите. Дак не послушали! Говорят, подмерзнет, тогда уберем, а оно вместо мороза, да снег повалил. На всё надо ум. «Работа без ума, што бочька без дна!» Есть ишло люди таки, которые в начальники любят ходить. Вот этот ездовой, который нас сюда привез, дак ево брат Иван Кутусенко. Он, как - то писал записку с пихтового завода матери своей. «Мама вышли хлеба и картошки, и подписался - старший конюх Кутусенко!»

- Вот в какой чин сам себя возвел. Как он мог быть там старшим, когда на заводе всего четыре лошади и всего один конюх?

Аудитория дедова, досыта насмеявшись над эпизодом его повествования, не просила более его о продолжении, да и время уже было позднее. Все с нетерпением поглядывали в домашнюю сторону, не едут ли за ними.

Но, один обратившись к нему, сказал:

- Иван Мартемьянович, вот мы прослушали вашу автобиографическую повесть, связанную со всевозможными репрессиями, культом личности, или образно выражаясь, вы пережили, от и до, Сталинскую эпоху. Хотелось бы узнать какое Ваше отношение к Советской власти в настоящее время?

- Какое может быть, у человека отношение, к тому чего не существует? - ответил дед.

- Я Вас не понимаю?

- Ну, если это не понимаешь, тогда и говорить нам не о чём.

- Это с Вашей стороны уже совсем не тактично.

- Ну, ежели быть тактишным, тогда скажи мне!

- Што тако Советска власть?

- Ну, если в двух словах, то это власть народа!

- А я хочу, что бы ты сказал в трех словах!

- Пожалуйста! Можно и в трех! Советская власть, это власть рабочих и крестьян в лице депутатов трудящихся.

- Так! Значит, Советская власть из депутатов трудящихся? Совершенно, верно!

- Тогда, к чему эта власть стремиться и чью сторону держит?

- Советская власть стремиться создать изобилие всевозможных товаров, и на базе этого перейти к бесклассовому коммунистическому обществу! Так как она власть трудящихся, то всегда и поддерживает интересы трудящихся. Иначе и не может быть!

- Понятно. Теперь, скажи мне, пожалуйста, где была эта власть трудящихся, когда один изверг губил мильёны этих же трудящихся, детей, стариков? Одним словом всех подряд, потому, што изобилие тако создал, от которого люди умирали с голоду как мухи после Покрова!

- Видите ли, всё это было в прошлом, и какой это был тяжкий период, Вы нарисовали нам эту картину. И как, говоритья «Что было, то было», я же и задал Вам вопрос. Как Вы реагируете на события сегодняшнего дня, на современную, так сказать, ситуацию?

- Да, она синтуасия, какая при Сталине была, такая и сейчас! Как тогда, эти депутаты вместо пешек были, и теперь такую же службу несут! Ты слышал, когда ни будь, што-бы, хоть один депутат, будь то сельского Совета, али Верховного Совета с кем ни будь, не согласился? Али, высказал своё мнение? Ево дело, сидеть, ушами хлопать, да руки кверху поднимать.

- А если и заставят его говорить, то только то, што написано на гумажке, которую ему дали. Раз он повторяет чужие слова, то самое высшее ему звание – «попка». А ты, говоришь – «депутат трудящихся»! Это я говорю, если, по вашему сказать, в обшших чертах, а ежели канкретно, то могу и пример привести!

Задели, видно, деда вопросы ученого, да инерция разговора еще не прошла, хотелось, ему выговориться до конца, и он взволнованно продолжил дальше.

- Ну, дак вот! Поехал наш председатель со своими дружками в Пудину за солью на трех подводах. Полторы тыщи рублей с собой взял колхозных денег. Привязал там жеребца к столбу, и стоял он там до тех пор, пока все деньги председатель не пропил. На четвертый день заявили во Львовку на порожних саях и без копейки денег.

- А Шерстобитовский председатель, дак тот ишшо лутьше устроил. Уехал в Осипово на жеребце, а обратно приехал с трактором, а куда коня девал неизвестно.

- Двадцать депутатов про это знали, между собой шушукались, а на собрании об этом даже не заикнулись сказать! Я к чему это всё говорю? А вот к чему! Ежели колхозник свою собственную корову выпряг из ярма и не дал на ней пахать, ему за это пять лет лишения свободы, а ежели председатель, да ишшо куманист угробил жеребца колхозного, который стоил восемнадцать тысяч – ему никакого наказания! Вот если бы была у нас эта самая Советская власть, разве бы она допустила до этого?

- Ведь Советская власть, в чем заключается?- продолжил дед поучительно.

- Вот нас тут сидит девять человек. Самый главный енарал здесь я. Моросил дож, а сейчас перестал. Вот мы советуемся, чё делать? Толи робить, толи басни рассказывать? Вот это будет советская влась, потому, што мы все вместе посоветовались. Могло быть и иначе.

Так как я главный, я мог бы и приказать робить, несмотря на дож. Сгребли бы мы сено сырое, а оно опосля бы всё сгнило! Вот такая влась называется самадурной.

- Я к чему это говорю, да к тому, что у нас на каждом шагу так и творитса!

- Вот тут рядом «Большереченский» колхоз был, дак там самодурошный председатель заставил четырнадцать гектаров гороха в грязь сеять, штобы наперед всех сводку подать. Ну и посеяли, грязь засохла, и на четырнадцати гектарах можа четырнадцать горошин взошло. А ну-ка, спаси эту полоску на быках, да по грязи! Теперь с кукурузой этой. Посеют - она замезнет, на другой год посеют опять она замезнет. Дак это умный человек, заставляет такое делать? Али вот взять ваше дело?

- Прислали вас сюда на двадцать пять дён. Ведь эти дни можно и в избушке просидеть. За один день можно двадцать копен сена поставить. Ежели обдумать всё хорошенько, то от этих посыльных кругом убыток! Вы не робите в своем учреждении, а половина зарплаты вам идет! Это раз! За дорогу, в два конса, надо за вас заплатить. Это два! Колхозные продукты даром унистожаите. Это три! А чё сделали?

- Это ладно, што дож пошел, а если бы не пошел, то всю вот эту полосу погубили бы!

- Копна делатса для чего? Да для того, штоба сено спасти от дожджа. А вы начали делать ловушки для дожджа.

- Когда в рядах сено намочит - это не беда! Оно, опять высохнет! А вот, когда его в кучах в таких какие вы делали, намочит! Пиши, пропало! Это сейчас я вам лексии читаю, а на работе когда читать? Но вас я не виню ни в чем! Раз это дело у рук ваших не бывало то, и вины тут нет! Виноват тот, кто вас послал на срок, а не на урок.

- Если бы дали вам урок, ну скажем, тыщу сентеров сметать. Сделал - поезжай домой!

- Тогда вы не считали бы дни, а считали бы, сколько иппо сентеров надо поставить.

- А то, што, день, ночь, сутки прочь! Зарплата идет, сметану, масло выписывают, а што надо? А по добру то бы вот што надо! Раз у государства есь деньги, которые можно платить за планировку дыма, то почему бы их не повернуть вот на таких как я? А почему? Да, потому, што последние двадцать лет, я на ево робил бесплатно. А вот теперь, когда старой и немощной стал, вот бы и выделили мне немножко на кусок хлеба!

- Неужели, я должен робить до последнего вздоха? Ведь раньше, когда ничё не разрушено было, стариков докармливали сыновья. А теперь, где оне? Которых, побили, которых уморили, а остальные разбежались хто куда. Кто меня докармливать должен, когда я совсем не смогу робить?

-А што, правда, говорят, будто бы в городах пожилым людям каку то пенсию дают?

Но ответа на свой вопрос дед Иван не получил, потому, что в этот момент подъехал Кутусенко, и все находящиеся в избушке дружно зашевелились, так как давно ждали этой минуты. «Рабочий» день окончен.

Закончен и наш рассказ. Этот рассказ написан, оставшимся в живых из всего рода деда Ивана, сыном его Егором Многострадальним.

Это тот «храмой парнишка», который был кучером по возвращению из первой ссылки в городе Тара, и первым мужиком в семье деда, в его отсутствии во второй ссылке за Васюганским болотом. Это тот Егорка, который сразу сбежал из ссылки, по возвращении деда Ивана в семью после лагерей. Это тот Егор, который снова вернулся к уже немощному, и старому деду Ивану во Львовку, но уже со своей семьей, что бы докормить и скрасить его последние годы. Это тот Егор Иванович, который похоронил деда Ивана, и поставил ему на могиле железный крест, который изготовил саморучно.

Всё когда-то кончается. Кончилась и летопись тех мест, где доживал свой век дед Иван. «Губитель» пришел и сюда. Всё вылизал своим языком. Сегодня здесь нет ни одной живой души. Остались только, жалкие, полуразвалившиеся дома, поля зарастающие березняком, да осинником.

И стоит на кладбище одиноко, среди упавших деревянных крестов, простой железный крест с одной перекаладиной, который всегда был высшей и последней наградой простому русскому мужику – ИВАНУ! Подвигом, коего является все его 87 лет жизни, за которую он боролся каждый свой день! Поэтому и не кончился род деда Ивана Лаврова. Недаром его фамилия произошла от крестильного имени Лавр, что по-гречески значит Победитель!

Ни с чем несравним подвиг бабушки Домны Ефимовны, когда она одна с четырьмя своими детьми, скиталась в телячьих вагонах по ЗапСибу. Когда её привезли во Львовку на конных санях зимой и выгрузили в снег посреди улицы небольшой деревни. Выживай как хочешь! Собирала картофельные очистки по помойкам и выжила! Шесть лет она жила в избушке во Львовке с малолетними детьми, пока не приехал дед. Как можно было жить шесть лет без средств для существования?

За что так можно было наказывать женщину и малолетних детей? Кому они могли причинить вред или зло? Несмотря на все это, ведь ни она, ни дед Иван не озлобились на людей, а считали что всё это зло творит сатана!

Как не приклонится этой страстотерпице, как можно забыть такое? Простая хрупкая русская женщина, сирота, родила 13 детей, а сколько силы, мужества, терпения и воли к жизни!

Вот они символы нашей нации русских Ивановых! Вот она вера православных в Своего Царя Славы Иисуса Христа!

Через четыре года после смерти деда, Домна Ефимовна уехала в г. Рязань к своей дочери Анастасии. Там она прожила недолго и переехала в Мангут к другой дочери Марине Соловьевой. Здесь, у себя, на родине в МАнгуте, нашла она свой покой на местном кладбище...

Вот и разлетелись души двух многострадальных, любящих сердец по разным углам России-матушки, что бы с радостью встретиться в жизни бесконечной, где нет ни боли ни страданий!

Кончено странствие земное, какой благодатный переход в мир Духа, какое созерцание новых, невидимых миру земному вещей и небесных красот, душа возвращается в отечество своё, где светлое солнце, правда Божия...

Дай, Господь им – Ивану, Домне, за их терпение и смирение этой благодати!

Светлая и вечна память останется у всех нас Лавровых Ивановых о них во веки!

ЕГОР МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ

«Высшая ступень счастья – негрешить.
А кто так жить не стремится кроме глупца?»
(Св. Киприан)

Георгий это тот самый «храмой парнишка», который был кучером по возвращению из первой ссылки, и первым мужиком в семье деда Ивана, когда он был за полярным кругом и в заключении в ДальЛаге. Это тот Егорка, который сразу сбежал из ссылки, по возвращении деда Ивана во Львовку. Это тот Егор, который снова вернулся к уже немощному, и старому деду Ивану в его «обетованную землю», но уже со своей семьей, что бы докормить и скрасить его последние годы. Это тот Егор Иванович, который похоронил деда Ивана 17 июля 1958 года и поставил ему на могиле железный крест.

Сын Ивана Георгий был восьмым ребенком в семье. Родился он сразу после Революции 19 ноября (2 декабря) 1918 года.

Мытарства его начались с 10 лет отроду. Сам он ничего не рассказывал, но в этом возрасте получил серьезную травму ноги, которая впоследствии привела его к инвалидности на всю жизнь. В то время в семье Ивана, он был старшим мужчиной. Взрослые его братья и сестры уже жили своими семьями в разных местах. Егорке вместе с отцом приходилось управляться с домашним хозяйством. Все работы на поле тоже не обходились без него как и прежде. Семья Ивана Мартемьяновича считалась крепким хозяйством. У них были лошади, коровы, другой домашний скот, а так же сельхозмашины: молотилка и сенокосилка. За всем этим нужен был уход. Все это лежало на плечах Егорки. Напоить лошадей, сгоняв их на озеро к проруби, задать сена коровам, почистить во дворе, принести дров в дом были его обязанностью неприкословной. Кроме него был еще Костюшко, да у него «не все были дома», он больше мешал, чем помогал Егорки. Когда тот вез санки с глызами в огород, Костюшко усаживался на груженные санки и покрикивал на воображаемую лошадку. Егорки делать нечего было, напрягая свои силенки, тащил свою поклажу с возчиком в конец огорода. В доме тоже много было работы, если не было бойки масла из сметаны, то стояли ручные жернова. Надо было молотить зерно на муку. Так и проходили длинные, зимние вечера. Одна только радость была у Егора, когда он закончив все дела по дому забирался к своим братьям на русскую печку и расстолкав их вытягивал свою больную ногу поближе к чувалу. Труба здесь была еще горячей, нога отогревшись переставала болеть, после чего он засыпал крепким сном, намотавшись за день. Каждое утро ему казалось, что он только что заснул, а отец уже тресет его за руку. «Егор, подымайся, мать уже ушла доить коров. Сначала выгони коней на озеро, я уже продолбил прорубь там, потом почисти у коров, пока глызы не застыли!». Все это было в 5 часов утра. Отец его был молчалив и суров, послушаться его было невозможно. Мать любила всех своих детей и всегда

старалась их покормить повкусней, как будто предчувствовала, что наступит у них когда нибудь голодное время... Вот так в трудах и с больной ногой проходило его детство в Котино. По сравнению с теми годами, которые наступят в ближайшее время, эти года были сытыми, теплыми, и Георгий часто их вспоминал с завистью о прошедшем времени в Котино. Через два года начались новые испытания. 12 июня 1930 года Окружной тройкой Борисовского района семью Ивана Мартемьяновича признали явно «кулацким хозяйством», главу семьи лишили избирательных прав, эксплуатация постоянно рабочей силы до 1929 года в хозяйстве и эксплуатация с/х машинами под отработку молотилки и сенокосилки. Так было записано в приговоре.

Появился список кулаков Называевского района 2 категории Котинского с/Совета направленных в район режимного комендантского отдела 30 ноября 1930 г. а по решению Котинского сельского Совета от 29 декабря 1930 года постановили выселить его как лишённого избирательных прав 2 категории, за эксплуатацию с/х машин. Уже в феврале месяце 1931 года у них отобрали всё хозяйство, посадили на конные повозки всех рябятишек и повезли на другое место поселения в г. Тару. В Котино осталась старшая сестра Марина 23 лет отроду и Костюшко, который убежал куда то и спрятался где-то в деревне, так что его не могли найти.

В Таре в колонию прибыли для дальнейшей пересылки их в Нарым – Лаврова Домна Ефимовна 48 лет, её дети: Егор 12 лет, Анастасия 10 лет, Василий 4 лет, Николай 2 годика и Клавдия полутодовая. От мороза и длительной поздки Клавдия умерла не доезжая г. Тары несколько километров. Прямо у дороги её и похоронили, прямо в снегу! Здесь их разместили на квартиру местного жителя до срока дальнейшей пересылки в Нарым. Однако этого не случилось. Здесь их никто не тревожил, и они жили как могли. Пропитание добывали обходя дома в городе с протянутой рукой. Жители города всегда помогали чем могли. Отец Иван начал зарабатывать деньги на заготовке дров для школы и больницы. Весной в апреле месяце, на заработанные деньги, он купил лошадь с телегой у местного кулака, которые побоялся, что его тоже

могут раскулачить за то, что он имеет лошадь и телегу. И вот, на Пасху, отец собрал всю свою семью, посадил их на телегу, и поехали опять в Котино. Никто его здесь не удерживал и никто не интересовался где они, и что делают. Возвращались весенней дорогой больше недели. Егор управлял лошадьё, так как идти не мог, очень болела нога, которую простудил окончательно. Ночевали в поле, и Егору приходилось не спать еще и ночью, надо было смотреть за лошадьё, которая успевала кормиться только что появившейся травкой.

В Котино вернулись в мае месяце, и сразу зашли в свой дом. Сколько было радости у ребятишек в своем родном доме. Здесь у них был свой кров, здесь были припрятанные продукты и одежда.

Однако радость была недолгой. Здесь они узнали, что Костюшка умер от голода, так как прятался и непоказывался до тех пор, пока не умер. Кроме этого вскоре пришел председатель сельсовета Романюк и спросил почему они вернулись из ссылки ?. Потребовал документы об освобождении их из ссылки и получив отказ, сказал, что « мы вышлем вас второй раз».

Эта его угроза состоялась, уже 12 декабря 1931 года Отец Иван уже был в бегах.

И вот что он рассказывал:

- Когда, я уехал из дома осенью тридцатого первого года то, семью в другой раз, повезли на ссылку в январе тридцать второго года. Теперь уже не на лошадах, а поездом в телячьих вагонах. Везли, везли в одну сторону, потом повезли в другую. Бабы промеж себя говорят, наверно нас до тех пор будут катать, пока все мы тут не окоченеем.

- Потому они так думали, что дров или угля на отопление вагонов не дали, а печки в вагонах были. Но предположение ихнее не сбылось, потому, что с того дня как поезд пошел обратно, на следующий день их выгрузили в Томске. Поселили их, в какой-то, «Басандайке». Дома там двухэтажные, а которые стоят на столбах высоко, это, видно, для того чтоб ветер с подпола поддувал. Вот они в такой дом и попали на нижний этаж.

- Комендант им и говорит, если не хотите замерзнуть, идите в лес за дровами, а лес там рядом. Рубить лес нельзя, а только собирать сучки. А где ты их найдешь, под снегом? Ну, а если не найдешь,- замерзнешь! Человек так уж привыкший за жизнь держаться, тем более за своих детей, не токмо из-под снега, а из-под земли всё достанет, только бы не сдохнуть. Принесут сучьков, затопят печи. В верхних этажах тепло, а в нижних как было, так и есть. А тут морозы, как назло, такие жмут, аж сучья с сосен отлетают! Вот этими то дровами они и пользовались, а где и сами отломают, а то и на мороз вину свалят.

- Хлеба им давали на пятерых, (Домна, Анастасия, Василка, Георгий, Николай) одну булку на неделю. Да, каку-то баланду, на общей кухне варили. Уж, как только ни экономят, а все равно булку за два дня съедят. А пять дней, чем жить? Хош опыт и есть, как спасти детей и свою жись, а куда пойдешь? Здесь все такие же, как и она, а на выходе в город часовой с винтовкой стоит. Но не такой человек, что бы сразу сдаться.

- Пробились в одну деревню, потом в другую, и попробуй, умори их голодной смертью.

- Через несколько дней повезли их на лошадях, на станцию, для того, что бы погрузить в вагоны, и как предполагали отправить в Архангельск, на Соловецкие острова.

- До станции они не доехали. Встретил их, какой то в военной форме начальник и спрашивает у старшего обоза: «Кто такие?», а он ему отвечает, что в основном сибиряки. Тогда начальник скомандовал поворачивать обратно. Когда вернулись в свои двухэтажки, вот тут то и проявила супруга моя героизм, и заняла высоту!

- Бабы ругаются, не хотят её пускать наверх. А она им говорит. Не всё вам одним царствовать, мои дети тоже жить хотят, как и ваши. Комендант пришел и разрешил, находится всем вместе. Вот так они и царствовали, кто под нарами, а кто посреди полу, прямо в проходе, до тех пор, пока их не перевезли в какой то поселок, в трех верстах от города. Самое главное, нет никакой охраны!

- Спустился по лестнице, перешел реку и город рядом.

- Промышляй, сколько можешь! Один раз как- то удалось все- таки уговорить ей Егорку пойти на этот промысел. Зайдем, говорит, а он за меня спрячется. Хозяйка подаст мне кусочек, а ему нет. Он, видно, сам понял, что не доводит своего дела до конца, и в другом доме становился с матерью рядом. Шибко он стыдливый был, а что поделаешь, если жить охота есть? И вот однажды Егор решил покончить с такой жизнью. Ушел в город один, и начал искать детский дом. Только к вечеру нашел. Из начальства там никого не было, одни ребятишки. Переночевал там, а утром пришел заведующий. Спросил его, откуда ты и как фамилия, а он там чёто соврал, а фамилию назвал свою, потому что шибко страшно ему показалось стать сразу другим человеком. Заведующий говорит, выйди пока, а потом, я тебя позову. Когда, вызвал снова, то говорит, что ты мол, спецпереселенец, у тебя есть мать, вот и иди в городок. А он только и спросил, что у меня рукавички сохли на печке, а сейчас их нету. Заведующий спросил у ребятишек, но они сказали. «Мы не брали». Вот так у него и вышло, «пошел за шерстью, а вернулся стриженным». Это его не остановило, и стал зарабатывать он новый план райской жизни.

- Через некоторое время, когда закончились большие морозы, их снова погрузили в вагоны и повезли опять в домашнюю сторону. Доехали до станции Барабинск, потом перевезли в пересылку г. Каинск, который находится недалеко от станции.

- Здесь им сказали, что будут отправлять за болото, на лошадях.

- Вот тут то он и решил, повторить свой номер, но теперь уже согласно разработанного им плана. План у него был такой: Так как в Каинске нет детдома, то он перед отправкой этапа за болото, должен попасть в больницу, а отказать ему в этом не имеют права, так как он скажет кто он такой. Если спросят, он ответит: «Сняли с поезда как безбилетника, поэтому и оказался здесь. Здесь родителей нет,

а фамилия Орлов». Матери не говорить куда пошел, что бы ни нашли. План составлен, надо действовать. Как, только, объявили собираться для отправки, он незамеченным улизнул из пересылки.

- Приходит в амбулаторию и сидит на лавочке.

- Амбулаторные работники ходят мимо его и никакого внимания. Потом одна все-таки спросила, а ты зачем пришел, мальчик? Он ответил, что болит нога. «Ну, заходи сюда, что же ты в коридоре сидишь. Посмотрела ногу, да и говорит: «Вот, что! Приходи завтра сюда с родителями, я с ними посоветуюсь, а тебе пока ничего не скажу, иди домой».

- У меня нет дома и родителей, - ответил больной. И сказал ей то, что было запланировано. Врачиха сказала, что бы он надел валенок и вышел в коридор. Он вышел, сидел, сидел, а потом и врачиха вышла, закрыла кабинет и ушла домой. Потом уборщица попросила его освободить амбулаторию, так как время рабочее кончилось, и она помещение закрывает. Походил, он по городу, походил, голодный и ничего не мог придумать. Вернулся на пересылку, а его там мужик с запряженной лошадейю поджидат.

- Поругал его немного, посадил в сани и поехал догонять обоз. Через двадцать километров в деревне Ургуль догнал обоз и вручил беглеца матери. Так и не осуществился его план!

- На шестой день привезли их во Львовку. Распределили по квартирам, сказали хозяевам, что на одну только ночь. Потом повезут дальше, но вышло по другому.

- Извозчики договорились, и ночью удрали обратно. Ну а потом, видимо, начальство решило, что какая разница им, где подышать, да так, и остались они в этой деревне.

- Таковую массу народа высылали, а о том, что человек без пищи не может жить, видимо «забывали». То дадут паёк шесть килограмм овса, то совсем ничего не дадут, вот и поживи. А промышлять где? Здесь старожилов было дворов десять, а остальные все спецы, на год раньше привезенные. Вот мать и предложила Егору-беглецу, идти по миру, а он ответил: «Меня можешь больше не кормить, я лучше умру».

- Залез на крышу пригона и двое суток пролежал в ожидании смерти, как когда-то сделал Костюшко.

- Как они жили, с тридцать первого по тридцать шестой год, как я и не узнал, и боле не спрашивал.

- А после, уж люди сказывали, что Домна кожурки картовные собирала по помойкам, и кормила детей, но одного не смогла спасти. Пяти годов от рождения умер здесь Василяк от голоду. Промышлять тут негде, все такие же спецы, только привезенные на год раньше, а из старожилов было тут дворов десять. Да и всем бы им был каюк, если бы не старший сын Павел. Он списался с ними, и нет, нет, да и пошлет им деньжонок, вот тем и выжили! В лагере, я знал: выполнил норму – получай девятьсот граммов хлеба, перевыполнил – кило сто, а тут положение иное.

- Робить можешь день и ночь, а ись не проси. Это не присказка, а сушая, правда.

- Корчуют спецы лес, копают землю лопатами, пашут на быках, сеют хлеб, жнут его серпами, молотят цепом, веют на ветру, что отдуло, получай, а зернышко в казну.

- Спасенье было одно – картошка да колба! Выручала выдумка. Насушат, натолкут опилок, вот тебе мука! Потом смешают её с колбой, да с картошкой, испекут – вот тебе и хлеб! Вот так и жили, и даже в школу робята ходили!

- Узнал я и то, что Егорку выгнали из школы за фулиганство из четвертого класса. Это тот, который умереть хотел. Ну и упрекнул я его в этом, говорю, был бы грамотным, дак ходил бы с портфельчиком и денежки бы получал. А он мне на ответ: А если бы тебя заставили написать плакат. «Спасибо, товарищу Сталину – за наше счастливое детство!», ты бы написал? А я спрашиваю, какой дурак это заставлял тебя писать? А он мне, не дурак, а учительница. Я не отказался и написал, только по-своему. «Спасибо Сталину отцу, что мы живем на ссылке, летом мы едим колбу, а зимой опилки!». Плакат сам прибил под портретом Сталина, у которого в добавок ишшо, глаза выколол. Вот и поговори с таким.

- На другой же день заведующий школой издал приказ об исключении. Это еще хорошо, что не доложили в коммандатуру, а то загнали бы «где Макар телят не пас!»

- А ещё чего вытворял он, как рассказывали мужики! Тогда во всех делах хозяином был комендант.

- Привезут что-либо для спецов, но без распоряжения коменданта никто, ничего не получит. Однажды привозят ботинки, кому их дадут - распорядится комендант. Ну, мой афирис Егор Иванович, не долго думая, пишет распоряжение. Сам себе от имени коменданта, и получает новенькие ботинки. Что это распоряжение подделка, у зав. складом на это не было малейшего подозрения. Все его дружки, кто босиком, кто в лаптях, а он в новеньких ботинках! Такие проделки еще не раз у него были.

- Я пришел к ним летом 1935 года, а зимой 1937 года Егор удрал все-таки за болото со Львовским обозом, который повез мясопоставку в Каинск. В то время, без пропуска не выпускали за болото, так он там, что-то подделал! В Горемычке, все-таки, попался с поличным. На заезжем дворе, встретился с комендантом, который и выписывал пропуска.

- Комендант говорит: А ты, друг любезный, Егор Иванович, как здесь оказался? Кто тебе разрешил уезжать? А он ему на ответ, разве Вы забыли? И подает ему пропуск. Тот посмотрел на гумажку, плечами жмет и говорит: Ну, когда я его тебе давал – убей, не помню? А афирис мой видит, что Храмцов сумлеватса, да и говорит, дак не я же у Вас, его получал, а дядя Никифор – старший обоза! Это дело другое, так могло быть - сказал Храмцов и еще спросил, а по какому же ты делу едешь в Куйбышев?

- Мужики ездовые, а ты кто? Тут на выручку пришел этот дядя Никифор, который сказал. Да лошаденку тут одну, большую, ведем на базар, вот и закрепили за ним, что бы дорогой за ней ухаживал.

- Так, так - сказал Храмцов - ну ладно, давайте чай пить!

- Это всё мне рассказали мужики, когда приехали обратно.

- Вот так и сбежал он со своей ссылке. Сперва, он на родину заехал, в Котино, получил пачпорт, а потом умахал аж в Казахстан на станцию Уштоба к своему старшему брату Павлу! Павел был как родной отец, всегда поддерживал

своих, приютил Георгия, одел, обул и направил его учиться. Анастасия, сестра Георгия тоже её после освобождения из ссылки приехала к Павлу и там же вышла замуж за военного Максима Мягкова.

В Джамбуле он проучился четыре года и получил специальность «железнодорожное строительство». Образование среднее техническое, профессия техник-путеец. Все это время он жил у Павла-старшего брата.

В трудовой книжке записано, что после ж/дорожной школы у него стаж работы 2 года и 9 месяцев, а первая запись 5 сентября 1945 года принят на должность техника путевой колонны 3-я дистанция пути Омской железной дороги. В 1946 году он перемещается на должность бригадира пути. В послевоенные годы профессия техник путеец была очень востребованной. Страна восстанавливала свои железные дороги в западной части, где нехватало ни рельс, ни шпал. На транссибирской железной дороге между Омском и Ишимом имелось много тупиков и веток. Решено было разобрать эти ветки и рельсы отправить за Урал. Вот одну из таких путевых колонн, которые разбирали эти ветки, и возглавил Георгий Иванович. Весной 1946 года его путевая колонна занималась разбором ветки на Куломзино, между ст. Называевская и ст. Любино. На разъезде № 47 «Кочковатский», где остановилась путевая колонна, для работы, жила Долгих Валентина Егоровна в семье Долгих Егора Григорьевича. Семья Егора Григорьевича была большая, много было маленьких детей. Мать у них умерла очень рано, и старшей Валентине приходилось заменять своим братья и сестрам её. Весной 46 го года Георгий Иванович познакомился с ней, и они решили пожениться. Сначала они устроились в бригадирском вагончике путевой колонны. Появилась семья. Необходимо было думать о постоянном жилье. Георгий продолжал работать в путевой колонне. В феврале 1947 года появился сын Юрий, который родился прямо в вагончике. Валентину Егоровну с новорожденным Георгий перевез на ст. Любино, в роддом, а через неделю перевез на Кочковатский разъезд к Ивану Егоровичу Долгих. Через год, 5 января 1948 года, Георгий переводится в Гортоп Называевского торфопредприятия на должность ма-

стера железнодорожного тупика. Этот тупик был построен рядом со станцией Называевская на торфоразработки. Здесь все ресурсы торфа были выработаны, и тупик предстояла разобрать. Вот этим делом и занимался Георгий.

Рядом со станцией Называевская – был небольшой поселок Торфучасток, в этом поселке Георгий купил небольшой домик и вскоре перевез сюда свою жену Валентину с маленьким сыном Юрием из Кочковатского. Вот здесь и они начали свою семейную жизнь. Поселок находился в трех километрах от ст. Называевская. Прожили они два года, и вскоре тупик был весь разобран, и Георгий Иванович был уволен по сокращению штата.

В январе 1950 года Георгий устраивается на работу в Карагандаугольный разрез №4 на должность бригадира пути. Через некоторое время в январе этого же года родился у него второй сын Николай. На Торфучастке Валентина осталась жить со своими сыновьями одна. На новом месте работы никакой перспективы для семейной жизни не было и через полгода Георгий вернулся на Торфучасток, уволившись с разреза, и устроился на работу на ст. Называевская стрелочником. Семья росла, и жить в старом доме было уже невозможно. Решено было построить свой дом здесь. С материалами для строительства дома было очень сложно. В Называевске он приобрел немного лесоматериала для каркаса стен и доски на пол и потолок. Стены пришлось выкладывать из торфяных пластов. Вскоре дом был построен, завел хозяйство, купил корову. Недалеко от поселка раскопал полоску земли и посадил картошку. Жизнь пошла своим чередом. 6 января 1952 года в семье появился очередной ребенок, дочка Тамара. В 1954 году сменил место работы на ст. Называевской и начал работать агентом контрольно-учетного бюро станции. Работа была для него очень хорошей. Нога его все ещё продолжала беспокоить, а работа давала возможность облегчить его страдания, так как была сидячей. Не надо было ходить по путям. На работу из Торфучастка он ездил на велосипеде летом, а зимой ходил пешком до ст. Называевская по снежной тропинке напрямик...

В августе 1954 года родился сын Вячеслав. В семье уже четверо детей. Старшие сыновья уже пошли в школу на Торфучаске, где было четыре класса. Расходы возрастали, а кормилец был один. Корова давала мало молока, пытался обменять на лучшую, из проходящих через Торфучастка табунов, но сено из осоки для коровы, не увеличивало надой.

С той полоски, что раскопал в степи, картошки, тоже много не накопишь, надо было удобрять землю. Солончаки да болота вокруг Торфучастка, не приносили хороших результатов труда. Приходилось подрабатывать в свободное время от работы изготовлением метел для станции. Благо, что прутняка для метел на болотах было достаточно. Однако, такой заработок отнимал все свободное время, да много денег не приносил, одна метла стоила 50 копеек. Сильно болела нога, очень трудно было, заготавливать прутняк для метел, лазая по большим сугробам снега на болоте с больной ногой.

Очень сложно было зимой с топливом для отопления дома. Приходилось заготавливать торф, камыш и даже собирать кизяк в степи от проходящих табунов коров.

Вот что он рассказывает сам в своих воспоминаниях о жизни Называевском районе:

То, что творилось в то время, как теперь называют «не имеет аналогов»!

Вот сельское хозяйство! Ведь это основа основ, без хлеба не обойдется ни один человек, а на него со стороны правителей ноль внимания! В народе был такой анекдот «У одного отца было три сына, два умных, а третий тракторист!» Но тот злополучный хлебушек, который выращивали со сланные кулаки, большую часть отправляли... в Польшу и Западную Германию! Это я знаю не по-наслышке, а сам оформлял документы на вагоны с пшеницей, следующих на Франкфурт-на Майне.

А было это в 1954 году на станции Называевская Западно-Сибирской железной дороги. Там я работал агентом учета вагонов при технической конторе станции.

И вот не вытерпела душа, и выбрав чистое место на документе, я ко всем реквизитам добавил: «Пшеничка – Фрицу и пану, хрен в зубы – Марье и Ивану».

Откровенно говоря, некоторое время побаивался такой аргументации, но с другой стороны успокаивало то, что документы будут переходить из рук в руки техническим конторщикам на больших станциях, таким же полуголодным, как и я, и у них не должно появиться желание съесть своего брата железнодорожника.

Отправляли хлеб немцам, да полякам эшелонами, а сами и буханочку добывали с большим трудом. Бывало, приедешь на ночную смену, примешь дежурство и скорее к магазину очередь занимать с вечера, а магазин откроется завтра в 9 часов утра!

И получалось как бы два дежурства – одно в конторе, а второе в очереди у магазина, благое дело магазин был рядом со станцией! Мы, дежурившие ночь на станции, нам все равно не спать, а те, что в очереди у магазина корчились всю ночь исключительно из-за буханки хлеба. В основном толпились женщины, а перед открытием магазина появлялись мужики; и тут уж не то что, очередь, а того и гляди что бы ребра не преломали. Бывало, и добудешь кирпичик, но большинство оставался с пустыми руками. Победителями всегда в этой схватке выходили сильные, наглые и нахальные, а я этими качествами не обладаю!

Начальник дороги и райком нажимали на начальника станции, что бы он усилил отгрузку экспортного зерна. Вот и кружилась голова от успехов! И еще, что придумали! Я не знаю по чьей это инициативе, но агитировал на это дело парторг станции. Агитировал он нас на то, чтобы все мы, в свободное время от работы ходили, в определенное время и место на спевку! Видите-ли «нам песня строить и жить помогает, подымает дух, настроение и т. д.. Я, правда, на эту агитацию не поддавался, но однажды за это попался! На планерке, начальник станции Моисеев, задает мне вопрос: «Лавров, почему на спевке не был?» Не моргнув глазом, отвечаю: «...а я, дома пел!» «Какую же ты песню пел?» спра-

шивает опять он. «Верней, сказать, по-волчьи выл!» говорю ему в ответ. «Что ж тебя это заставило делать?» опять задает он мне вопрос. Ну, вот тут меня и понесло: «А вот то и заставило, прихожу с ночной домой, а жена и дети обрадовались, думали, что я хлеба принес, а у меня всего лишь от «бублика дырка». Вот тут они и завыли, а я подхватил и получился дуэт!» У начальника на лице появилось, что-то похожее на улыбку, но он больше ничего не сказал, обратившись к дежурному, буркнул: «начинайте планерку». На самом же деле ничего этого не было, а на спевку я не ходил, потому, что свободное время использовал на вязку метел, которые и сдавал на станцию по пятьдесят копеек за штуку. Сам ходил по окрестностям для заготовки прутьев, дома ребяташкам выдавал задание собрать эти прутьики для метлы, которую сам связывал. А что делать? Надо же было как-то сводить концы с концами.

Без коровы было жить тяжело, а с коровой тяжко! Придёт сенокосная пора, и не знаешь в какую сторону бежать! На колхозной земле поймают – пять лет заключения! Но, как говорится, хочешь ж умей и вертеться., вот и вертелись люди!

Женщина, вдова по фамилии Верхоланцева, рассказывала такой случай: «Кошу я на колхозной земле ни свет, ни заря, надеюсь, что в это время ни кто не поедет, не пойдет. Но на мою беду, слышу, кто-то едет! Как выедут из-за поворота, и меня увидят! Прятаться некуда, а что делать? Ну, я и придумала! Сбрасываю платишко, распускаю космы, и давай литовкой махать в обе стороны, а башкой мотаю того сильнее! Слышу, посылшу, ходок затарахтел, соображаю - поехали рысью. Подымаю голову, выхожу на дорогу, а от них только пыль столбом! Они развернулись и укатили восвояси. Как потом выяснилось, это председатель колхоза и счетовод были, ехавшие в райцентр по какому то делу. То, что видели они в такой ранний час, посчитали за ведьму» Вот как приходилось выворачиваться, что бы, не стать государственным преступником! После сентябрьского Пленума партии (1953) года это дело немного поправилось. Объявлено было, что

можно сдать, например теленка в колхоз в обмен на сенокосное угодие. Решил и я воспользоваться этим. Вот и поехал в Муравьевку на велосипеде к председателю колхоза на переговоры. Оказалось, что этот вопрос надо решать с бригадиром, а он в поле! Я спросил, где его найти и как узнать, что он бригадир? Председатель мне объяснил, что это молодой парень в военной форме, ездит на коне запряженным в ходок. Только я выехал с проселочной дороги на шоссе, вот тебе и описанная личность навстречу! Остановил, предложил свои услуги, и он сказал: «...привози...». Что бы избежать ненужного мучения с перевозкой, я чисто сердечно признался о том, что теленок у меня какой то больной. «А вдруг не примут?» - тревожила мысль. Но опасения мои были напрасны. Бригадир махнул рукой и сказал: «...это не имеет никакого значения, какая разница больной он или здоровый, все равно за зиму все передохнут!» «Это почему же?» - спрашиваю, а он, видимо, рассердившись на мою наивность, в свою очередь задает мне вопрос: «А если тебя кормить кочкой, ты будешь жить?» Про кочку, тогда знали все. От нее тогда не было покою ни кому, особенно комсомольцам и школьникам старших классов. Каждое воскресенье гоняли на заготовку болотной кочки. Технология заготовки была проста! Бульдозер срезает кочку, а за ним идет трактор с санями, на которые и грузят этот продукт. Даже в газетах расхваливали этот «деликатес» для скота. Хорош он или плохой, но результат всегда был один – скот падал тысячами голов, это в пределах района, а сколько по области? Вот так и хозяйствовали!

Такая жизненная ситуация была в то время у Георгия Ивановича! Как бы он ни старался, а средств, для существования семьи не было. Поддержку семье понемногу оказывали родственники. Из Рязани сестра Анастасия иногда - высылала кое что из старой одежды, из которой Валентина Егоровна перешивала, на старой машинке «Зингер» пальтишки для ребятишек. Её брат Илья привел корову из Черевновки. Иногда Александра, сестра Георгия из Исилюка, помогала деньгами. Всего этого было недостаточно, и надо было принимать решение о смене места жительства.

Георгий регулярно переписывался со своим братом Николаем, который жил во Львовке, Пудинского района, Томской области. Там же продолжали жить в ссылке их отец и мать Иван Мартемьянович с Домной Ефимовной. Брат Николай, хорошо знал жизненную ситуацию Георгия, и предложил ему переехать к ним на новое место жительства. Мотивировал он тем, что здесь проще жить! Можно иметь домашнее хозяйство, можно купить или построить свой дом. Лесу здесь было достаточно и для строительства и для дров! Кроме этого три семьи в одной деревни могли бы помогать друг другу. Николай заверял Георгия, что может устроить на работу и его и его жену Валентину Егоровну. Отец, Иван Мартемьянович тоже говорил в письмах Николаю о том, что он старый уже и хотел бы пожить с сыновьями и внуками «Земля здесь родит хорошо, не то, что наши солончаки на родине» - говорил Иван. И вот Георгий Иванович принимает решение о переезде во Львовку. Летом 1957 года, продал свой дом, корову, некоторые вещи, отправляется в путь всей семьей на новое место жительства. Туда, куда раньше, его насильно привезли в 1931 году, пацаном, вместе с мамой Домной Ефимовной, братом Василием и сестрой Анастасией.

Вспоминая это, он уже во Львовке написал стих.

Не забываемое!

Это было давно, но не забыть то никак
 Когда невинный народ разоряли
 Тот кто труженик был называли кулак
 И на ссылку его отправляли.

Завезли нас тогда в нежилые края
 За болото в глухую тайгу
 И на жительство здесь указали место
 Возле ёлки в глубоком снегу.

И кто сразу не умер, тот больше страдал
 Взяв топор, на тайгу наступаая,

А затем он лопатой землю копал
Остатки силы своей, напрягая.

После адских трудов получались поля
На, которых хлеба вызревали,
А убран хлеб с тех полосочек весь до зерна,
Каждый год государству сдавали.

Тогда голод и труд нашим спутником был,
Люди многие здесь умирали.
И те страшные дни я еще не забыл,
Как без всякой вины мы страдали
От погибели той здесь остались следы,
Их легко отыскать при желаньи
Где селенья стояли там сгнили кресты,
Но от поселков остались названья.

Очень сильно отец переживал о своем прошлом детстве!

Ну, а во Львовку привез он, свою семью, сначала поездом со ст. Называевская до Томска, потом самолетом АН-2 до Пудино, а из Пудино во Львовку на грузовике ЗИС-5.

Летом 1957 года по прибытию на жд. вокзал в Томск, автобусным маршрутом № 119 он, всей семьей переехал на аэропорт «Каштак». Самолеты АН-2 тогда летали редко, поэтому, почти неделю пришлось жить на вокзале в аэропорту. Еще и по тому, что ждали вещи, отправленные багажем до ст. Томск 1. Много было вещей, да и самих было 6 человек, поэтому самолет был полностью загружен и отправился в полет на Пудино. Полет продолжался более двух с половиной часов. Все очень тяжело переносили этот полет – первый в жизни, как для взрослых, так и для детей.

Приземлившись на аэропорту Пудино и разгрузив свои вещи, все долго приходили в себя после полета прямо на летном поле. В Пудино был знакомый житель недалеко от аэропорта Моисеев Ананий, который и приютил нас у себя на неопределенное время по просьбе Георгия Ивановича.

У гостеприимного хозяина прожили недолго. Николай Иванович, брат отца, работал начальником почты во Львовке и сразу же по прибытию семьи Георгия Ивановича, получил сообщение по радиции из Пудино. Уже на следующий день пришла машина из Львовки. Путешествие из Пудино во Львовку описано мной в автобиографии.

Загрузив все свои ящики и чемоданы на машину ЗИС-5, которой управлял Черемисин Егор Андреевич, мы выехали из Пудино во Львовку, в августе 1957 года.

Сначала пути была деревня Калининск. Подъехав к ней, надо было открыть ворота паскотины, (изгородь вокруг села) в конце деревни надо было закрыть ворота. И так во всех деревнях до самой Львовки. Таких деревень до Львовки было шесть штук. Это Калининск, Ляпкино, Кулики, Семеновка, Намечено, Шерстобитово.

Расстояние от Пудино до Львовки было 70 км. На всем пути было много мостов и мостиков. Несколько раз мы останавливались и собирали землянику по краю дороги. В деревнях, посреди улиц, в грязи лежали свиньи и мы весело смеялись, что они лежат в грязи, так как раньше такого не видели. Во Львовку мы приехали к моему деду Лаврову Ивану Мартемьяновичу, который жил на краю села за Чузиком около паровой мельницы в луке. У него был небольшой деревянный домик с большой русской печкой. Здесь мы и остановились. Отец сразу выкопал погреб для картошки, так как нам был посажен огород еще весной дедом, а погреб у деда был маленький. Так вот этот погреб отец не доделал, и картошку мы высыпали прямо в яму, а потом закопали толстым слоем земли. Картошка прекрасно сохранилась до весны. Вот такие решения приходилось принимать в первый год жизни в Сибири.

Почти до самого Нового года отец с семьей жил во Львовке у Ивана Мартемьяновича в его небольшом домике за деревней. Очень тесно было жить такой большой семьей, и надо было принимать решение. Очень сильно болел его отец-Иван. И вот, 20 декабря 1957 года, отец был принят

на работу заготовителем в Шерстобитовский заготпункт, Пудинского райпо. В Шерстобитово, купил небольшой домик, недалеко от реки Чузик. Дети были переведены из Львовской – начальной школы в Шерстобитовскую восьмилетнюю школу.

Валентина Егоровна, его жена устроилась на работу здесь же пекарем. Началась новая трудовая жизнь «За болотом», так тогда называли этот край.

В то время здесь были еще колхозы. Во Львовке были колхозы «Красное Знамя» и «1 Мая», в Шерстобитово было три колхоза «Имени Чкалова», «2-ая Пятилетка» и «Красный Факел»!

7 июля 1958 года во Львовке умер Иван Мартемьевич.

В селе Шерстобитово, наша семья жила в большом деревянном доме, с большим старым тополем в ограде. Этот тополь весной упал прямо на крышу нашего дома.

Мама работала сначала техничкой в магазине, а потом заведующей и пекарем в хлебопекарне. Дома у нас была корова, но так как отец был служащий, то покоса ему не полагалось. Мы косили сено в лесу за сельповскими полями на Старой Гари, недалеко от Черной речки. Потом отец стал работать в Шерстобитовской библиотеке. Из райпо он уволился 5 мая 1959 года и устроился на работу в Парабельский отдел культуры, заведующим библиотекой в с. Львовка 1 июня 1959 года. Здесь он и работал до пенсии. Переехав во Львовку, семья стала жить в доме бывшей начальной школы за речкой. Дом был из двух комнат, но больших. Крыша была у него земляная, крытая берестом и земляными пластами. Брат Николай все еще жил здесь. И вот они вместе решили построить для себя новое жильё. Сначала начали строить дом Николаю Ивановичу. Заготовили лес, летом срубили сруб, а зимой поставили дом под крышу. Этот дом стал почтой, в которой была квартира у начальника почты Николая Ивановича.

Ну а, Георгий Иванович продолжал жить в старом доме, потихоньку заготавливая лес для нового.

В 1962 году, сразу после объединения колхозов, брат Николай Иванович решил уехать на «Большую землю» на новое место жительства. Колхозы объединили в 1961 году в совхоз «Пудинский». Возможно, одной из причин выезда Николая Ивановича на Большую землю, было и это.

Так что, Георгию Ивановичу пришлось строить свой новый дом собственными силами. Очень трудоемкой и продолжительной по времени была работа по заготовке леса. В зимнее время он несколько раз брал трактор в совхозе для вывозки леса. Основное количество леса готовил в весеннее и летнее время по берегам речки Чузик.

Недалеко от реки, на берегу валил лесину, очищал ее от сучков, потом с помощью веревки, волоком тащил в речку.

Столкнув сучунок в воду, шестом направлял его в русло реки. Таким образом, течение реки доставляло лес в деревню. В деревне приходилось дежурить, чтобы бревно не уплыло дальше. На обласке ловил это бревно и причаливал к берегу. С берега, бревна на лошади, волоком доставлялись на место строительства. Вот, таким образом, был заготовлен весь лес.

Где-то раньше, я упоминал уже об общине. Так вот в этом случае, когда была необходима помощь в строительстве, люди помогали друг другу. В деревне это называлось «На помочь». Назначался день, когда надо было прийти для работы к хозяину. Хозяин уже знал, сколько человек придет к нему, и определял объем работы, а так же готовил необходимое количество угощения работникам в конце рабочего дня. Так и поступал Георгий Иванович.

Обычно на выходные дни он договаривался с мужиками в деревне, помочь ему «рубят сруб дома»

Много мужиков приходили к нему «На помочь» и всех он угощал брагой в конце дня.

Помогал нам советами и физически, друг отца – Калистрат Львович Вяткин. Это был сын основателя села- Льва Ивановича Вяткина. Калистрат был уже старый, но все ещё сильный. Помню, что когда несли бревно от речки три мужика, то мужики, которые несли бревно по краям, приопу-

стили плечи и Львович, который был посередине бревна, этого не заметил до самого дома, практически нес его один. Когда сбросили это бревно у дома, он только крикнул от облегчения и разгладил свою бороду. Таким сильным он был!

В 1964 году сруб уже был готов, оставались работы с крышей и внутренние работы.

Для кровли решено было закупить кровельное железо. Для этого отец взял кредит в Промстройбанке с. Пудино.

Наконец, железо было привезено весной на совхозной барже до самой Львовки.

Этим же летом приехали к нам из Омска тетья Тая со своим мужем Яковом Антоновичем Пугачевым, который был хорошим специалистом по кровельным работам.

К осени 1964 года дом был уже под крышей, которую сделал Яков Антонович.

Дом получился большой, размеры его были 9 на 12 метров.

Внутри было четыре комнаты, прихожая и кухня.

се внутренние работы родители делали сами. Валентина Егоровна сама сложила печки. В комнатах «Голланку», а в кухне «Русскую печку». Георгий Иванович постелил полы, сделал перегородки, смастерил сам рамы и вставил окна. Штукатурили стены все вместе. Помогали во всем этом и мы, их дети – Юрий, Николай, Слава и Тамара.

Получился большой и хороший отчий дом, который стоит в заброшенной деревне, до сих пор, но уже без крыши! Фото его, на обложке этой книги, было сделано в 2015 году.

Это снимок символизирует всю жизнь рода Лавровых Ивановых!

Строят они, строят свою жизнь, но находятся люди, которые видят легкую поживу – и рушат, и рушат они её! Рушат, но сил, до конца истребить нет! Гордо и одиноко стоит, крепкий, отцовский дом во Львовке!

Если бы не снял крышу Виноградов, то сегодня дом бы был пригоден для жилья! Всю кровлю, Георгий Иванович, каждое лето перекрашивал, поэтому оно нигде не проржавело, чем и привлекло внимание предприимчивого охотника тех мест!

Вот так человеческая жадность и губит целые поколения!

Никакого греха не бояться любители легкой наживы от незащитных людей! Доля их, молча пережить тяготы и продолжать опять строить свою жизнь. Так и поступали Лавровы Ивановы, сам Иван его сыновья и его внуки.

Георгий Иванович еще много лет продолжал облагораживать свой дом. Была построена, баня, стайка для коровы, летний навес. Снаружи дом украсил вагонкой с ажурными рисунками, которые просматриваются на фото до сих пор.

Все стены, забор, были и окрашены масляными красками.

Во дворе выкопал колодец, посадил перед окнами сосну, кусты черемухи, смородины и малины.

Дал Господь ему свой «виноградник» где и достойно жил он до своего переселения на свою родину в Омскую область. Дом остался во Львовке и стоит до сих пор.

Уехал Георгий Иванович на свою родину в Омск, так как началась «перестройка» и жизнь в деревне Львовка начала угасать. Там прожил он до 2001 года. За все свои страдания и болезни он называл себя Егором Многострадальным...

Дай Господь Георгию Царство Небесное и вечную память от его потомков.

Спи спокойно, отец!
Внуки, твои и дети,
В жизни найдут свой венец,
Волю твою, исполнив этим!

Сердцем полюбят Христа,
Душу твою согреют!
Жизнь и у них не проста,
И живут они все как умеют!

Помнят и любят тебя,
Твой завет исполняют,
Веру Христову приняв на себя,
Нет другой правды, они это знают!

А молитвы твои все за них,
Богом были услышаны!
Счастье делают они на двоих,
Детьми они все увешаны!

Род Ивана и твой,
На земле продолжается!
Все живут той мечтой,
Чем завет твой является!

МОЁ БОЛОТО

В Васюганском болоте, в междуречье рек Чижапка и Чузик, сливаясь в нижнем течении называются Парабель и Васюган, впадают в Великую сибирскую реку Обь, расположен реликтовый кедровый остров «Фадихин». Он расположен в 10-15 км бывшего села Лавровка, которое стоит на реке Чижапка и в 28 -30 км от бывшего села Шерстобитово, которое стоит на реке Чузик. Размеры острова, примерно 10 на 15 км. И стоит он посреди чистого болота. В былые времена здесь охотилась остячка Фадиха, поэтому он и носит её имя. Есть еще небольшая деревня, точнее хуторок Фадиха, в четырех километрах от Лавровки. Там до недавнего времени жил охотник Собакин Михаил со своим сыном Андреем.

В острове растет кедрач, очень старый, но богат на кедровый орех. Правда, урожайные года, там бывают только через семилетний цикл. Так вот, в один из таких урожайных годов, мы втроем, отец, я и брат Николай пошли пешком в остров на заработки. Раньше были заготпункты, где принимали дикоросы и пушнину. В тот год кедровый орех принимали на месте, т.е. в острове по 1,2 рубля за килограмм, а в Пудино по 1,7 рубля за кг 22 августа 1964 года мы вышли пешком из Шерстобитово. Пошли в сторону «Васюгана» по бывшей дороге за кузницей. Нужно было пройти до первой

р. Березовки, это одна из трех речек левых притоков Чузика. Потом мы повернули прямо на запад, и пошли в исток этой речки. Прошли около десяти километров по лесу, едва заметной старой дорогой, и вышли на чистое болото. От кромки болота до острова нужно было пройти еще десять километров чистым болотом. Никакой тропинки, дорожки на болоте не было. Нужно было дойти до середины болота, а потом на горизонте появится темная полоска, которая и была островом. Идем мы по болоту, а кругом карагайник, да заросли голубичника. Голубики..., усыпаны все кусты ягодой! Мы с братом все время останавливались и хватали горстями ягоды. Отец нас все время подгонял и говорил, что надо идти быстрее, что бы засветло дойти до острова. Ходьба по болоту не из легких, да и путь там не прямой. Под ногами батут из мха, кое-где этот ковер прорывается, и твои сапоги зачерпывают бурой, похожей на крепкую заварку чая, болотной воды. Не всегда путь, по прямой, бывает коротким. Иногда на нашем пути попадались окна открытой воды, которые приходилось обходить. Правды ради, следует отметить, что в это время года не было гнуса на болоте. Этому способствовало то, что болото было открыто, и ветерок отгонял мух да комаров, которые появлялись во время небольшого отдыха на сухих кочках.

Часа через два мы, наконец, добрались до середины болота, так как на другом конце болота увидели ту самую темную полоску на горизонте, которая обещала быть островом. Так говорил нам отец. После небольшого отдыха на сухих кочках мы двинулись дальше. Во время ходьбы не отводили глаз с темной полоски на горизонте. Она постепенно увеличивалась, и вот уже стало ясно, что это действительно остров с крупным лесом. Перед самым островом, на нашем пути появилось новое препятствие. Это была речка Томка, которая несла свои бурые воды под толстым ковром мха. Здесь был её исток, но начала его нет. Речка Томка собирает свои воды из болота, и несет их в речку Чижапку, впадая в неё у деревни Лавровка. Это препятствие, как я уже гово-

рил, обойти невозможно. На наше счастье, мы нашли след недавно прошедшего здесь человека. Этот след, метров через 100 по зыбкому мху, привел нас к открытой воде. Здесь был мостик из трёх жердочек связанных между собой шпагатом. Жердочки были очень тонкие, и был риск, что они могут сломаться от нашей тяжести. У каждого из нас был тяжелый рюкзак с сухарями, мешками и прочим необходимым для жизни в тайге. Поэтому, сначала я, балансируя на этих жердочках, прошел на другой берег налегке. Потом, перекинув веревку, начал перетаскивать рюкзаки вплавь по воде, которые привязывал брат Николай. Вторым, можно сказать, переполз на коленях этот мостик отец. Николай, отправив все рюкзаки, решил резко перебежать по этому мостику, и... был наказан за резвость. Ровно на середине мостика, оступился и упал в воду. Все было бы ничего, но, несмотря на то, что речка болотная, все-таки течение в ней было сильное. Его понесло под мох. Я вовремя сообразил и бросил освободившуюся веревку, и очень удачно. Он поймал её уже в воде, и мы вдвоем с отцом вытащили его на мох с нашей стороны. Вот такие, мокрые, уставшие, мы и предстали перед островом. Время было уже вечернее, а нам нужно было пройти еще по острову несколько километров до ночлега. Сам остров стоял как корабль посреди болота. Его берег возвышался над болотом небольшим обрывчиком, около метра высотой. Поднявшись на берег, мы сразу же нашли тропинку, и двинулись по ней вглубь острова. Несмотря на то, что смеркалось, мы сразу же обратили внимание на великаны кедры. Кедры росли редко, но были такие огромные, что своими кронами закрывали все небо. Под кедрами росла зеленая травка «муравушка», как будто в городском парке. В лесу было так чисто, никакого валежника, а на траве сиреневым ковром лежала упавшая шишка. Её было так много, что это походило на зеленый ковер с сиреневыми крапинками шишек. Шишка была очень крупной, и смола, которая покрывала её, давала сизовато-сиреневый цвет.

Наконец, мы подошли к какой-то непонятной постройке на небольшой полянке. Это был деревянный сруб без окон и дверей. К тому же не было и крыши. Здесь, мы и должны были остановиться, так как дальше идти было уже невозможно. В лесу стало темно. Кое-как развели костер, немного обсушились, попили чаю с сухарями и уснули, кто, где нашел себе место. Таким образом, первый день, мы полностью потратили на дорогу к таинственному острову.

Следующий день был у нас днем восхищений и открытий. Я проснулся первым. И пока мои мужики спали, решил пройти по острову. Так как, я не знал острова, то решил вернуться к болоту, откуда мы пришли. Тропинка четко просматривалась, и вскоре я вышел к кромке острова. И, о чудо! Передо мной вместо болота встала стена сплошного тумана. Туман был настолько плотным, что казался чем-то осязаемым, действительно, похожим на стену. Создавалось впечатление края света. По-крайней мере, болота не было видно вообще. К тому же кедры в острове были совершенно чистыми, и воздух был прозрачен. Я долго стоял в недоумении и в надежде, что туман вскоре рассеется, но, не дождавшись этого, пошел к своему месту ночлега.

Там уже горел костер, кипел чайник. Отец уже распределил нам обязанности. Сам он остается в лагере, и обустроивает наш быт, а мы с Николаем занимаемся сбором шишек. Он уже приготовил нам порожние мешки и фартуки для сбора шишки. И вот, подкрепившись макаронами с тушенкой, попили горячего чая, заваренного смородиной, мы начали сбор шишки. Это занятие было настолько увлекательным, что у нас быстро закончились мешки для шишки. Мы набирали шишки в фартук, а потом высыпали в мешок. Наполнив мешок доверху, завязывали его завязкой и оставляли его стоя, там, где он был наполнен. Когда закончились мешки, мы, подняв головы, увидели их стоящими как большие пеньки. Настолько было много шишки, что мешки стояли в нескольких метрах друг от друга. Когда закончились порожние мешки, мы начали таскать мешки с шишкой к нашему

стану. К вечеру там уже была приличная куча. Сама шишка, как я уже говорил, была очень крупной, орех в ней тоже был крупный. Но еще больший интерес у нас вызывали сами кедры. Они были настолько большими, что мы втроем, я, брат и отец, взявшись за руки, с трудом обхватили ствол кедры. Потом мы стали говорить, что кедры в «Фадихе» в три обхвата. Высота их была, наверное, метров 50. По крайней мере, я из своей берданки тридцать второго калибра, не мог сбить роньжу на вершине кедры.

Увлеченно работая, мы не заметили, как закончился день. В лесу, как-то резко стало темно, вдалеке горел костер у нашего стана. Отец приготовил ужин и место для ночлега. В эту ночь мы будем спать внутри сруба. Сруб, это прямоугольное сооружение из бревен в несколько рядов, в котором нет ни окон, ни дверей. Вовнутрь этого сруба нужно было лазать через верх в одном из его углов. В этом углу, внутри, был очаг и через него выходил дым. Вот такое сооружение стало нашим домом. Потом в нем будет склад для ореха. Обработанный орех высыпался сюда навалом. После того как будет заполнен этот склад доверху, его закрывают жердями. Сверху жердей укладывают листы берёсты, а на бересту насыпают землю. Так и хранится орех до зимы.

Второй день пребывания в этом «Кедровом рае» начался с заготовки дров. Утром, проснувшись и плотно позавтракав, мы начали пилить двуручной пилой сухостойный кедр на дрова. Этот кедр стоял недалеко от нашего стана и был настолько толстым, что приходилось делать рез пилой вокруг его ствола. Длины пилы не хватало через его ствол. Долго мы его пилили! Наконец-то, он как то необычно просел, медленно наклоняясь, зашелестел в воздухе своими сухими сучками, и упал с глухим звуком на землю. Пень от этого дерева, на срезе был больше одного метра. Специально мы его не измеряли, но разместились, сидя на нем все трое. Цвет среза был темно-коричневый, отчетливо просматривались годовые кольца. Само же дерево было очень сильно пропитано смолой. Отец называл такое дерево

«кремнёвым». Местные жители также называют такое дерево «кремнина». Наверное, потому, что оно было очень крепким, как кремль! Если рубить такое дерево топором, то оно не кололось на поленья, а крошилось на мелкие осколки.

Вот такой материал мы приготовили на дрова. Отпилив несколько чурок от ствола этого кедра, по 50 см, на что затратили время не менее одного часа, мы решили оставить эту работу на следующий день.

Погода стояла прекрасная! Солнце ярко светило сквозь темно зеленые и лохматые ветви вековых деревьев, прямые лучи, пробивались через них на изумрудную траву «муравушку», застилавшую всё пространство вокруг огромных стволов деревьев. Картина эта, запомнилась на всю оставшуюся жизнь и вспоминаю я её, как будто вижу это наяву. Не знаю, есть ли еще где на земле такие дендропарки! Не знаю, сохранилось ли ЭТО до наших дней? Ну, да ладно! Лирика лирикой, а работа работой.

Работы было так же много, как и вчера. Набрали мы опять по охапке пустых мешков и начали собирать шишки. Сегодня, уж кроме работы, мы начали замечать красоты этого места. Первое, на что мы обратили внимание, это были шишки, которые собирали. Они были такие большие, которых мы раньше не видели никогда. Шишки были синево-серого цвета и очень правильной формы. Настоящие сувенирные! Даже жалко было их бросать в мешок. Их было так много, что пришлось смириться, и мы уже их не рассматривали как чудо, а старались не пропустить мимо себе, что - бы не возвращаться назад. Отец сказал, что нам повезло, так как до нашего прихода на острове был сильный ветер, и шишка вся свалилась с деревьев. И вот, как говорится, шишка за шишкой и полон мешок! Завязал его, встряхнул, поставил на землю что - бы не упал, и дальше...

Опять мешки за нашей спиной поднимались как пеньки! Красивая и приятная картина нашего труда. Мы всё дальше и дальше удалялись от нашего лагеря, но всё же он ещё был на виду. Так же как и в первый день, почти вне-

запно наступил вечер, и мы начали таскать свои мешки с шишкой к своему лагерю. Шишку высыпали из мешков во вчерашнюю кучу, которая была уже по высоте наравне со срубом. После того как собрали все свои мешки с шишкой, расположились у костра для приема пищи. Она была такая-же, как и вчера, лапша с тушёнкой и чай со смородиной и сухарями. Отец рассказал нам про остров. Остров назвали «Фадихин» по фамилии остяков Фадиных, которые жили в д. Фадиха недалеко от с. Лавровка.. Главной семьи остяков был Михай, который полюбил русскую девушку и хотел жениться на ней. Она не хотела выходить за остяка. Однажды Михай выпил водки на праздник и начал приставать к ней. Она начала вырываться, и он ударил её по голове, чем и закончилось его сватовство. Сестра Михея, тоже остячка сочинила стих: «С горки камешек скатился, посреди реки упал. Михайка пьяненький напился, Настя голову сломал...» Были, оказывается и у абаригенов поэты. Ну вот, отец еще сказал, что недавно в конце острова был пожар, но его потушили кемеровские парашютисты, которые заблудились и их долго искали. Целую неделю летали самолеты, но все таки их нашли. - Рассказал он нам и о том, что во время «царя-гороха» мужики из Барабинска возили лес из Фадихи. Ездили через болото специально за кедром на лошадях по зимней дороге. Грузили на сани по одному сутунку и вывозили на железную дорогу для продажи и для своих нужд. Он сказал, что в Каинске (Куйбышеве) и в Барабинске до сих пор стоят столбы на воротах в частных домах. Так, под рассказы отца, уставшие, мы начали дремать у костра. Отец приставил лестницу к срубам и велел нам лезть спать. Мы устроились на своих постельках, погрузились в сказочные сны, навеянные рассказами отца, и увиденным за день, до утра.

Третий день, тоже не оставил нас равнодушными. Проснувшись, мы с Николаем, лежа в срубе, начали рассказывать, кому какой приснился сон. Однако, долго лежать нам не пришлось. Снаружи, отец стал нас звать к завтраку. Мы

вылезли из своей «берлоги» и увидели, что спали сегодня долго. Солнце уже стояло высоко, а кедровки громко трещали на макушках деревьев вокруг нашего лагеря. Спали мы так крепко, что даже не слышали выстрелов из моей берданки!

Оказывается, кроме кедровок, утром прилетела к нам табунок рябчиков. Отец, недолго думая, начал их расстреливать, не сходя с места. Результат его охоты - четыре рябчика, добытых прямо в лагере. Эти рябчики были уже сварены и лежали в берестине на пне старого кедра, источая запах дичи на всю тайгу. Мы быстренько сбегали к небольшому ручью, умылись и приступили к трапезе. До чего же это было вкусно, помню и сейчас! Долго наслаждаться пищей нам не пришлось, так как отец начал нас поторапливать на работу. Он сказал, что сегодня мы последний день на острове, и завтра нам с Николаем надо будет возвращаться домой. И вот, уже привычная для нас работа началась уже ближе к полудню. Шишку мы уже собирали далеко от стана, но её было так же много, как и предыдущие дни. Понимая, что нам надо сегодня хорошо поработать, так как у нас последний день, мы так увлеклись, что не заметили, как кончились порожние мешки. Взвалив на плечи, по мешку шишек мы направились к лагерю за порожними мешками. В лагере, наскоро перекусив и набрав порожних мешков, пошли снова к месту сбора шишки. Когда подошли мы на свое «рабочее место», то неожиданно увидели тут пребывание в наше отсутствие медведя. Признаком этого были небольшие кучки переваренного ореха, которые источали небольшие струйки теплого пара. Если бы, мы пришли на несколько минут раньше, мы бы встретились с ним! Несмотря на это, волосы на голове у нас всё же зашевелились! Со мной была берданка, но что можно было сделать этим оружием, если такую птичку как рябчик можно было убить не дальше двадцати метров. Немного побродив по следу медведя, мы поняли, что он испугался нас и ушел подальше. Мы посидели немного, поговорили с Николаем про эту ситуацию и решили продолжить работу. Шишки собирали уже в спешке, огля-

дываясь по сторонам, но нас никто не трогал. Постепенно мы успокоились, но день закончился, и наступили сумерки как обычно неожиданно. Мешки с шишками мы таскали к лагерю уже в потемках, ориентируясь на свет костра. Так закончился наш третий рабочий день на чудном острове. Снова забрались в свою «берлогу» и заснули богатырским сном.

Утром, на четвертый день, проснувшись, мы долго восхищались своей работой. Куча шишек была огромной. Её вершина была выше нашего сруба. Отец тоже был доволен и говорил, что ему хватит перерабатывать эту шишку целый месяц. За те, три дня нашего пребывания на острове, пока мы с Николаем таскали шишки, он готовил себе приспособления для переработки шишки в орех. Сначала он сделал валёк, что бы крошить шишку. Это такое примитивное устройство состояло из самого валька и колодины с нанесенными насечками. Шишку клали на колодину и растирали вальком. Однако такое приспособление было малопродуктивно, да и нужно было здесь работать вдвоём. Один клал шишку, а другой растирал её вальком. Тогда, отец изготовил себе мельницу. Он приготовил небольшой барабан из «кремлевого» корня кедры. На этот барабан набил сверху коротких гвоздей, специально принесенных из дома. Сделал отверстие через этот барабан специальным жигалом. Жигало это небольшой металлический прут, который он нагревал в костре докрасна, и постепенно прожигал им отверстие в барабане. Когда было отверстие готово, он вставил туда металлическую ручку, которую тоже принес из дома. Этот барабан с ручкой он поместил в конусный ящик без дна. Ящик, он сколотил из досок, которые вытесал из сухостойной кедры, той, которую мы спилили на дрова. Таким образом, получилась мельница для размалывания шишки. В ящик засыпалась шишка, крутили за ручку, шишка размалывалась гвоздиками на барабане, и высыпалась через нижнее отверстие этого ящика. Такой продукт первичной переработки необходимо было просеять через крупное

сито, что бы отделить орех от шелухи шишки. Для этого он приготовил сито из широкого листа бересты. В этом листе он набил отверстия гильзой от патрона моей берданки 32 калибра. Сделал рамку из небольших палок, привязал это сито на перекладину между деревьями на высоту одного метра. Размолотую шишку высыпали на это сито, и орех просыпался в отверстия, а крупная шелуха оставалась на сите. Кроме этого он сделал еще одно сито. Это сито было уже окончательное для отделения ореха от мелкой пыли. Оно было из проволочной сетки, которую он, тоже принес из дома. Орех оставался на сите, а мелкая пыль просыпалась на землю. На этом же сите потом он сушил орех на специальном костре. Вот и вся технология обработки ореха.

Так вот, сегодня, мы отправляемся домой. Мы с Николаем напилили еще несколько чурок от сухостойного кедра на дрова отцу. Приготовили свои котомки, в которые положили немного сухарей, по мешочку сырого ореха, и двинулись в путь. Отец проводил нас до кромки острова. Здесь, он срубил нам несколько жердочек, для того что бы могли их положить на мосток через речку Томку, и мы отправились по болоту на восток. Отец сказал нам на прощанье, что на другой кромке болота, он поставил вешку из мха, положенного на высокий куст карагайника. На эту вешку нам и надо было идти. На острове он теперь остался один. Мы шагнули с твердой земли на болотный мох, погружая ноги в него, зашагали домой. Вначале, дорога нам была знакома, да и остров еще хорошо виднелся за спиной, и мы уверенно шагали и шагали по болоту. Потом, где то уже на середине болота, обходя очередное «окно», мы потеряли свою тропинку и решили идти чистым болотом, в расчете выйти на р. Чузик в районе Львовки и Шерстобитово. Отец уверенно отпустил нас идти домой одних, потому что мы не могли заблудиться, если будем идти все время на восток. Рано или поздно мы выйдем на речку Чузик, а за ней дорога «Львовка-Пудино». Уверены в этом были и мы. Болото, особенно на половине пути, было трудно проходимым. Если в начале

и в конце болота мы шли по мху с водой, то здесь мох был высокий и сухой сверху. Ноги сначала продавливали этот мох, а потом приходилось их вытягивать из него. И так шаг за шагом. На мокром месте было легче. Ноги не проваливались так глубоко, хотя и была вода сверху. Вот так шагаем, шагаем, упадем на кочку повыше, посидим немного и опять вперед.

Через некоторое время на горизонте стала увеличиваться кромка болота. Где же вешка, которую поставил нам отец? Вот уже появилась опять под ногами вода, кромка всё ближе и ближе. Мы стали прибавлять шаг от нетерпения, быстрее, наступить на твердую землю. Вот уже и кромка, рукой подать. В четыре глаза смотрим, где же вешка? Но, увы, ни вправо, ни влево, вешки нет! Выходим от нетерпения на твердую землю. Какое блаженство, почувствовать твердь под ногами! Нашли колодину и присели отдохнуть. Решили развести костерок и перекусить. Вскипятили котелок со смородиновым чаем, попили горяченького с сухарями, пощелкали орешек, и решили идти по компасу на восток. Лес был негустой и мы уверенно шагали. Всё было хорошо, и мы переговариваясь с Николаем, обнадеживали друг друга, что выйдем скоро на р. Чузик. Вскоре так и случилось. Впереди появился черемошник. Мы с трудом продрались через его заросли и увидели реку. Прошли немного по берегу и нашли упавшее дерево через русло. По этой березе переправились на другую сторону реки, снова немного отдохнули на берегу, и продолжили своё путешествие дальше. Через некоторое время лес стал редеть, и мы вышли на заброшенное поле. Когда огляделись, то определили свое местонахождение. Оказалось, что мы ошиблись в своих навигационных расчетах километров на десять. Вместо того что бы выйти на шерстобитовскую дорогу, мы вышли в Намечено, а хотели выйти на р. Кулга.

До Шерстобитово от Намечено семь километров, а от Шерстобитово до Львовки ещё десять. Таким образом, нам надо было пройти еще семнадцать километров до дома. Де-

лать нечего и мы уныло поплелись по внезапно возникшей перед нами старой дороге до Шерстобитово. В Намечено уже жителей не было, а в Шерстобитово народ еще жил. Мы незаметно дошли до Шерстобитово. Немного отдохнули на мосту через Чузик в деревне, и продолжили путь до Львовки. Во Львовку мы пришли поздно вечером. Рассказали матери обо всём, и на этом наши путешествия закончились, так как начались занятия в школе.

Отец же жил в острове почти целый месяц. Он переработал всю шишку, которую мы ему натаскали за три дня. Высушил и сдал орех заготовителям. Он рассказывал потом, что после нашего выхода из острова, там появилось много народа, которые тоже пришли на заготовку ореха. Места всем хватило и все тоже хорошо заработали на орехе. Весь заготовленный орех принимали на месте заготовители. Этот орех ссыпали в срубы, которые я описал выше, где он и хранился до зимы. Зимой, после того как промерзнет болото, орех вывозили в Пудино на тракторах. Несколько мешков ореха отец оставил для себя, который хранился в общем амбаре. Таких амбаров я видел там три штуки, ион говорил, что все три были заполнены под самую крышу. Вот такой был урожай на орех в «Фадихином» острове в 1964 году.

Второй раз я попал в Фадихин остров зимой этого же года. В декабре месяце, каким-то образом, отец договорился с Иваном Александровичем Петровским, о совместной поездке в остров за орехом.

Иван Александрович жил в Шерстобитово. С отцом они были вместе в острове на заготовке ореха. Оба они оставили по несколько мешков ореха для собственных нужд. Решили поехать в остров на конях. Кто из заготовителей уже ездил в остров и дорога туда уже была. Я в то время, был дома на каникулах. Отец предложил мне съездить с Петровским в остров за орехом. Я с удовольствием согласился. И вот, я приехал в Шерстобитово к Ивану Александровичу. Здесь мы подготовили двое конных саней. В сани наложили сена, взяли по-

рожние мешки для ореха, и утром следующего дня на двух санных повозках поехали в остров. Погода стояла морозная и мы, закутавшись в огромные тулупы с высокими воротниками, сидя в саях на сене, подергивая вожжи и покрикивая на коней, поплыли по белоснежному ковру в таинственный остров. Надо сказать, что сегодня я понимаю, насколько это было рискованное мероприятие, но в то время я был молодой романтик и с восторгом ждал свидания с этим островом. Сидя в саях, я представлял картину наших действий в острове, хотелось увидеть амбары засыпанные орехом. Эти мечты и скрип полозьев по снегу стали причиной моей дремоты. В теплом тулупе и от однообразности окружающей природы я немного задремал лежа на возу. Моя лошадка, почуввав неуправляемость, постепенно стала снижать темп своего бега, и заметно отстала от впереди идущей повозки Ивана Александровича. Иван Александрович же не интересовался моим положением в нашем караване. Его лошадка была помоложе, порезвее, и он уехал далеко вперед от меня.

Из дремотного состояния я очнулся от удара саней обо что твердое. Очнувшись, я увидел, что мой конь остановился, а сани уперлись полозом в небольшой пенек на обочине. Я быстренько соскочил с саней, плечом отодвинул сани с пенька, взяв вожжи начал дергать их, погоняя коня. Сани благополучно выправились на конный след и я, вскочив на воз, начал погонять коня. Оказывается, мы давно уже въехали в лес, проехав васюганские поля. Дорога петляла между деревьев, надо было управлять конем, чтобы не задеть их оглоблями или полозом. Здесь коня сильно не разгонишь, рискуя наскочить на пенек или деревце. Поэтому я заволновался, что Иван Александрович ждет меня, где то впереди. Мои предположения оправдались, Иван Александрович уже подъехал к кромке болота и поджидал меня. Когда я подъехал к нему, он вылез из саней, подошел ко мне и поинтересовался, почему я задержался. После этого он сказал, что надо немного отдохнуть коням, так как на болоте это сделать будет нельзя. Мы дали коням немного сена, развязав

черезседельники, подкрепились сами кусочком сала и хлеба. Пока кони жевали своё сено, я прошел немного вперед в сторону болота. В лесу санный след хорошо просматривался, а в болоте резко обрывался, как будто здесь никто не был. Ну вот, немного отдохнув, мы поехали дальше. Конь Ивана Александровича, по-прежнему пошел впереди. Выехав на болото, его конь шел по проторенной раньше дороге, хотя её и не было видно. Дорогу он чувствовал ногами. Наступал туда, где был твердый снег. Как только мы выехали на чистое болото, холод сразу же напомнил о себе. Небольшой ветерок гнал поземку и заставлял прятать носы в высокие воротники тулупов. Своего коня я постоянно подгонял, стараясь не отставать от Петровского. Теперь мне уж было не до сна, я всё время смотрел вперед. Пытался определить положение острова на темной полоске горизонта. Но, там было однообразие, и ничего не указывала на признаки острова. Через некоторое время езды по болоту, я увидел, как Иван Александрович выбросил четушку из саней. Оказывается, он уже высосал бутылочку с самогонкой, пытаясь спастись от холода. У меня тоже была бутылка с самогонкой, но я прогонял холод привычным для сибиряков методом. Иногда я соскакивал с саней и бежал за ними, стараясь не упустить их. Таким образом, согрившись, прыгаешь опять в свой возок. Иван же Александрович, по своему возрасту, решал эту проблему другим способом. В этом я убедился окончательно, когда через некоторое время увидел, что следующая четушка полетела в другую сторону дороги. Сколько же их у него? Этот вопрос волновал меня потому, что я боялся, как бы он не запьянел окончательно. В такой ситуации мне пришлось бы нелегко. Кроме того, что надо было сделать работу, здесь нужно было ещё и выжить. Эти мрачные мысли, наверное, и навлекли первое мне испытание. Случилось это уже на второй половине болота. Уже просматривались очертания острова на горизонте. Кое-где, среди снежной пустыни, просматривался санный след впереди нас. Коня наши уже устали. Был сильный мороз. Приходилось оста-

навливаться и освобождать нос у коней от намерзшего снега в их ноздрях. От усталости они шли уже шагом, опустив головы вниз в полудреме. И вот, впереди на санной дороге, из под самого носа коня, резко с криком взлетел ворон, который долбил замерзшую конскую глызу. Конь Ивана Александровича, от внезапного шума ворона, резко отпрыгнул вправо с санной дороги, и сразу же провалился по брюхо в снег. Мой конь тоже остановился. Иван Александрович спрыгнул с саней и вожжами начал подергивать коня пытаюсь направить его на дорогу. Однако его конь был молодой, да, наверное, ещё и испугался, начал резко прыгать в снегу. Но выбраться на дорогу ему не удавалось. Своими резкими движениями, вскоре он пробил мох под снегом и начала появляться вода на снегу. Оставив своего коня, я подошел к Петровскому, и сразу же понял серьезность ситуации. Мало того, что надо было выручать коня из воды в такой мороз, но еще и надо было что-то делать с Иваном Александровичем. Или из того что он был пьян, или из-за испуга, он нещадно лупил своего коня вожжами. Тот, ещё энергичней бился в снежной каше с водой. Вода уже начала переливать через спину коня. Задняя часть его вместе с хвостом и ногами вообще уже ушла в снежную кашу. Я остановил Ивана Александровича и сказал, что надо быстро распрягать коня, пока он не уйдет вообще под воду. Тот согласился со мной, видя неизбежность ситуации, и мы начали распрягать коня. Развязали сначала черезсидельник, потом начали развязывать хомут. Это было сделать труднее, так как супонь была под шеей у коня, да к тому же еще и воде. Сначала Иван Александрович пытался это сделать, потом я, но никто не мог напарить в воде конец супони. Если бы могли его найти, то нужно было бы резко дернуть, и хомут бы развязался. Руки у нас были в воде, и мороз заставлял нас думать решительнее. Было решено разрезать супонь ножом. Иван Александрович выгащил свой нож, передал его мне, и я снова полез руками в воду. Нащупав супонь, я начал пилить её ножом наугад. Раздался щелчок, и хомут был развязан. Иван

Александрович сдернул гужи с дуги, и наш конь был свободен от саней. Начали мы его опять дергать за вожжи, но всё было бесполезно. Он выбрасывал передние ноги вперед, но они тут же проваливались в воду. Нужно было создать каку-то ему опору впереди. Мы решили вывернуть оглобли из саней и положить их перед конем. Это нас и спасло! Он, выбросив ноги на оглобли, подмял их под себя, несколько ещё усилий, и наконец-то, он стал появляться во весь рост. Еще несколько шагов и наш конь стоит на дороге! Вода с него льется ручьем, под брюхом начали замерзать сразу же сосульки, несмотря на то, что от коня шел пар.

Мы набросили свои тулупы на него вверх мехом, пытаюсь согреть его. Пока конь согревался, мы вытащили сани на дорогу, завернули на место оглобли. Привели немного себя в порядок, отскребли снежную кашу с валенок, как могли, согрели и высушили своим дыханье руки. Дальше надо было спасти жизнь свою и животных. Мороз и ветер не щадил никого. Несмотря на то, что на коне были наши тулупы, он начал крупно дрожать. Спасение было только в движении. Костра мы не могли разжечь, так как дров в чистом болоте трудно найти. Кое-как мы запрягли, нашего несчастного коня не снимая с него тулупов, и двинулись дальше к острову. Пока мы возились с конем, самим было не холодно, кроме того, что мерзли голые руки. Когда же мы поехали в санях, да к тому без тулупов, мороз начал залазить за воротник. Сначала я решил было пробежать за санями, но штаны и валенки «стояли колом» от замерзшей воды. Вот и пригодилась мне тут моя заначка! Я откупорил бутылку с самогоном и сделал один глоток. Самогон был очень холодный, и я его с трудом проглотил. Через некоторое время тепло изнутри приятно стало согревать. Самогон был очень крепкий, но действие его было недолгим. Через некоторое время пришлось повторить это действие, и опять результат был приятный. Так до самого острова я и приговорил эту бутылочку. Видел я, что и Иван Александрович согревался этим же. Третья бутылка у него полетела в сторону тоже у самого острова.

И вот, наконец, мы заезжаем в долгожданный остров. Несмотря, на свои проблемы с морозом, я все-таки изумился его красоте. С кромки болота остров смотрелся как большой великан, готовый принять и обогреть нас. Большие, темно-зеленые ветки кедра были покрыты снегом, создавая как бы крышу в огромном доме.

И вот, наконец, мы под сенью этих деревьев. Тепло проявило себя тем что, не надо было отворачивать лицо от ветра, здесь его не было. Кедровые великаны, создавая своими ветвями крышу, задерживали и снег. В бору он был неглубокий. Немного проехав по острову, мы добрались до первого амбара, который и нужен был нам. Быстро разожгли костер, распрягли коней. Соорудили из шестов перекаладины у костра и разложили на них упряжь для просушки. Дали коням сена. После этого занялись собой. Разложили также у костра свои вещи для просушки, поставили чайник на костер. И вот, Иван Александрович, вытащив очередную бутылочку, предложил мне выпить за чудесное наше спасение и прибытие на остров. Я не отказался, выпил кружку самогонки и закусил хорошим куском сала и хлеба. Вскипел чайник и мы, согрешившись и немного отдохнувшие, решили открыть амбар. В бору было уже темно, но свет от костра хорошо освещал амбар. Когда открыли лаз, то увидели, что амбар был заполнен наполовину. Видимо, уже отсюда, орех брали. Иван Александрович выразил желание насыпать орех в амбаре, а я должен был принимать от него мешки с орехом и таскать на сани. Он залез в амбар. Я подал ему порожние мешки, и началась у нас ночная рабочая смена. Он нагребал орех в мешки ладонями, завязывал их и подавал мне через лаз. Я вытаскивал эти мешки и укладывал на сани. Таким образом, мы вытащили десять мешков ореха. Иван Александрович, за то время пока я укладывал очередной мешок на сани, успевал приложиться к бутылочке. Когда же мы закончили эту работу, он уже не стоял на ногах. Присел на орех около лаза и пытался уснуть. Как я его ни уговаривал вылезти и подремать у костра, он ни на что не реаги-

ровал. Я понял, что надо залазить самому в амбар, чтобы вытолкнуть его оттуда. Когда я залез в амбар, то убедился в том, что вылезти оттуда не очень-то легко. Орех под ногами рассыпался, они разъезжались, и тело теряло опору. Пришлось отгребать орех от лаза до дна. Потом я разбудил Ивана Александровича и начал выгалкивать его через лаз. Он был очень тяжёлым, и практически ничем мне не помогал. Несколько раз я падал вместе с ним обратно на орех, но потом он или, проснувшись, или протрезвев, начал сам карабкаться. После того, как он стал мне на плечи ногами, и я, поднявшись на ноги, поднял его в отверстие лаза. Он ухватился за края лаза руками, и наконец-то вывалился наружу. Пришла моя очередь вылезать из амбара. Тут я понял, что тоже не смогу выбраться самостоятельно, из-за усталости и высоты до лаза. Я крикнул Ивану Александровичу, что бы он бросил мне вожжи. Он, видимо уже сам понял, что надо мне помочь. Он перекинул вожжи через лаз, и начал тянуть меня. Так двойными усилиями, я освободился от плена. Когда вылез из амбара, я увидел, что наш костер догорает, а дров поблизости не было. Я взял топор и пошел за дровами. Ивана же Александровича ничего не волновало. Он откупорил очередную бутылочку, присев у догорающего костра, и приложился к ней из горла. Я нарубил первых попавшихся на пути сучков, притащил и подбросил их в костер. Сразу же стало веселее, эти сучки были смоляные корневища упавшего кедра. Весело заиграло пламя, и появилась возможность у нас отдохнуть и погреться у костра. Мы оба, сидя у костра, незаметно впали в дрему и от его тепла уснули крепким сном. Проснулся я от того, что холод начал щипать нос. Оказалось, что костер наш опять прогорел. Я хотел было идти снова за сучками, но Иван Александрович опередил меня, он уже тащил их от свалившегося кедра. Когда костер заиграл огнем, мы внезапно ощутили, что ночь кончилась. Небо, между лохматых сучков, уже было светло-синим. Нужно было собираться в дорогу домой. Задали мы нашим коням овса понемногу, еще раз попили чаю сами,

и начали увязывать свои возки. В каждом санях было по пять мешков ореха, наши рюкзаки, топор, тулуп и немного сена. Все это обвязали веревками, закрепив их за отводины саней. Запрягли коней, и двинулись в обратный путь. Обратная дорога у нас была без приключений. Мы благополучно проехали, то место на болоте где, чуть не утопили коня, заехали в лес на домашней стороне, и вскоре были уже в Шерстобитово. Остановились мы у Ивана Александровича, распрягли лошадей. Перетаскали мешки с орехом в сени его дома. Было время уже позднего вечера, и Иван Александрович выделил мне место для ночлега на русской печке. Место это было мне знакомо, так как до Петровских, наша семья некоторое время жила в этом доме. Я отказался от ужина и залез на печку. Вскоре я пригрелся и уснул счастливым сном, чувствуя себя как дома. Сны у меня были фантастические! Я всё еще бродил по острову, закидывал голову вверх, рассматривая верхушки деревьев. Каждая вершина кедра приветливо мне покачивала своими ветвями, на которых гроздьями висели крупные шишки. Подсматривал я за семьей медведей, которые лазали по упавшему кедру, представляя картину Шишкина «Три медведя». Видел я и бескрайние, белоснежные просторы Васюганского болота. Наблюдая за поземкой, задавал себе вопрос во сне, куда же несется этот снег? Вот такие детские картинки все еще снились мне. Утром меня разбудили громкие голоса в доме. Оказывается за мной заехал Яков Антонович Фрумусати. Он уже загрузил один мешок ореха в сани и ждал, когда я проснусь, что бы доставить меня во Львовку. Он был хороший наш знакомый и попутно довез меня домой. Оставшиеся четыре мешка ореха, отец потом сдал заготовителям и получил за них хорошие по тем временам деньги. Вот так и закончилось моё знакомство с удивительным, изумрудным островом Фадиха. С тех пор я больше там не бывал, и ничего не знаю о дальнейшей его судьбе. Кто-то из охотников говорил, что остров погибает постепенно, помогает ему в этом наша цивилизация. В остров ходит вездеходная техни-

ка, нарезая глубокие колеи. Летают низко над вершинами кедра вертолеты, пытаясь сбить струей ветра от лопастей шишки. От этого ломаются верхушки деревьев, и кедр начинает сохнуть. Говорили, что там была установлена пило-рама, на которой изготавливали пиломатериалы из кедра. Однако, всё это слухи, и я конкретно это не утверждаю, так как источники не достоверны. Жаль, конечно, что это если так. Такой остров нужно было бы сохранить как памятник природы. Это чудо Господня надо защищать всем миром, что бы и наши внуки могли этим восхищаться! Так устроена наша Сибирь-матушка, всё сокровенное она скрывает в своей недоступности. Вот такие параллельные уникальности!

Уникальные островки памяти в моём, ещё здоровом мозгу, уникальные природные островки с уникальными кедром среди бескрайнего болота нашей Сибири.

В начале моего рассказа, я упоминал об еще одном чуде природы в необъятном Васюганском болоте. Хранит моя память уникальность, и такой же островок среди болота еще одно чудо природы.

Это озеро «Щучье» в 28 километрах на юг от с. Львовка. Точнее, там два озера, одно маленькое и большое. Они находятся рядом друг от друга. Эти озера находятся на пути, когда то существовавшем от Львовки до Горемычки. Во времена переселения кулаков в ссылку и до последних колхозов, по этой дороге в летнее время носили почту из-за болота. В зимнее время ездили на лошадях по своим надобностям на большую землю. Так вот, это озеро расположено среди Васюганского болота. С восточной стороны у него высокие торфяные берега, на которых растут карликовые сосенки. Южный берег пологий, и вода выходит на болото. Остальные берега заросли мелким карагайником. Назвали озеро «Щучьим», потому, что в нем водилась рыба щука. Другой там никто не добывал. Жители с. Львовка постоянно ходили на это озеро и ловили там щук. Щуки там ловились огромные. Рассказывали, что такие щуки питались утятами и другими водоплавающими зверьками.

Так вот! Я бывал на этом озере несколько раз. Ходили с рюкзаками по несколько человек летом, когда жара, да пауты. Под ногами мох и вода, а сверху солнце, назойливые мухи, да пот. Однако, охота «пуще неволи», и трудности не помеха.

В сапогах трудно идти, так мы приспособивались ходить в плетенках. Какие бы сапоги ни надевали, ноги все равно были мокрыми, если не от воды, то от пота. Поэтому, надевали сандалии с носком, и шагали прямо по болоту и воде. Идти было легко.

Ездили на технике весной, пока еще не растаяло болото.

Вот про такую поездку я и расскажу. В то время я работал управляющим отделения совхоза. Компания охотников и рыболовов уговорили меня поехать на озеро. Мы снарядили трактор ДТ-74 с саями и на майские праздники отправились на рыбалку. Погода стояла самая подходящая. Снег уже почти весь сошел, но земля ещё не протаяла. Тоже, самое было и на болоте. Сверху мха была вода, а внизу мерзлота, которая хорошо держала трактор с саями. Трактор весело бежал по болоту, пощелкивая чистыми башмаками гусеницы. Сзади образовывался след от деревянных полозьев саней.

В некоторых местах след окрашивался в красный цвет. Оказывается, красный цвет был от раздавленной клюквы, по которой мы невольно проезжали. В таких местах мы останавливались, что бы полакомится клюквой и оценить её запасы и площадь.

Всегда попадались такие места, что клюквы было очень много. Мы разбредались по болоту, вокруг саней собирая, и бросая её пригорщнями в рот. Клюквы было так много, что можно было её собирать, но у нас была другая цель. Насытившись, ягодами мы с сожалением, что надо было ехать дальше, собирались на саях и продолжали путь к озеру.

К озеру, из-за таких задержек, мы подъехали ближе к вечеру. Пока заготавливали дрова для костра, устраивали место для ночлега, солнце успело спрятаться за горизонтом, и наступила темнота. Весело затрещал костер, закипел

чайник, и все принялись развязывать рюкзаки, вытаскивая съестное. Подкрепившись, традиционным для такого места ужином, стаканом водки, хлебом да салом, да кружкой чая с сахаром, завели разговоры о предстоящих делах здесь.

Решили, завтра разделится на две бригады. Одни займутся охотой и рыбалкой, а другие будут готовить лес для избушки. Избушку мечтали давно здесь поставить, так как приходилось часто ночевать на озере. У костра же это было не очень-то комфортно. Когда решили этот вопрос, кое-кто еще добавил в себя «огненной воды», кто-то еще по-смаковал горячего чаю, и все начали укладываться спать. Некоторые мужики уснули сразу, а другие в полголоса обменивались друг с другом рассказами о своих удачах на этом озере. Постепенно зашел разговор о другом озере - «Карасевом», которое в пяти километрах на восток от «Щучьего». Иван Пассаженников говорил, что он был там, но карасей не наловил, так как была плохая погода. Вообще же карась на этом озере любит тишину, и при любом неестественном шуме для озера, сразу же зарывается в ил.

Это подтвердил Семен Богачев. Он начал рассказывать, что ходил на озеро с Андреем Дмитриевичем Булатовым. Когда они пришли на озеро, Дмитриевич сразу же предупредил его, чтобы не было шума, «иначе мы ничего не поймаем» сказал он.

На этом озере раньше рыбачил отец Булатова, и Андрей всё об этом озере знал из его рассказов. Семен сказал, что они хорошо поймали карасей только один раз. Очень осторожно они поставили сети с берега. В этих сетях сразу напутались «жёлтые лапти». Выпутали больше мешка карасей. Потом решили поставить оставшиеся сети. Начали рубить березки для тычек, и этим шумом распугали карасей. Поставили сети, и сколько раз ни проверяли, карась в сети не шел. Просидели целый день, но карась больше не ловился. На этом их рыбалка и закончилась. Андрей сказал, что здесь больше делать нечего, карась зарылся в ил.

Рассказал он Семену, что здесь рыбачил его отец во время ссылки. Рыбачил он в основном корчагами, от которых

шума не было. Это было еще удобно и тем, что в корчагах рыба сидела как в садках и не засыпала долгое время. По мере сил он брал столько рыбы, сколько можно было унести на другую сторону болота. Там он продавал её местным жителям и возвращался за новой порцией, и так всё лето. Потом вытаскивал корчаги из озера и приходил домой с деньгами, на которые они жили семьей всю зиму. В один из таких годов отца долго ждали домой, но его все не было и не было. Андрей решил пойти к нему и узнать, почему его так долго нет.

Когда он пришел на озеро, то там отца не обнаружил. Он решил пойти дальше в сторону «большой земли». Через несколько километров он увидел стаю воронья. Оказалось, что воронье было здесь не зря. Андрей увидел своего отца бездыханным и безденежным. По его предположению его убили и ограбили те, кто знал, что у него есть деньги. Андрей похоронил своего отца прямо на болоте и поставил на его могиле православный крест. Этот крест стоит на середине болота, на полпути от Львовки до Горемычки, и называется «Булатовский крест».

Так вот время за рассказами перевалило за полночь. Очистилось небо от облаков, и прямо над нами появилась «желтоглазая». Сразу же всё преобразилось, появились причудливые тени от невысоких сосенок, послышались непривычные для нашего уха звуки.

Особенно беспокоили, какие-то жуткие звуки, неизвестные мне. Сначала раздавался, какой-то хохот неизвестного существа, потом звук, похожий на плачь ребенка. И так всю ночь до утра.

Утром я спросил у Ивана, что это за зверь всю ночь орал около нас? Он засмеялся и ответил: «Ты что, не знаешь? Это же куропатка. Она сейчас линяет и в это время у них ток. Самцы сидят на сосенках вокруг озера и соревнуются в песнопениях». Я решил проверить его слова. Нашел сосенку повыше всех остальных и не без труда забрался на неё. Сразу же увидел этих самых куропаток. Они действи-

тельно сидели на высоте около метра от земли, и их было так много, что я сбился со счета. Потом начал осматривать окрестности подальше. Вдали заметил, какие-то белые пятна. Сначала я подумал, что это бугорки ещё не растаявшего снега, но почему то кроме этих бугорков других нигде не было. Иван пошутил на мой вопрос: «Как ты думаешь, что это такое?». Он ответил мне: «Это, наверное, ступени от космической ракеты, которые часто здесь падают». Об этом я знал и почти уже согласился с ним, но вдруг увидел, что эти белые пятна передвигаются. Я сказал об этом Ивану и он ответил мне, что это дикие олени, наверное. Хорошо присмотревшись, я действительно увидел, что это олени. Белые пятна это был их зад и задние ноги. Вот такой у них окрас оказывается!

Ну что! Естественно, охотничий азарт заиграл в нашем воображении, и мы с Иваном пошли охотиться на оленей. После того, как вышли мы из карагайника на чистое болото, мы почти сразу же различили их в полукилометре от нас. Решили подходить к ним с двух сторон. Я пошел к ним с южной стороны, а Иван пошел в засаду. Я должен был направить оленей на него. Метров за 300 от меня олени начали беспокоиться, часто поднимали голову и смотрели в мою сторону, перебегая с место на место. Я маскировался как мог, но при первом же моём шаге в их сторону они настораживались. Тогда я понял, что они чувствуют мой запах, так как ветер идет от меня на них. Я решил переменить свою тактику и зайти на них против ветра. Для этого я должен был обойти их с южной стороны. Через некоторое время мне это удалось, и я стал подкрадываться к ним. Олени не вызывали беспокойства и наклонивши голову что то грызли во мху. Устроившись на небольшой кочке, я открыл огонь по ним из тозовки. Расстояние было метров двести, двести пятьдесят. Животных было семь штук. Стрелял я по трем ближайшим ко мне, и лишь один однажды вздрогнул от моего выстрела. Я предполагаю что, видимо пуля задела его немного. После второго выстрела он побежал вкруг

стада и остановился, глядя в мою сторону. После третьего выстрела всё стадо вдруг сорвалось со своего места и побежало в сторону засады Ивана. Через некоторое время я услышал и увидел выстрел из ружья Ивана. Однако все стадо продолжало бежать и вскоре потерялось из вида. Я подошел к Ивану, и он сказал мне, что один олень ранен. Мы с ним прошли несколько сот метров по следу, но ничего не заметили, да и олени убежали очень далеко от нас. Мы решили вернуться к озеру. Был уже полдень, солнце повесенному припекало. На озере лежал ещё лед, по которому можно было ходить. У берегов озера были закраины чистой воды около метра. В некоторых места меньше, поэтому мы свободно перепрыгнули с берега на лед и пошли по льду озера в сторону своего лагеря. В небе над нами творилось, что-то невообразимое. Всё пространство в небе над озером было заполнено птицами. Птицы водили, только им понятный, хоровод высоко в небе. На разных эшелонах в небе находились утки разных пород; крякаши, чирки, гоголь, гуси, несколько лебедей, кулички, вальдшнепы, чайки и другие мелкие птицы. Каждая порода этих птиц издавала свой голоса. Песни это были, или восторги от радости, мне неизвестно, но настроение от этого было у нас тоже как у птицы, парящей в небе. Мы, задрав головы, наблюдали за этой картиной, которую нигде больше не посмотришь. Солнце, тепло, лед под ногами, над головой птичья карусель, и мы двое на льдине огромного озера. Сказочная картинка! Жаль, что нечем было зафиксировать всё это. Думаю, загадочный был бы снимок из космоса. Среди однообразной болотной пустыни, белое пятно озера, а на нем две человеческие фигуры. Да, но это всё из области фантазии. В самом деле, мы были не одни здесь. На берегу с северной стороны нас ожидали остальные мужики нашей компании. Пока мы занимались охотой, они заготавливали лес для будущей избушки. Сосенки здесь были невысокие. Бревна получались не более трех метров. Такие бревна назывались сутунками, их было уже заготовлено достаточно, но они были разбро-

саны на большом расстоянии друг от друга. Их надо было собрать в одном месте. Общими усилиями, всей команды мы стаскали на плечах этот лес в один штабель. Хотели, было отправиться домой, но было уже поздно, и решили переночевать еще одну ночь.

Рыбаки наши тоже ничего не поймали. Походили по закрайкам, побросали блесенки, но ни у кого не было ни одной поклевки.

Кто-то из мужиков сказал, что здесь недалеко есть косачинный ток. Можно будет утром сходить пострелять.

Особо желающих никого не оказалось, и я решил сходить один утром. Сказал об этом Ивану. Он сказал, что касач на ток прилетает в четыре часа утра. Так что, на току надо быть до их прилета. Точного места токовища я не знал, но вечернюю тягу слышал и засек направление.

В два часа ночи, я проснулся и решил идти на ток.

Ночь стояла ясная тихая, и морозная. Ярко светила луна, сосенки отбрасывали свои недлинные тени на ещё не растаявший вокруг их снежок. Когда я двинулся в путь, то этот снег под ногами так зашелестел, что разбудил нескольких охотников. Кто-то спросил: «Георгиевич, ты куда?» Я ответил «...на ток». «Ты чё, ночью то, утром надо...». «Ладно спите, я пойду. Утром рано поедем домой». Вот так и не получилось у меня уйти незамеченным. Да ещё и был вопрос «куда пошел», а это плохая охотничья примета. Если тебе задают такой вопрос перед выходом на охоту, обычно охотник на это отвечает матерком и плюет под ноги. Но я промолчал, и стал удаляться от стана, стараясь находить место для сапога, где бы снег был мелкий. Как бы я ни выбирал путь, снег так громко хрустел под ногами, что я начал сомневаться в своей затее. В лесу стояла такая тишина, как будто всё вокруг вымерло. Неслышно было и вчерашних куropаток со своим жутким хохотом и стоном. Скорее всего, они убралась от нашего присутствия подальше. Отступать мне было некуда, и я продолжал путь.

Километра через два от стана, сосны стали покрупней, и повыше. Еще немного прошел, и... лес начал редеть. Впереди проглядывалась какая-то «чистинка». Когда я вышел на неё, то увидел на снегу следы птиц. Я решил, что это и есть ток тетеревов. Отойдя немного назад, я нашел сухую валежку, за которой решил устроить себе шалашик. Наломал немного веток сосны, набросал их на снег, несколько веток воткнул в снег перед валежиной, что бы спрятаться от птиц. Тут я и решил сидеть до утра, надеясь на удачу.

Луна уже светила не так ярко, тени от деревьев становились все длиннее, отчего на полянке появилась темнота. Не знаю, сколько времени прошло, но первыми, задолго до рассвета подали голос чайки, где то в стороне озера. Скорее всего, кто-то их потревожил. Крик их был короткий: «чи вы, чи вы, кра..а» И сразу затихли, словно постеснявшись что рано проснулись.

Тем не менее, я оживился от ночной дремоты и стал напрягать слух и зрение. Как бы я ни напрягался, тишина стояла взвездная. Я посмотрел на небо и увидел, что один кусочек небосклона становится чуть светлее, и в это время как то внезапно проблеял бекас над озером. И опять тишина! Я начал присматриваться к полянке, в надежде определить, куда же прилетят косачи? Однако поляна была в такой темноте, что я не различал даже её границ. Прошло ещё, какое-то время, и вот, я услышал шум садящихся птиц. Их было несколько в разных местах полянки. Они садились на снег. Это я понял по тому, как шелестел снег от их лап и крыльев. Несколько мгновений тишина, нарушаемая лишь подлетом запоздалых участников боя. Небо начинает светлеть, полянка определилась в своих границах, но все равно по краям еще темновато. Вдруг робкое бормотание токовика напрягло мой слух и зрение. После этого продолжительное шипение, с каким-то клотканием, и на середине полянки появились темные комочки, которые забегали друг за другом, с каким-то пеннием или шипением, не понять. Или от того, что я напрягал свое зрение, или от того, что рассвет делал своё дело, я начал различать на

нижних сучках сосен самок. Тетерки сидели на сучках вокруг полянки и наблюдали за происходящим. На поляне же, уже вовсю, шел бой. Несколько пар петухов, расправив крылья и чиркая ими снег под ногами, наскакивали друг на друга и отпрыгивали на безопасное расстояние. Вся красота этой птицы состояла в их расцветке. Сочетание черного, красного цвета и зеленоватого отлива перьев крыла придавали им бойцовский вид и торжественность события. Кроме этого, распушенный хвост, как у павлина, с высоко загнутыми крайними перьями, выдавали их за бойцов особо рода. Воинствующих самцов было три пары. В основном они ходили вокруг друг друга, устрашающе шипели и редко атаковали. Если кто делал выпад, то противник обычно почти сразу же бочком, бочком отходил в сторонку. На его место подлетал молодой боец, и всё начиналось сначала. Постепенно поле боя пустело, и вот осталась только одна пара. Я так увлекся созерцанием этой картины, что напрочь забыл о своей тозовке. Однако, когда увидел, что птиц становится всё меньше и меньше, я вспомнил, что нахожусь на охоте. Я потянулся было за винтовкой, но тут, предательски, сломался сухой сучок на валежине, о которую я опирался. Раздался резкий щелчок и всё вокруг зашумело. Все участники и зрители весеннего боя резко поднялись в воздух и с шумом удалились в неизвестном направлении. Вот и сработала нехорошая примета, с которой меня направили на охоту! Надо было всё же, послать, кого ни будь подальше. Так и пошел я без трофея, так и закончилась моя охота.

Встряхнувшись от волшебной картины, я очутился в реальном мире. Сразу же появились, привычные для уха звуки, этого места. В стороне озера перекликались кулички, в небе блял бекас, где то кричали чайки. Я поднялся со своего насиженного места и направился в сторону лагеря. Направление его уже было понятно, там уже охотники проснулись, и слышен был обычный шум человеческого присутствия. Когда я подошёл к нашему стану, все уже проснулись и суетились около тракторных саней. Оказывается, было решено

уезжать с утра пораньше. Мужики, раздосадованные неудачной рыбалкой на озере, решили ехать в Лавровку, на речку Чижапка. Затрещал пускач трактора, нарушая все озерные звуки, все уселись на сани, и Сёмка Богачев, врубив передачу, дал полный газ.

Опять защёлкали башмаки гусениц, и наши сани поплыли плавно по болоту домой. Ощущение у всех было, какое то грустное, все сидевшие в санях смотрели назад в сторону озера, а не в домашнюю. Жалко было, конечно, мало здесь побыли, но мы знали, что ещё вернемся сюда. Домой приехали в обед.

Договорились, что завтра рано утром выезжаем в этом же составе в Лавровку. Добавится к нам Михаил Собакин. У него в Лавровке стоит дом, где можно будет нам ночевать. Кроме этого у него есть ловушки, необходимые для ловли рыбы в речке и в это время. Здесь следует сказать, что весной рыба в сибирских речках очень рано поднимается на нерест. Такое событие используют рыбозаводы, которые устраивают атарменный лов. Такое используют и рыбаки любители.

На следующий день, день отправки в Лавровку, ранее отправление у нас не получилось. Утром, Семен уже подогнал трактор к конторе, но никого еще не было.

Мужики еще не подошли по нескольким причинам. Майские праздники для кого-то были праздниками, а для кого-то днями для подготовки к весенним работам на огороде. Кто-то спал еще, после вчерашнего возлияния, кто-то успевал сложить грядку из навоза для огурцов, кто-то вытаскивал картошку из погреба на семена.

Такие майские дни для деревни обычное дело.

Первым подошел Михаил Собакин. Он попросил, чтобы трактор с санями подогнали к его дому. Нужно было погрузить его вещи. Мы с Семеном сели в трактор и поехали по деревне к дому Собакина. Народ в деревне услышал ранее тарахтение трактора и к дому Собакина стали подходить наши участники экспедиции.

В общем, мы отправились в путь уже в одиннадцать часов утра. Поехали мы по шерстобитовской дороге. Не доезжая «Трофимовки» свернули налево, и поехали в сторону «Горелой крышки». После этого выехали на болото. Благополучно, как в прошлый раз проехали болото, и заехали на лавровскую сторону. Здесь дорога шла в основном по березовым местам. На пути встречались глубокие лога, но весенней воды в них ещё не было. В Лавровку мы подъехали уже вечером. Дом Собакина стоял на берегу речки Чижалка. Сразу все пошли к речке. Чижалка была уже полая, хотя и зимой льда на ней мало, так в её русле много ключей.

Начали разгружать сани, а Михаил решил, успеть до темноты, поставить в речку фитиль. Он надеялся, что хоть немного попадет рыбы для вечерней ухи. После того как все дела по устройству были решены, я пошел посмотреть ловушку. Когда хотел вытащить фитиль из воды, то увидел, что он был полностью забит рыбой. Я вернулся в дом и сообщил мужикам об этом. Все пошли на берег, и началась у нас ночная работа по ловле рыбы. Несколько человек вытаскивали фитиль, зайдя по колено в воду, с тем расчетом, чтобы не испортить ловушку от тяжести рыбы. Фитиль был старинный с кольцами из прутьев черемухи, и его, практически не вытаскивали, а выкатывали боком из воды. Пока выгружали рыбу из фитиля, Михаил сходил в дом за вторым фитилем и поставил его ниже по течению от первого на пятьдесят метров. И вот, началось! Когда освободили первый фитиль и снова поставили его на место, то второй фитиль уже был полный. Освободили второй фитиль, первый опять был полный. Не все еще мужики успели поужинать с вечера, поэтому с ночной работы отпускали по одному в дом, что бы попить чаю. И так всю ночь до утра! Ближе к утру поставили еще один, третий фитиль. Самое интересное было то, как шла рыба, будто кто-то её сортировал по породам. Сначала шёл чебак, потом пошел подъязок, потом появились окунь, щука. Утром пошел елец. И вот к обеду работы у нас поубавилось, фитили были полупустыми, и

вскоре ход рыбы прекратился совсем. Несколько мужиков пошли по берегу речки с ботами, в надежде поугорать рыбу от берега, но всё было напрасно, рыбы больше не было. Вот так бывает! Успели мы на ход рыбы! А если бы не поставили ловушки вечером, опять бы были без рыбы. Все сокрушались потом, зачем мы поехали на озеро. Надо было ехать сразу в Лавровку. Однако горевать, нам было не о чём. За одну ночь мы поймали столько рыбы, что каждому досталось по несколько мешков. Всю рыбу мы таскали в снег, который сохранился еще под берегом речки. После того как рыба не стала идти в ловушки, все, наконец то отправились на отдых в дом Михаила. Пожевали, попили чаю, и дружно повалились на нары спать.

На следующий день проснулись все рано, и сразу же пошли затаривать рыбу в мешки. Рыба за ночь немного подмерзла, и было удобно засыпать её в мешки. Потом загрузили мешки в сани, перекусив вчерашней ухой, отправились домой. Во Львовку мы приехали как раз девятого мая, в день Победы. Дома нас встречали тоже как победителей. Так что праздник отмечали с хорошей закуской. Вот такая была весна моей молодости.

Ну, а на озеро Щучье, мы ходили и ездили еще ни один раз.

Помню, что как-то раз в июне месяце, пошли туда пешком. Кто-то додумался на болоте поменять сапоги на босножки. Вода была теплая, и в босножках было идти легко. Жара стояла изнурительная. На болоте не было ветра, на который мы надеялись, когда шли по лесу. Комары, слепец и мухи загрызали наши руки и уши. Когда дошли до озера, почти все сразу же попрыгали в прохладную озерную воду, смывая с себя пот и кровь трудного пути. В то время на берегу озера стоял уже вагончик, который оставила сейсмопартия. Вагончик был пригоден для жилья, там была круглая печка, были двери и нары. Так что нужды в другом жилье на озере уже не было. Наш лес, который мы готовили весной, уже никому был не нужен. К тому же он начал уже портиться,

так как был не ошкурен. Можно было его использовать на дрова. Время уже подходило к вечеру, и мы сразу же начали блеснить по берегу. Щука хорошо хватала, но была не крупная. Увлечшись рыбалкой, мы растянулись по берегу озера, далеко от балка. Подходило время возвращаться на место ночлега. Пока мы возвращались, наступила темнота. В балке растопили печку, и от огня в ней немного стало светло. Фонариков ни кого не было, свечек тоже в балке не нашли. Нашли мы небольшой лист железа и из него сделали жаровню. На этот лист положили приготовленную щуку, залили её растительным маслом и поставили на печь. В балке вкусно запахло жареной рыбкой. И вот в темноте, мы голыми руками, выбирая себе кусок жареной рыбы, наслаждались вкусом своего труда. Жареной рыбы было много, все наелись, и на листе осталось на утро ещё несколько рыбин.

Тут же вскипятили себе чай в чайнике, который нашли в балке, попили, и с наслаждением расположились на палатках. Утром следующего дня проснувшись, мы обнаружили на берегу озера, недалеко от балка деревянный баркас с двумя веслами. Это уже было интересно, так можно было ловить щук в разных местах озера. Естественно, мы воспользовались этой возможностью, и вот двое рыбаков отправились в круиз вокруг озера на этом «корабле». Один гребет веслами, а второй сидит на корме и держит блесну. Красота! Сидишь себе спокойно в лодке и с нетерпением ждешь, когда дернется леска. И вот первый рывок лески, да такой, что было больно рукам. Щука намертво заглотила блесну! Леска у нас была толстая, и мы вдвоем начали подтаскивать щуку к лодке. Это была непростая задача, вытащить щуку в лодку. Когда она подходила к борту лодки, то активизировалась и подныривала под лодку, появляясь у другого борта. Мы уже видели эту щуку в воде, для нас она казалась огромной. Долго мы с ней возились. Наконец, она уставшая, спокойно подошла к корме лодки, и мы в четыре руки подхватив её, вытащили в лодку. Щука оказалась килограмм пять, шесть. Таких щук, мы ещё здесь не ловили. В лодке щука начала бить хвостом.

Мы, из-за боязни, что она может выпрыгнуть из лодки, перерезали ей лен. Поплыли дальше. Дальше попала еще щучка килограмма на два. Потом пошли травянки по полкило. Потом снова поклевка крупной рыбины. Вытащили опять с возней, щуку килограмма на три. Ну, а потом! Заглотил нашу блесну, какой-то «крокодил»! Леска так резала руки, что приходилось её наматывать на локоть. Описывать эту борьбу, у меня не найдется слов. Да и конец её был плачевный! В конце концов, оборвалась наша леска вместе со щучкой, почти полностью весь моток, у самых руках. Так и ушел наш «крокодил» в темные воды озера с длинным поводком и блесной. После этого решили вернуться мы к балку, так как рыбачить нам было нечем. Самое интересное здесь то, что все щуки так намертво заглатывали блесну, что опасаться схода её не было причин. Половил я еще щук с берега. Хорошо попадались! Мужики еще несколько раз заплывали на баркасе и у всех щука хорошо брала. К вечеру все уже хорошо поймали и решили рыбалку прекратить, так как много рыбы домой не унесешь. Все стали потрошить щук и солить солью. Соль каждый приносил с собой. Переночевали мы ещё одну ночь в балке и утром отправились домой с рюкзаками полными соленой рыбы. Так и закончился этот поход.

Думаю и закончить своё повествование на этом об красотах Васюганского края, Теперь его зовут ещё и Край Кедровый. Так стали называть это место по городу, который построили в пудинском бору. Если получится, расскажу, как-нибудь и об этом. Ну вот, и похвалился я своим болотом. Каждый кулик хвалит своё болото. Болото же это засо-сало меня на всю жизнь. Здесь я родился, здесь живу. Этим и горжусь!

Удивительная все же эта штука – жизнь! Всё, что случается с тобой в её течении. бывает только в единичном экземпляре. Все чему ты изумлялся, уже невозможно повторить, как бы ты ни хотел. Только память человеческая может всё восстановить до мельчайших деталей, только при определенных условиях, посетивших меня в начале рассказа.

Каждый день жизни человека, всегда единственный миг, других похожих дней друг на друга не бывает.

И этот день надо прожить, запомнив каждое его мгновение. Возможно, кому - то из моих близких, или земляков будет интересен этот миг моей жизни.

ЗИМОВЬЕ В ЗЕЛЁНОЙ ДОЛИНЕ

Зима в восемнадцатом году выдалась у нас снежной и морозной.

Мне приходилось почти каждый день ходить в Зеленую Долину и протапливать баню, так как там была подведена вода. До Нового года, я ездил на троллейбусе до конечной остановки, а дальше шел пешком через поле к поселку Зеленая Долина. Сначала дорога через поле была прочищена от снега бульдозером для легковых машин. По ней легко было ходить, да и расстояние было небольшое, около двух километров. После Нового года начались метели и морозы. Дорогу задуло снегом, но многие жители поселка, как и я, ходили по-прежнему в поселок и натоптали тропинку. Такие путешествия были удобны, полезны и интересны. Удобно тем, что в любое время можно было добраться городским транспортом туда и обратно. Полезно тем, что ходьба пешком необходима для здоровья. Интересно тем, что природа, наша сибирская, прекрасна лесами и снежными полями, а так же дикой живностью в них. Впрочем, не только дикой, но и домашними (бродячими) животными на окраине города.

На конечной остановке троллейбуса живет большая стая бродячих собак. Рядом с остановкой находятся два больших предприятия, в которых есть столовые, вот здесь эти собаки и кормятся отходами от столовых. Многие работники этих

предприятий подкармливают этих собак. Подкармливаю и я двух собачек, которые живут отдельно от большой стаи. Назвал я их «Бурый» и «Шавка». «Бурый» большой пес смешанной породы лайки и овчарки черно-коричневого цвета, а «Шавка» небольшая дворняжка черного цвета с обрубленным хвостом.

Живут они в подворотне небольшого завода по производству тротуарной плитки. Когда я прохожу мимо, я кричу «Бурый, вы где?» они тут же вылезают из под ворот и виляя хвостом бегут навстречу мне. Если голодны, то Бурый хватает меня зубами за рукав, а если сыты, то просто бегут некоторое расстояние рядом. Бурый сильный пес и часто объедает Шавку. Я обычно еду раскладываю им на снегу в две кучки, но Бурый успевает там и тут. Шавка же, если Бурый отогнал его от одной кучки ко второй уже не подбегает, и это меня удивляет - почему он такой тупой?

Бурый однажды проводил меня до троллейбуса. Троллейбус стоял с открытыми дверями, рядом стояла контролер и курила. Я вошел в дверь и Бурый тоже пытался проскочить туда же, но контролер его не пустила.

Очень голодны были собачки в Новогодние дни. Предприятия не работали, рабочие не ходили на работу. Был сильный мороз! Я тоже редко появлялся на этой дорожке, было очень жалко их! Всегда приносил им чегонибудь.

Зато после Новогодних праздников народ начал таскать из дома остатки своей праздничной трапезы и щедро угощать эту живность. Моя еда уже не устраивала их, понюхав мои кучки, они отходили и помахивая хвостом провожали меня до поселка. Вот такие у меня друзья!

Чудеса природы постоянно меня восхищают! Весь декабрь месяц, лес стоял у нас в снежных кружевах. Особенно красивы были в этом наряде плакучие березы! Мелкий кустарник то же выглядел красиво. На усадьбе у меня стоит сосенка, такая красавица, что и наряжать её к празднику не надо было! Казалось бы, что можно сделать одним белым цветом? Оказывается можно творить такое, что глаз невоз-

можно отвести! Чистейшее белое поле – всё в изумрудных блестках снежинок, сверкающих в солнечном свете! На поле стоят могучие березы распустив свои ветви как рукова, наряженные снежными кружевами. В отдалении стена леса, так же разрисована белой краской, как бы несколькими взмахами кисти великого художника. Ну как тут не восхищаться! Всё это в живую стоит у тебя перед глазами, и ни надо никаких картин на полотне! Да и вряд ли, какой бы ни великий был художник, мог бы сотворить такое! Чувство возвышенности, принадлежности к такой природе, и настоящего придает гордость, что живу в таком краю и сам являюсь настоящим сибиряком!

Вот такой уж я «законченный чудака».

Несмотря на близость к городу, здесь такое обилие диких зверьков, что и не в каждой тайге такое можно встретить! Вдоль натоптанной тропинки людьми, можно встретить следы лисицы, зайца, горностая и даже соболя!

В один из дней моего путешествия, я в живую увидел горностая. Надо сказать, что впервые за свою жизнь! Много раз я видел его следы в тайге, но ни разу не добывал на охоте и не встречал его там. А тут, вот он! Немного в отдалении от тропинки, прогибая спинку, неторопливо прыгает зверек в белой шубке. Сначала я не мог определить, что это за зверёк, подумал - было, что это ласка! Однако, присмотревшись, увидел длинный хвостик с черной кисточкой и ушки, кончики их тоже были черненькими. Впрочем с моим зрением и стремительностью этого зверка, я мог чтонибудь и напутать. Посмотрел на его следы и решил, что это горноста́й. Несмотря на видимую его неспешность, он вскоре потерялся из поля моего зрения. Вот такая встреча была у меня здесь!

Много раз встречается след лисицы. Зайцев очень много! В нескольких местах натоптаны заячьи тропы. Для охотника это уже примета в том, что можно здесь поставить ловушку.

Вот про это я и рассказал дома внучке. Про зайчиков!!!

«Наверное, поставлю я ловушку на зайчиков, уж больно много их здесь бегает!» начал я ей говорить. «Деда, а зачем тебе зайчик, тебе что от него шерсть нужна?» спрашивает внучка. «Нет, не нужна мне шерсть от него» отвечаю я. «А зачем тогда он тебе?» спрашивает она. «Поймаю и буду кормить его морковкой и сеном, а то надоела ему одна горькая осина, наверное!» говорю ей. «Нет, деда не нужна ему твоя морковка и сено. Ему нужна воля, чистое поле и много снега» - возразила она мне.

«Ну ладно, не буду ставить ловушку на зайчика, пускай бегает на своей воле»- согласился я с ней. Поговорили! Оказывается, внучка добрее меня, научила уму-разуму своего деда! Устами младенца истина глаголет!

Ну вот, а зима-зимушка все стояла за окном, мороз проказник рисовал свои неповторимые узоры на нём.

Как бы время долго ни тянулось, но вскоре начали появляться признаки весны! Прошел январь со своими трескучими морозами до сорока градусов. А в один из его дней, попутчик из соседней деревни сказал мне, что утром у него на градуснике было минус пятьдесят градусов! Вот это да!

Как бы не испытывала зима нас, но мы выстояли благодаря теплой одежде и запасом дров для печки. И вот уже 1 февраля! В этот день всё резко поменялось! Солнышко уже заметно стало пригревать. С крыши моего домика начал сползать кусками снег, а после обеда по водостоку началась весенняя капель. Это было так интересно! Зима, и капли с крыши! Солнышко пригревало и в комнате своими лучами через оконное стекло.

Тепло и уютно было у меня в домике-бане! Иногда я оставался ночевать в Зеленой Долине. Натоплю печку, посмотрю телевизор, сяду в кресло и отдаюсь своим мечтам и мыслям.

Однажды, за день до лунного затмения, вечером, когда в печке у меня играл огонек, трещали сосновые полешки, я выключив свет, стоял у большого, единственного окна и смотрел на луну. Она стояла прямо напротив окна и сияла

ярким светом, сказочно освещая молодые березки на моем участке. Ночное светило своей таинственностью постоянно притягивало мой взор на него. Свет освещал и небо, и землю, как бы независимо от луны, вроде бы исходил от чего то другого, а луна сияла сама по себе. Наверное, это так и было! Ночное небо освещалось не от самой луны, а отражением лунного света от снега на земле. Этот эффект и создавал загадочность ночного светила.

Долго я любовался этой картиной! Постепенно, луна уходила вправо поднимаясь по небесному склону вверх и уменьшаясь в размере...

Я отошел нехотя от окна, подошел к печке, подложил дров и сел в кресло напротив печной дверки, вытянув ноги на скамеечку к огню. Блаженство овладело мной! И не только оно! Не заметил я, как провалился в глубокий безмятежный сон. Какое время я пребывал во сне мне непонятно. Помню только, что расставался с этим состоянием неохотно. Тем не менее проснулся, и что-то мне захотелось посмотреть в ночное окно.

За окном уже было сумеречно, луна куда то удалилась. Березки просматривались по сторонам снежной траншеи, прорытой мной от дороги к домику. Гляжу, а по этой траншее бежит какой-то пушистый клубок и прямо к моей кормушке для синиц на небольшой березке. Подбежав, поднялся на задние лапы, пытаюсь достать подвешенную кормушку на березке. Тут я сразу понял, что это чья та собачка! Я открыл окно и резко свистнул!

Как она крутнулась! И, развернувшись, рванула всеми лапами по траншее к дороге, это надо было только видеть! Никак не ожидала она, что среди ночи, кто-то может ей помешать в воровстве! Вот таким образом я и узнал, кто у меня бывает на усадьбе в моё отсутствие. Не проснулся бы и не узнал, кто распотрошил мою кормушку.

Ну вот, вскоре, отключившись от этих мыслей, я начал вспоминать, почему же я не хотел просыпаться? И тут меня осенила мысль, что я видел сон! Фантастический зимний

сон! Я в космосе! Облетаю огромный лунный шар! Разглядываю кратеры и долины на поверхности. Мое внимание привлек один большой кратер, я приблизился (т.е. снизился) к этому кратеру и увидел, что внутри его отверстие идет в глубину луны. Внутри луна полая и вся внутренняя её поверхность сферы покрыта зеленой растительностью, похожей на узоры мороза на оконном стекле, и разными причудливыми цветами. Нет здесь ни низа, ни верха! Над этой поверхностью парят и передвигаются в разных направлениях множество бестелесных существ! Нет здесь ни домов, ни транспортных средств! Эти существа передвигаются с помощью мысли! В любое место они доставляют себя обратив свой взор туда, куда им нужно...!

Вот и всё! Тут я и проснулся! Вот, оказывается, на что способен мой мозг!

Фантазии во сне у меня частенько случаются, но такое придумать...!

Ну, а про лунное затмение, которое состоялось на следующий день, то, его я не видел. Находился в городе и с балкона его не было видно.

10 февраля я, наконец-то, решил прогуляться на лыжах, первый раз за всю зиму. Надев лыжи, я выбрался на след снегохода, недавно проезжавшего около моего сарая для дров, и по этому следу направился в лес. Снег был здесь плотный и было легко идти. Вскоре я добрался до лесной просеки по которой проходил газопровод. Множество следов лесных зверьков пересекали эту просеку. Почти сразу же здесь я обнаружил след соболя, который двигался без остановки в сторону поселка. Несколько раз просеку пересекал след лисицы. По обе стороны, справа и слева, заячьи следы.

Вскоре просека вышла на большое поле. На поле следов было уже меньше и в основном они просматривались ближе к кромке леса. Примерно, на середине поля я заметил, что один след зайца ведет от края леса к моей будущей лыжне, но тут он и заканчивается? Дальше поле чистое и продолжения следа зайца нет! Куда же делся заяц? Я остановился и

стал издали рассматривать и решать эту задачу. И вдруг, неожиданно для себя, я увидел зайца в конце его следа... Он сидел прижавшись к снегу, положив уши вдоль туловища. Вот оказывается в чем дело! Что-то его спугнуло (возможно лисица) и он кинулся через поле, но тут заметил меня и решил замаскироваться пользуясь своей белой шубкой.

«Ах ты, хитрец-трусишка», подумал я, взмахнул лыжной палкой и крикнул, пытаясь вспугнуть его. Поняв, что он обнаружен, решил продолжить свой путь по намеченному плану. Добежав до снегоходного следа, он сделал большой прыжок в сторону, используя твердость снежного наста здесь!

Однако, не учел он того, что за этим следом снег уже рыхлый. Пролетев в воздухе более двух метров, он приземлившись, провалился в рыхлый снег по самые уши! Вот было смеху, смотреть на это! Заработал он всеми лапами, так что снег полетел во все стороны, снова сделал несколько скачков, выбравшись из неожиданной ямы, и почувствовав свободу, решил прибавить ходу. Тут его снова постигла неудача, он второй раз попал в такую же историю! Снова оказался в снежной яме посреди поля! Сколько страху натерпелся белый зайчик пока выбрался и из этой ямки! Дальше путь свой продолжил более аккуратней и вскоре достиг противоположного леса, в котором и скрылся благополучно. «Ну и трусишка же ты косой», подумал я. Да как же в этой ситуации быть смелым, сзади лиса, сбоку человек, а впереди чистое поле и ни одного кустика! Хорошо, что всё благополучно кончилось! Насмотревшись и улыбнувшись, я продолжил свой путь. Подошел к тому месту, где барахтался заяц, я увидел несколько светло-зелёных шариков от зайца. Бедненький, как его здесь приспичило!

«Ладно, радуйся свободе, благодаря своей ловкости и сноровки! Пока, белый!»

Славно погулял я в этот день! Подышал свежим зимним воздухом! Почитал белоснежную лесную книгу с картинками! Набрался бодрости и здоровья! Вернувшись из леса,

снял с себя всю одежду, которую промочил потом снизу доверху. Сразу же забрался на полок в парной и напарился вдоволь березовым веничком с эвкалиптовым маслом. Вот и все что нужно для блаженства пожилому человеку, довольного своим трудом и его результатами! Слава Богу, за прекрасно прожитый день!

Счастливым день выдался мне, когда приехали в Зеленую Долину мои внуки!

Их приезд был для меня подарок! Городская жизнь у них была суетной, скучной.

Вот я и решил их познакомить с простой жизнью за городом.

В разговоре с ними о том, какой бы они сделали подарок ко дню моего рождения. На все их предложения, я отказывался, и попросил подарить мне «РАДОСТЬ». «Приезжайте ко мне в Зеленую Долину, это и будет мне самый лучший подарок» - сказал я им. Вот они это и исполнили!

Приехали они с мамой и бабушкой на автобусе. На мое предложение, попарится в баньке, они ответили отказом, а вот от чая с вишневым вареньем и лимончиком не отказались. Хорошо пошли и бутерброды с красной икрой! После этого все пошли на улицу, день был солнечный, яркий, так что трудно было усидеть в доме. Там я вытащил из сарая свою старую самоделку снежного самоката. Внуки поочередно и вместе несколько раз прокатились по склону дороги на нем, но уклон был небольшой и самокат плохо скользил. Так что, вскоре он им наскучил. Я в это время расчищал недавно выпавший снежок в своей траншее, выкидывая его на высокую снежную стену. И тут у меня возникла мысль научить внуков делать снежные домики в сугробе, такие как делали мы, когда в детстве. В стене траншее, я лопатой прокопал небольшое углубление и сказал, что дальше надо рыть снег руками. И вот пошла работа! Внучка прорыла стену траншеи на противоположную сторону и вскоре выбралась наверх. Сергей же решил рыть себе домик вдоль снежной стены, и вскоре добрался до молодой березки, которая и преградила ему дальнейшую работу. Тогда он решил рыть в другую сторону. Прорыв около

метра, он сделал окно в стене траншеи, так как дальше, было темно ему работать. Потом подключилась к нему и Наталья. Прокопав еще один метр, они решили сделать еще одно окно. Когда выбрались наружу, то Наталья сделала внезапное открытие! «Посмотрите!» сказала она, «У нас получился самолет!» Действительно, окна их походили на иллюминаторы самолета, а сугроб в конце их тоннеля походил на хвост!

Вот и приобщил я внуков к снежным играм, такими, какими мы занимались, когда-то в детстве. Я был рад, что передал им свой «опыт»!

Кто же им это покажет кроме деда? Может быть, когда-то и они, будут вспоминать меня, рассказывая своим внукам как надо делать снежные домики.

Наигравшись вдоволь, мы вскоре все вместе они уехали в город. Вот такой подарок получился у меня к моему дню рождения от внуков! Слава Богу, за такой благословенный Им для меня такой день!

Ну, а зима, день за днем сдавала свои позиции. Вот уже появились верхушки кустиков вишни и яблоньки. Снег заметно просел!

На крышах, недостроенных домов, появились строители, постукивая молотками!

Собственных слов выразить восторг, наступившей порой года не хватает, и вот я нашел слова неизвестно поэта, созвучные с моим настроением:

«Февральская лазурь...
 Небес волшебна сказка,
 Волнует чистотой прозрачный колорит,
 Березовый ажур, вшитавший прелесть красок,
 Мелодией весны среди зимы звучит.
 Все кажется простым, изящно – совершенным,
 Сиреневых снегов пленяет акварель,
 Природа хороша, пронзительно-блаженна.
 Идет, идет весна!
 И близок уж апрель.»

Марина Борина-Малхасян

До апреля, конечно еще далеко, еще март впереди целый, но душа уже принадлежит весне! Прожит еще один период моей жизни! Ожидание нового периода со всеми его, предстоящими заботами и работами в огороде и на усадьбе, волнует и восхищает своими волшебными планами.

Даст Господь и это нам! Порадуемся мы новым временем, прекрасной нашей сибирской природой! Порадуем близких и родных нашим трудом и его результатами!

Февраль 2018 года.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, первый сын своего отца Георгия, внук кулака Лаврова Ивана Мартемьяновича репрессированного в 1930 году, родился 3 февраля 1947 года на разъезде № 49, (Кочковатский) около станции Называевская, Называевского района, Омской области в вагоне путевой колонны, в семье железнодорожных рабочих Лаврова Георгия Ивановича и Долгих Валентины Егоровны. Семья проживала около станции Называевская до 1958 года. Здесь я закончил 3 класса общеобразовательной школы.

В 1958 году отец перевез семью в с. Львовка, Парабельского района, Томской области, где проживал мой дед Иван Мартемьянович сосланный как кулак в годы репрессии.

Здесь я учился с 4 по 8 классы школы. После 8 класса я поступил в Томский железнодорожный техникум, но учиться здесь не стал, отговорила тетка Нина в Омске, к которой я приехал после сдачи экзаменов в техникум. Она предложила мне жить у них и пойти в школу в 9 класс. Закончив 9 классов в Омске. Я опять вернулся во Львовку и в следующем году пошел в Пудинскую среднюю школу. В 1966 году окончил десять классов Пудинской школы начал работать в Шерстобитовском сельском Совете. Так началась моя трудовая биография.

В дальнейшем, я работал председателем сельского Совета, управляющим 5 го отделения совхоза «Пудинский». В 1975 году был переведен на работу в Алатаевское отделение совхоза «Нарымский». Здесь работал до 1 сентября 1979 года и был переведен в районный центр с. Парабель на должность директора хлебозавода. Пятого апреля 1985 года, собранием уполномоченных пайщиком Парабельского райпотребсоюза, меня избирают председателем правления.

За время работы в Парабельском райпотребсоюзе закончил заочно Новосибирский институт советской кооперативной торговли, экономист.

В 1988 году опять новое назначение. В строящийся город нефтяников Кедровый. меня приглашают на должность директора хлебопекарни. Здесь выделили мне и моей семье большую трехкомнатную квартиру. Здесь я и стал «нефтяником». Жизнь в эти года стремительно менялась. Пришлось мне поработать в ООО «Герасимовский нефтепромысел» ведущим инженером – экономистом. Перед выходом на пенсию работал в транспортном предприятии «Томскнефть» - УУТ «Лугинецкое» заместителем директора по финансам. В 2002 году вышел на пенсию. В 2005 году переехал в г. Томск, где и живу в настоящее время. Семья, дети, внуки, дача, вот моё настоящее занятие.

г. Томск август 2018.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИХОДИТ ВРЕМЯ НАЗАД ОГЛЯНУТЬСЯ
Я СЕГОДНЯ ЗА НИХ ГОВОРЮ
ЛАВРОВСКИЙ КРАЙ
КОТИНО
ВЕЛИКОЕ ВАСЮГАНЬЕ
ЕГОР МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ
МОЁ БОЛОТО
ЗИМОВЬЕ В ЗЕЛЁНОЙ ДОЛИНЕ
АВТОБИОГРАФИЯ

Юрий Лавров
Зов тех болот

Отпечатано с готового оригинал-макета
в авторской редакции
Подписано в печать __.__.2018 г.
Объем _____ усл. печ. л. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.
Тираж ___ экз. Заказ ____.
Фото автора и из ресурсов Интернета.

ГАУК ТОНБ
625000, Российская Федерация,
Тюменская область, г. Тюмень, ул. Оражоникидзе, 59
Телефон 8(3452) 565-300, доп. 1192, 4123